

К. В. Горшкова

ИСТОРИЧЕСКАЯ

**• ДИАЛЕКТОЛОГИЯ
РУССКОГО ЯЗЫКА**

Горшкова К. В.

**Г70 Историческая диалектология русского языка.
М., «Просвещение». 1972.**

160 с.

Книга представляет очерк исторической диалектологии русского языка. Автор рассказывает о становлении исторической диалектологии, методах исследования, источниках, на которые опираются лингвисты при изучении истории диалектов. Книга может быть использована в качестве пособия по истории языка и диалектологии.

Предлагаемая книга содержит характеристику диалектных различий русского языка в разные исторические эпохи (древнерусскую — X — XII вв., старорусскую — XIV — XV вв.) и краткий очерк развития этих различий. Выявление диалектных черт древнерусского и старорусского языка проведено на основе реконструкции фонологических систем древнерусских и старорусских основных диалектов. Таким образом, данная книга связана с другими книгами и пособиями по истории и диалектологии русского языка, особенно с такими, как работы В. В. Иванова «Историческая фонология русского языка» («Просвещение», 1968), К. В. Горшковой «Очерк исторической диалектологии северной Руси» (Изд-во МГУ, 1968), К. Ф. Захаровой, В. Г. Орловой «Диалектное членение русского языка» («Просвещение», 1970), «Русская диалектология» под ред. Р. И. Аванесова и В. Г. Орловой («Наука», 1964), «Русская диалектология» под ред. проф. П. С. Кузнецова («Просвещение», 1972).

Автор понимает, что полный очерк исторической диалектологии русского языка должен включать характеристику развития лексических и грамматических различий: Создание такой работы — очередная задача диалектологов.

Книга не предназначена для первоначального знакомства с понятиями истории и диалектологии русского языка. Она рассчитана на читателей, которые уже знакомы с общими курсами диалектологии и исторической грамматики русского языка и стремятся расширить свои представления в этой области.

Книга адресована студентам старших курсов филологических факультетов педагогических институтов.

Автор выражает глубокую благодарность члену-корреспонденту АН СССР Р. И. Аванесову, который ознакомился с рукописью книги и своими критическими замечаниями помог ее улучшить.

Автор будет признателен всем читателям, кто сочтет возможным сообщить свои критические замечания о книге.

Становление исторической диалектологии как научной дисциплины

Современное языкознание включает ряд научных дисциплин, каждая из которых имеет свой объект и свои методы исследования.

Таковыми особыми научными дисциплинами являются также описательная и историческая диалектология языка.

Объектом описательной диалектологии является структура диалектного языка (фонетическая, грамматическая, лексико-семантическая) и диалектное членение языка, взятые в одну историческую эпоху, практически — в их современном состоянии.

Историческая диалектология изучает структуру диалектного языка и характер диалектного членения языка в их историческом развитии.

Ранний этап в развитии исторической диалектологии русского языка тесно связан со сравнительно-историческим изучением восточнославянских языков и с выделением описательной диалектологии в качестве научной дисциплины.

Эта связь, особенно между описательной и исторической диалектологией русского языка, сохраняется до сих пор. Недостаточная расчлененность описательной и исторической диалектологии объясняется наличием естественного взаимодействия между объектами этих наук: диалектами в их современном состоянии и диалектами в их развитии.

Однако уже в ранних работах по истории русского языка мы найдем элементы исторической диалектологии как самостоятельной науки. Такие историки русского языка, как

акад. Срезневский И. И., Соболевский А. И., Шахматов А. А., их ученики и последователи с самого начала обратились к русским диалектам как основному источнику и старались объяснить эволюцию звуков и форм ссылками на современное состояние русских говоров. Неравномерное развитие структуры диалектного языка на всей территории его распространения привело к сохранению многих архаических элементов в фонетическом и грамматическом строе русских говоров, которые могут быть использованы при воссоздании древнего состояния языка.

В результате складывался, прежде всего, тот раздел исторической диалектологии, который содержит историю фонетической и грамматической системы русского языка и их общую территориальную характеристику, но безотносительно к проблеме группировки диалектов в разные исторические эпохи.

Но уже в середине XIX в. в русской лингвистике начинают анализировать общие проблемы происхождения русского языка в его говорах, классификации русских говоров, возникают соответствующие гипотезы, т. е. формируется и второй раздел исторической диалектологии — учение о диалектах, их территории, их группировке.

Фактически начало исторической диалектологии можно вести от книги И. И. Срезневского «Мысли об истории русского языка»¹, которая включала не только исторические, но и диалектологические данные. Основные историко-диалектологические положения работы И. И. Срезневского были следующие: а) в начале исторической жизни русский язык характеризуется е д и н с т в о м, не имеет диалектных различий и в этот период мало отличается от церковнославянского; б) распад русского языка на наречия начинается не ранее XIV в. Период XIII — XIV вв. — переход древнерусского языка к новому строю и отделение его от языка книжного; в) новый строй русского языка формируется в XV — XVI вв., в это время народная речь уже резко отличается от книжной.

В статье «Замечания о материалах для географии русского языка»² И. И. Срезневский подходит к идее л и н г

¹ И. И. Срезневский. Мысли об истории русского языка, изд. 4. СПб., 1850, 1887.

² И. И. Срезневский. Замечания о материалах для географии русского языка. «Вестник Русского географического общества», 1851, ч. I, кн. I.

вистического картографирования, он пишет: «Первой принадлежностью... лингвистической географии должна быть ... карта языков, наречий и говоров, карта, на которой место границ политических, религиозных и всяких других занимают границы лингвистического разнообразия народов»¹.

В это же время вопросы исторической диалектологии начинает разрабатывать П. А. Лавровский², который, опираясь на материал письменных памятников новгородского происхождения, формулирует выводы, отличные от схемы И. И. Срезневского. П. А. Лавровский устанавливает, что особенности новгородского говора существовали задолго до XIV в.

В 1866 г. выходит исследование А. А. Потебни «О звуковых особенностях русских наречий», в котором А. А. Потебня останавливается на взаимоотношении русского и украинского языков и на степени древности их особенностей. Белорусский язык А. А. Потебня считает частью великорусского из-за повторяемости языковых черт, великорусское наречие он делит на северновеликорусское и южновеликорусское поднаречия и характеризует их. Научная ценность данного исследования определилась приведением большого числа фактов из письменных памятников в сочетании с данными современных говоров.

Новый период в развитии исторической диалектологии начинается в 80-е годы XIX в.

Последние десятилетия XIX в. характеризуются развитием сравнительно-исторического изучения русского языка, что делало необходимым расширение материальной базы такого изучения, разработку основных источников: памятников письменности и живых народных говоров. К этому времени были накоплены диалектологические материалы, главным образом, — словарные. Вышли в свет «Опыт областного великорусского словаря» с «Дополнением» к нему³,

¹ И. И. Срезневский. Замечания о материалах для географии русского языка. «Вестник Русского географического общества», 1851, ч. I, кн. I, стр. 6.

² См.: П. А. Лавровский. О языке северных русских летописей. СПб., 1852.

³ См.: «Опыт областного великорусского словаря», изд. Второго отделения имп. Академии наук СПб., 1852; «Дополнение к Опыту областного великорусского словаря», изд. Второго отделения имп. Академии наук. СПб., 1858.

«Толковый словарь живого великорусского языка», составленный В. И. Далем ¹.

К сожалению, сводка сведений по фонетике и грамматике русских говоров, сделанная М. А. Колосовым ², уже к концу XIX в. устарела. Поэтому особенно актуальной оказывалась задача расширения диалектного материала, который наряду с данными письменных памятников привлекался бы для построения истории русского языка.

Эту задачу в значительной мере решает А. И. Соболевский, научная деятельность которого составила эпоху на рубеже XIX — XX вв. А. И. Соболевский, читая лекции по истории русского языка в Петербургском университете, постепенно выделил самостоятельный курс русской диалектологии, что было новым в практике университетского преподавания. В своих «Лекциях по истории русского языка» ³ А. И. Соболевский привлек обширный рукописный материал и на этой основе поставил вопрос одревнерусских диалектах. В 1884 г. вышли его «Очерки по истории русского языка» ⁴, где в результате интерпретации данных рукописных памятников автор доказывает, что в южнорусских говорах уже в XII в. имелись особые диалектные черты. Он отмечает следующие признаки этого южнорусского, галицко-волынского наречия: 1) удлинение [e] в [ê:] (ять) в определенных условиях; 2) [ж'ч'] в соответствии с великорусским [ж'д'ж'] и церковнославянским [ж'д'] (из **zdj* и **zgj*); 3) [y] на месте [v]. В работах А. И. Соболевского, а также его ученика Н. Каринского найдем также характеристику древнепсковского диалекта по данным рукописей псковского происхождения ⁵.

Разбор первого издания «Лекций ...» А. И. Соболевского дал И. В. Ягич в своих «Критических заметках по

¹ См.: В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, т. I — IV, 1863—1866, 2-е изд. — 1880—1882, 3-е изд. — 1903—1909. Второе издание переиздано фотомеханически Гослитиздатом в 1935 г.

² См.: М. А. Колосов. Обзор звуковых и формальных особенностей народного русского языка. Варшава, 1878.

³ См.: А. И. Соболевский. Лекции по истории русского языка, изд. 4. М., 1907.

⁴ А. И. Соболевский. Очерки по истории русского языка. Киев, 1884.

⁵ См.: Н. М. Каринский. Язык Пскова и его области в XV веке. СПб., 1909.

истории русского языка»¹, который указал, что среди южнорусских памятников следует различать два типа: первый тип — это собственно галицко-волынские памятники с признаками, которые выделил А. И. Соболевский, и второй — юго-восточный, киевский, характерной особенностью которого является лишь отражение удлинения [e] в [ê:]; при этом И. В. Ягич ссылается на Добролюво евангелие.

А. И. Соболевский, благодаря исключительным исследовательским способностям, отличному знанию древнерусской литературы, древнерусских рукописей, привлечению имеющихся в его время диалектных данных, сумел сделать ряд основных открытий по исторической диалектологии, которые вошли в фонд науки о русском языке и сохраняют свою ценность до настоящего времени. Но отдельные его выводы в дальнейшем потребовали обновления и уточнения. Осторожность ученого часто вынуждала его оставаться в области эмпиризма и отказываться от плодотворных обобщений. «Он нередко сам подчеркивал свою особенность, статичность позиций и осуждал представителей молодого поколения ученых, которые в научно-исследовательских приемах допускали применение смелых гипотез. Но нельзя забывать, что именно благодаря первым обобщающим работам А. И. Соболевского в области диалектологии открылась широкая перспектива для ее дальнейшего развития»². Под влиянием исследований А. И. Соболевского написаны работы К. Филатова о воронежских говорах, Н. М. Каринского о псковских говорах. К этому же этапу развития русской диалектологии относятся первые монографии Е. Ф. Будде, посвященные историко-сравнительному изучению рязанских говоров³. Хотя Е. Ф. Будде считал себя последователем Ф. Ф. Фортунатова и действительно исключительно большое внимание уделял фонетике говоров вплоть до характеристики всех мельчайших оттен-

¹ И. В. Ягич Критические заметки по истории русского языка. СПб., 1889.

² С. С. Высотский. Развитие русской диалектологии в конце XIX в. и в начале XX в. (до Великой Октябрьской социалистической революции). В кн. «История русской диалектологии». М., изд-во АН СССР, 1961, стр. 34.

³ См.: Е. Ф. Будде К диалектологии великорусских наречий. Варшава, 1892, е го же. К истории великорусских наречий. Казань, 1896.

ков звуков, объективно он примыкал к идеям А. И. Соболевского. Детальная характеристика диалектных звуков и их оттенков не сопровождалась в работах Е. Ф. Будде пониманием связи между этими звуками, поэтому он не уделил достаточного внимания предупредительному вокализму и не понял его места при характеристике южновеликорусских говоров. В своей концепции развития диалектов Е. Ф. Будде преобладающее внимание уделял м е х а н и ч е с к о м у смещению заимствований, фактам территориальных перемещений, миграции племен и т. п. и не учитывал закономерностей внутреннего развития самой системы диалектов. Но в работах Е. Ф. Будде содержатся не только недостатки, отмеченные уже его современниками (в рецензиях В. Ф. Миллера и А. А. Шахматова). Он совершает ряд диалектологических поездок и собирает громадный фактический материал. Мысли Е. Ф. Будде о сравнительно-историческом изучении говоров, о сопоставлении диалектных данных с фактами письменных источников, о значении диалектологии для истории языка и народа, этнографии сохраняют значение до настоящего времени.

Главный этап в развитии исторической диалектологии связан с именем выдающегося русского лингвиста А. А. Шахматова, творческий метод которого послужил образцом для целого поколения диалектологов. В трудах А. А. Шахматова прослежено развитие всех основных явлений фонетического строя русских диалектов, охарактеризованы многие морфологические диалектные факты и впервые оформлена общая концепция происхождения русского языка в его говорах, концепция, определившая развитие исторической диалектологии русского языка на протяжении XX в., вплоть до настоящего времени. По своим методам А. А. Шахматов был во многом противоположен А. И. Соболевскому. Он с полным пониманием относится к данным рукописных памятников, но считал главным и надежнейшим источником истории языка современные говоры, широко пользовался сравнительным методом, вовлекая материал всех славянских языков и их диалектов. А. А. Шахматов уделял внимание и характеристике отдельных древнерусских диалектов. В работе 1883 г. «Beiträge zur russische Grammatik» он указывает на переход «*тѣ* + *и*» в «*ти* + *и*» как на черту южнорусского наречия. В 1884 г. выходит его исследование о языке новгородских грамот, а в 1903 г. — о языке двинских грамот, где дана подробная характеристика древне-

новгородского диалекта¹. Свои суждения о явлениях древнепсковского диалекта А. А. Шахматов излагает в статье «Несколько замечаний об языке псковских памятников XIV — XV вв.»².

Основополагающее значение для развития русской исторической диалектологии имела общая гипотеза А. А. Шахматова о происхождении русских наречий. Проблема образования современных восточнославянских языков занимала А. А. Шахматова почти на всем протяжении его научной деятельности. Результаты решения ее изложены в ряде работ ученого, начиная с 1894 г. по 1919 г.³.

Гипотеза А. А. Шахматова сводится к следующим основным положениям. В эпоху, непосредственно предшествующую историческому периоду, было три группы диалектов: диалекты севернорусов, восточнорусов и южнорусов. На их основе и сложились три современных восточнославянских языка. Русский (великорусский) язык возник в результате объединения говоров севернорусов и восточнорусов. Следствием этого объединения явились средневеликорусские говоры, сочетающие севернорусские и восточнорусские черты, причем первые составляют основу средневеликорусских говоров, а вторые — наслоение. Северновеликорусское и южновеликорусское наречия русского языка являются прямым продолжением древних диалектов севернорусов и восточнорусов. Белорусский язык образовался

¹ См.: А. А. Шахматов. О языке новгородских грамот. В кн. «Исследования по русскому языку», т. I. СПб., 1885—1895; его же. Исследование о двинских грамотах XV в., ч. I, II. В кн. «Исследования по русскому языку», т. II, вып. 3. СПб., 1903.

² Статья опубликована в «Журнале министерства народного просвещения», 1912, № 7.

³ См.: А. А. Шахматов. К вопросу об образовании русских наречий («Русский филологический вестник», т. 32, 1894); его же. К вопросу об образовании русских наречий в русских народностях («Журнал министерства народного просвещения», 1899, апрель); его же. Очерк современного русского литературного языка (изд. 4, 1941, раздел «Происхождение современного русского литературного языка»); его же. Введение в курс истории русского языка (Пг., 1916); его же. Курс истории русского языка (ч. I, изд. 2. СПб., 1910—1911); его же. Очерк древнейшего периода истории русского языка («Энциклопедия славянской филологии», вып. II. Пг., 1915); его же. Русский язык, его особенности. Вопрос об образовании наречий. Очерк основных моментов развития литературного языка («История русской литературы до XIX в., под ред. А. Е. Грузинского, т. I. М., 1916); его же. Древнейшие судьбы русского племени (Пг., 1919), и другие работы, посвященные частным вопросам этой проблемы.

путем объединения части говоров восточнорусов и южнорусов, а также при участии западнославянских ляхских говоров. Украинский язык продолжает историю древнего диалекта южнорусов.

Гипотеза А. А. Шахматова вызвала критическое замечание И. В. Ягича. В письме к А. А. Шахматову в 1894 г. он писал: «С интересом прочел я Ваши рассуждения о группировке русских наречий. Беда не велика, если Вы не сразу меня убедили во всем, что излагаете. Не придаете ли Вы чересчур много значения племенному родству в образовании политических организаций древней Руси? Вероятно ли предположить, что когда-то в очень древнее время существовали три группы и только, без постепенных переходов, без посредствующих звеньев?! Кажется, что дальнейшее изучение должно будет допустить не три только, а гораздо больше групп»¹.

Подробное критическое рассмотрение концепции А. А. Шахматова в связи с пересмотром всей проблемы образования русского языка в его говорах впервые дал Р. И. Аванесов в работе «Вопросы образования русского языка в его говорах»². Критика автора направлена прежде всего против антиисторизма концепции А. А. Шахматова. В своей работе Р. И. Аванесов показывает, что особенности современных русских говоров и их группировка не может быть непосредственно выведена из племенных диалектов восточных славян. Между древними племенными диалектами и современными говорами лежит эпоха феодальной раздробленности, вызвавшая к жизни образование территориальных диалектов.

Рассмотрение ряда современных изоглосс позволяет связать современное территориальное распределение некоторых языковых черт с историческими данными о передвижении соответствующих групп населения. Р. И. Аванесов при анализе проблемы средневеликорусских говоров выделяет средневеликорусские говоры первичного и вторичного образования, предлагает оценивать различные группы средневеликорусских говоров с учетом конкретно-исторического процесса их формирования.

Идеи Ф. Ф. Фортунатова, вслед за А. А. Шахматовым,

¹ «Шахматов А. А. 1864—1920» Сборник статей и материалов под ред. акад. С. П. Обнорского. Изд-во АН СССР, 1947, стр. 79—80.

² Р. И. А в а н е с о в Вопросы образования русского языка в его говорах. «Вестник МГУ», 1947, № 9, стр. 109—158.

продолжали разрабатывать его последователи — Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколов, Д. Н. Ушаков и др. В 1901 г. они организовали «Кружок по изучению истории и диалектологии русского языка». В кружке была начата подготовительная работа для составления диалектологической карты русского языка. В 1903 г. на основе этого кружка с помощью А. А. Шахматова была создана Московская диалектологическая комиссия. В состав комиссии вошли Д. Н. Ушаков, Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколов, руководителем был Ф. Е. Корш, ближайшее участие в ее работе принимал А. А. Шахматов. В 1908 г. стали выходить «Труды Московской диалектологической комиссии», а в 1915 г. вышел «Опыт диалектологической карты русского языка в Европе» с приложением «Очерка русской диалектологии» (авторы Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколов и Д. Н. Ушаков). «Опыт...» обобщил накопленные диалектологией данные, выделил признаки основных групп говоров и показал их территориальное размещение. В дальнейшем эти признаки и территории уточнялись, но значительное число собранных фактов, четкость документации и во многих случаях правильные теоретические обобщения надолго определили научную и практическую ценность диалектологической карты 1915 г.

В «Опыте...» были выделены языковые признаки и территории трех восточнославянских языков. Кроме границы между основными наречиями великорусского языка, на карте была показана зона средневеликорусских, переходных говоров. Тесно связана с «Опытом...» монография Н. Н. Дурново «Диалектологические разыскания в области великорусских говоров. Часть I. Южновеликорусское наречие»¹. Здесь дается классификация южновеликорусских говоров по типам яканья, рассматривается вопрос о постепенном развитии различных типов предударного вокализма, а также уделяется много внимания процессам образования переходных говоров.

В послереволюционный период, начиная с 1921 г., продолжались диалектологические экспедиции, публиковались диалектные материалы². Расширяется территория

¹ Опубликована в «Трудах Московской диалектологической комиссии», вып. 6, 1917, вып. 7, 1918.

² См.: 1) «Труды постоянной комиссии по диалектологии русского языка», вып. 9—1927, вып. 10—1928, вып. 11—1930 и вып. 12—1931, 2) «Материалы для изучения великорусских говоров», вып. 11 (вышел в 1922 г.).

изучаемых диалектов, привлекаются для изучения говоры Сибири и Дальнего Востока ¹.

В диалектологических описаниях этого времени появляется идея о системном характере диалектных явлений. Накопление описательного диалектологического материала было важно и для развития исторической диалектологии.

В 40—60-е годы появляется ряд работ по исторической диалектологии. Они идут в нескольких планах.

I. Издаются тексты памятников народно-разговорной речи. Так, следует отметить работы: А. В. Арциховский, М. Н. Тихомиров. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 года). М., Изд-во АН СССР, 1953; А. В. Арциховский и В. И. Боровский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1953—1954 гг.). М., 1958; А. В. Арциховский, В. И. Боровский. Новгородские берестяные грамоты (из раскопок 1956—1957 гг.). М., 1963; А. В. Арциховский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1958—1961 гг.). М., 1963; С. И. Котков, Н. П. Панкратова. Источники по истории русского народно-разговорного языка XVII — начала XVIII века. М., 1964; «Памятники русского народно-разговорного языка XVII столетия». М., 1965; «Акты социально-экономической истории северо-восточной Руси конца XIV — начала XV в.», т. I. М., Изд-во АН СССР, 1952, т. II, Изд-во АН СССР. М., 1958 (акты до 1505 г. изданы с соблюдением орфографии рукописей); «Смоленские грамоты XIII — XIV вв.», под ред. Р. И. Аванесова. М., Изд-во АН СССР, 1963; «Московская деловая и бытовая письменность XVII века». М., «Наука», 1968.

Ценные тексты, дополняющие наши сведения о языке жителей древнего Киева, содержит работа С. А. Высоцкого «Древнерусские надписи Софии Киевской XI — XIV вв.» (вып. 1. Киев, 1966). Новый материал представлен в труде Б. А. Рыбакова «Русские датированные надписи XI — XIV вв.» (М., 1964).

II. Исследуются рукописи, территориально соотнесенные с определенными диалектами, и по данным этих рукописей восстанавливается строй древнерусских диалектов.

¹ См.: А. М. Селищев. Забайкальские старообрядцы. Иркутск, 1920; его же. Диалектологический очерк Сибири, вып. I. Иркутск, 1921.

Укажем такие исследования: Л. П. Жуковская. Из истории языка северо-восточной Руси в середине XIV в. (Фонетика галичского говора по материалу Галичского евангелия 1357 года)¹; В. В. Иванов. Из истории волоколамских говоров XV — XVIII вв.²; Т. Н. Кандаурова. К истории древнепсковского диалекта XIV в. (о языке Псковского пролога 1383 года)³; О. А. Князевская. К истории русского языка северо-восточной Руси в середине XIV века (Описание рукописи Московского евангелия 1358 года)⁴; П. С. Кузнецов. К исторической фонетике ростово-суздальских говоров⁵; С. И. Котков. Южновеликорусское наречие в XVII веке⁶; Б. А. Ларин. Три иностранных источника по истории русского языка XVI — XVII вв.⁷. «Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот», М., 1955; К. В. Горшкова. Очерки исторической диалектологии северной Руси. М., Изд-во МГУ, 1968.

III. Исследуются современные говоры с последующей реконструкцией их исторических судеб. Отметим работы: Л. Э. Калнынь. К истории коломенских говоров⁸; В. В. Иванов. Из истории волоколамских говоров⁹; К. А. Федорова. К истории говоров западного Подмосковья¹⁰; З. И. Жаклова. Восточносмоленские говоры в их истории и современном состоянии¹¹; Н. А. Цомакисон. Туруханские говоры в их истории и современном состоянии. Красноярск, 1966; К. М. Браславец. Диалектологический очерк Камчатки. Южно-Сахалинск, 1968, и др.

IV. Изучение истории отдельных явлений по памятникам письменности с привлечением диалектных данных или

¹ «Труды Института языкознания», т. 8. М., Изд-во АН СССР, 1957.

² «Ученые записки института славяноведения», т. XIX. М., Изд-во АН СССР., 1960.

³ «Труды Института языкознания», т. 8. М., Изд-во АН СССР, 1957.

⁴ «Труды Института языкознания», т. 8. М., Изд-во АН СССР, 1957.

⁵ «Доклады и сообщения Института русского языка АН СССР», вып. 2. М.—Л., 1948.

⁶ Изд-во АН СССР. М., 1963.

⁷ «Доклады и сообщения Института русского языка АН СССР», вып. 1, 1948.

⁸ «Труды Института языкознания», т. 7. М., Изд-во АН СССР, 1957.

⁹ «Ученые записки Института славяноведения», т. 19, 1960.

¹⁰ АКД, М., 1951 (МГУ).

¹¹ АКД, М., 1954 (МГУ).

же преимущественно на основе диалектных данных широко представлено в исследованиях советского периода. Одним из наиболее ранних трудов такого типа является работа В. В. Виноградова по истории звука *ль*¹. Таковы также работы С. П. Обнорского о переходе *е в о* в русском языке, о судьбе сочетания *чн* и др.² О говорах без перехода *е в о*, об истории аканья, звуков *з* и *у* пишет Р. И. Аванесов в статье «Лингвистическая география и история русского языка»³. Истории звуков *в* и *ф*⁴, а также истории цоканья в связи с образованием русских народных говоров посвящает свои исследования В. Г. Орлова⁵.

В работах В. Н. Сидорова рассматривается вопрос о происхождении умеренного яканья⁶. Л. Л. Васильев в работе «О значении каморы в некоторых древнерусских памятниках XVI — XVII вв.» решает вопрос о произношении звука *о* в великорусских говорах⁷. Л. Э. Калнынь специально изучает развитие категории твердости и мягкости согласных в русском языке⁸.

Эти исследования позволяют судить о появлении диалектных различий в ту или иную историческую эпоху.

V. Более всего для развития диалектологии в 40—60-е годы характерно изучение диалектов русского языка методами лингвистической географии. «Программа собирания сведений для составления диалектологического атласа

¹ В. В. Виноградов. Исследование в области фонетики севернорусского наречия, вып. 1, «Известия Отделения русского языка и словесности», 1923, т. XXIV, кн. 1 и 2.

² См.: С. П. Обнорский. Переход *е в о* в современном русском языке. Сб. «А. А. Шахматов», «Труды Комиссии по истории Академии наук СССР», вып. 3. М., Изд-во АН СССР, 1947; е г о ж е. Сочетание *чн* в русском языке. «Труды Комиссии по русскому языку», т. I, 1931.

³ См.: «Вопросы языкознания», 1952, № 6.

⁴ См.: В. Г. Орлова. Губные спиранты в русском языке. «Труды Института русского языка» АН СССР, т. II, 1950.

⁵ См.: В. Г. Орлова. История аффрикат в русском языке в связи с образованием русских народных говоров. М., Изд-во АН СССР, 1959.

⁶ См.: В. Н. Сидоров. О происхождении умеренного яканья в среднерусских говорах. «Известия АН СССР. Отделение литературы и языка», 1951, т. X, вып. 2; Об одной разновидности умеренного яканья в среднерусских говорах. «Доклады и сообщения института языкознания АН СССР», вып. II, 1952.

⁷ См.: Л. Л. Васильев. О значении каморы в некоторых древнерусских памятниках XVI — XVII вв. Л., 1929.

⁸ См.: «Ученые записки Института славяноведения», т. 13, 1956, стр. 121—225.

русского языка» вышла массовым изданием в 1945 г.¹ Создание диалектологического атласа русского языка стало возможным благодаря участию многих и многих филологов нашей страны — членов кафедр высших учебных заведений, аспирантов и студентов. Общее руководство осуществлял диалектологический сектор Института русского языка под руководством Р. И. Аванесова, а позже — В. Г. Орловой. В настоящее время подготовлены атласы центральных областей к востоку и западу от Москвы, атлас северо-западных областей, атлас юго-западных областей, закончен атлас северных областей. В 1957 г. вышел из печати Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы, под редакцией Р. И. Аванесова.

Данные русской лингвистической географии, представленные картами и комментариями к картам атласов, становятся новым важнейшим источником русской исторической диалектологии.

VI. Развертывается работа по диалектной лексикографии. Уже вышел шестой выпуск Словаря русских народных говоров, подготовленный словарным сектором Института русского языка АН СССР под руководством Ф. П. Филина²; собран материал и готовятся к печати в ЛГУ выпуски Псковского областного словаря, первый том которого уже вышел в свет; собран материал и подготовлен проспект Архангельского областного словаря в МГУ, сдан в печать «Словарь одного говора — села Деулино Рязанской области», выполненный в Институте русского языка АН СССР под руководством И. А. Осовецкого; опубликован первый том Ярославского областного словаря; готовятся и другие областные диалектные словари.

Несомненно, что публикация значительного числа областных словарей создаст необходимую основу для реконструкции лексических диалектных различий на территории распространения древнерусского и старорусского языка.

VII. В меньшей мере до сих пор разрабатывались общие вопросы исторической диалектологии русского языка: определение и интерпретация пучков изоглосс древнерус-

¹ Программа выходила ранее в издании Ярославского пединститута (Ярославль, 1945), в издании МГУ (1946) и в издании АН СССР (1947).

² См.: Словарь русских народных говоров, вып. 1, «Наука», 1965, вып. 2 — 1966, вып. 3 — 1968, вып. 4 — 1969, вып. 5 — 1970, вып. 6 — 1970.

ского и старорусского языка как особых диалектов, диалектных групп, диалектных зон, их возникновение и изменение.

Мало освещались методы включения экстралингвистического материала в лингвистические исследования об образовании родственных языков, диалектов одного языка, зон переходных говоров и т. п.

Здесь можно назвать только книгу Ф. П. Филина «Образование языка восточных славян» (М.—Л., Изд-во АН СССР, 1962), цикл статей Р. И. Аванесова «Вопросы образования русского языка в его говорах»¹, «Вопросы истории русского языка»², работу Л. И. Баранниковой «Русские народные говоры в советский период (Изд-во Саратовского ун-та, 1967), коллективную монографию диалектологов Института русского языка АН СССР, выполненную под руководством В. Г. Орловой, «Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров» (по данным лингвистической географии, «Наука», 1970).

Основные понятия исторической диалектологии

Современное понимание предмета и задач исторической диалектологии русского языка связано с применением общей идеи системности языка к его истории и к тем отделам науки о данном языке, которые обращаются к внешним, внеязыковым фактам, к таким, как территориальное размещение языковых явлений, социальная и культурная история народа — носителя языка³.

Предметом диалектологии, как описательной, так и исторической, является диалектный язык в его стилистически нейтральной форме с учетом территориального варьирования.

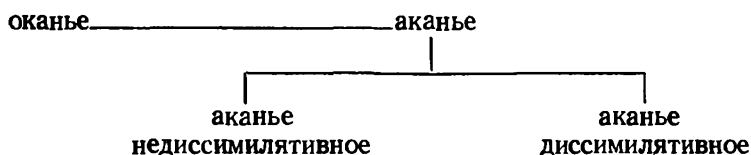
Одним из основных понятий, определяющих диалектный язык как структуру, является понятие соответственного явления, образующего диалект-

¹ См.: «Вестник Московского государственного университета», 1947, № 9, стр. 109—158.

² См. в сб. «Вопросы формирования русской народности и нации» (Изд-во АН СССР, 1958, стр. 155—192).

³ См.: Р. И. Аванесов. Описательная диалектология и история языка В сб. «Славянское языкознание», V международный съезд славистов М., Изд-во АН СССР, 1963, стр. 293—318.

ное отличие. «Диалектное отличие есть такой элемент структуры языка, который в отдельных частных диалектных системах выступает в разных своих соотносительных вариантах, в разных своих членах. Каждый из этих вариантов сам по себе является элементом той или иной частной диалектной системы. Совокупность этих вариантов в их межсистемных отношениях образует соответственное явление»¹. Соответственное явление может быть двучленным (оканье-аканье, [ɣ], [ʏ], цоканье — различие аффрикат и др.) и многочленным (разные типы яканья в южновеликорусских говорах, типы предударного вокализма акающих говоров и др.). Члены соответствующего явления в свою очередь могут быть однопланными или многоплановыми, например:

Диалектные различия, как члены соответственного явления, всегда противопоставленные. Но могут быть и непротивопоставленные диалектные различия, чаще всего в области лексики².

Структура диалектных различий, кроме приведенной общей характеристики, имеет на каждом уровне (фонологическом, морфологическом, синтаксическом, лексико-семантическом) свою особую характеристику³. Так, на фонологическом уровне могут быть следующие типы диалектных различий.

1. Различия в наборе фонем: а) одни говоры различают фонемы /o/ — /ɔ/, /e/ — /ɛ/; б) другие знают лишь одну фо-

¹ Р. И. А в а в е с о в. О двух аспектах предмета диалектологии В сб. «Общеславянский лингвистический атлас». М., «Наука», 1965, стр. 26.

² Наиболее подробное изложение вопросов структурной диалектологии в связи с учением о диалектизме языка можно найти в книге «Вопросы теории лингвистической географии» (М., Изд-во АН СССР, 1962).

³ См.: П. И в н ч. Опыт структурной классификации диалектных различий в славянской языковой области. В статье «Общеславянский лингвистический атлас» М., «Наука», 1965, стр. 5—24. Здесь же дан обширный библиографический материал.

нему /о/, но различают /е/ — /ѐ/; в) третьи имеют лишь /о/ и /е/, т. е. говорят: а) [сл'ипой старик — у сл'апѝ старух'и] [п'ат' с'ел — он с'ѐл]; б) [сл'ипой старик — у сл'ипой старух'и], но [п'ат' с'ел — он с'ѐл]; в) [сл'ипой стар'ик — у сл'ипой старух'и], [п'ат' с'ел] или [п'ат' с'ол — он с'ел].

2. Различия в наборе дифференциальных признаков фонем: например, в северновеликорусских и средневеликорусских говорах, в системе которых есть звонкая заднеязычная фонема /г/ взрывного образования, заднеязычная взрывная фонема /к/ в числе своих дифференциальных признаков имеет и признак глухости. В южновеликорусских говорах, где есть звонкая заднеязычная фонема /г/ фрикативного образования, парная фонема /х/ по признаку звонкости-глухости, заднеязычная взрывная фонема не содержит признак глухости в числе своих дифференциальных признаков.

3. Различия в правилах распределения (дистрибуции) фонем. Сами правила дистрибуции фонем могут определяться различными факторами: отношением к другим фонемам, отношением к началу или концу слова, отношением к наличию или отсутствию морфологического соединения, что может стать основой дальнейшей дифференциации данного общего различия. Не останавливаясь подробнее на структуре данного различия, приведем лишь несколько иллюстраций. Так, все русские говоры знают систему согласных фонем, парных по твердости-мягкости. Однако русские говоры могут значительно различаться правилами дистрибуции парных твердых-мягких фонем. В говорах центра парные твердые-мягкие губные фонемы известны перед всеми гласными фонемами и на конце слова; в южновеликорусских говорах и во многих говорах русского севера эти фонемы различаются перед гласными и не различаются на конце слова, где произносятся только твердые губные. Есть донские говоры, в системе которых твердые-мягкие губные фонемы различаются лишь перед гласными [y] и [ѝ] и т. п.

В говорах, где конечные сочетания согласных [ст] и [с'т'] изменяются в [с] и [с'] (произносят *лис* (=лист), *хвос* (=хвост), *ес'* (=есть), *гвос'* (=гвоздь) и под.), меняется дистрибуция фонем /т/ и /т'/ в конце слова.

4. Различия могут относиться к случайному распределению фонем, регулярному или обособленному. В резуль-

тате различной судьбы древнерусской гласной фонемы, обозначаемой буквой *ѣ*, по говорам русского языка произносятся: *сино*, *лис*, *хлип*, *дило* и *сено*, *лес*, *хлеп*, *дело*. Это различие не касается состава фонем, так как в говорах с произношением *сино*, *лис* есть фонема /е/ в словах *весь*, *мел* и др., а в говорах с произношением *сѣно*, *лес* есть фонема /и/ в словах *синий*, *вина* и др. Оно не затрагивает правил дистрибуции фонем.

В то же время это различие, затрагивающее фонемный состав группы слов, регулярно.

Могут быть и обособленные различия этого рода. Так, в одних русских говорах известна лексема *вишня*, в других — *вышня*; такие же отношения возникают между лексемами: *гриб* — *грыб*, *кринка* — *крынка* и др. Эти различия не влияют на систему, так как во всех этих говорах возможны фонемы /в/ — /в'/ и /р/ — /р'/ в других словах: *вить* — *выть*, *рис* — *рысь* и др.

5. Различия касаются фонетической реализации одинаковых частных фонологических систем.

В результате экспериментального изучения гласных диалектного языка стало известно, что при пятифонемном составе вокализма гласные среднего подъема могут реализовываться звуками [e] и [o] тембрально однородными, не дифтонгоидами, без начальных призвуков переднего образования. В некоторых говорах с пятифонемным составом вокализма известны недифтонгоидные гласные средневерхнего подъема, соответствующие гласным среднего подъема литературного языка.

И наконец, известны говоры, где, как и в литературном языке, гласные фонемы среднего подъема реализуются дифтонгоидами [ʰe], [ʰo]¹.

Сложная система диалектного языка может изучаться в чисто структурном плане без учета территории распространения. Учение о структуре диалектного языка составляет первый отдел диалектологии. Но для диалектологии необходим и т е р р и т о р и а л ь н ы й а с п е к т.

Одним из основных понятий территориального аспекта диалектологии является и з о г л о с с а. Изоглосса — это

¹ Большой и разнообразный материал, связанный с этим вопросом, можно найти в статье С. С. Высотского «Определение состава гласных фонем в связи с качеством звуков в севернорусских говорах» (по материалам экспериментально-фонетического исследования). В сб. «Очерки по фонетике севернорусских говоров». М., «Наука», 1967.

результат проецирования диалектного отличия на карту. При помощи изоглоссы устанавливаются границы территориального распространения отдельного соответственного явления в его соотносительных вариантах. Если диалектное различие относится к системе диалектного языка, то и соответствующая ему изоглосса имеет структурное содержание. Примером являются изоглоссы, показывающие распространение аканья, типов предударного вокализма.

Диалектные различия как явления обособленные (типа *вишня* — *вышня*) отражаются и в соответствующей «неструктурной» изоглоссе.

На основе понятия изоглоссы в соединении с внелингвистическими факторами историко-социального и историко-культурного плана определяется понятие *диалекта*. Выделение диалектов как структурно-территориальных единиц есть результат синхронной интерпретации распространения изоглосс с учетом этнического и национального самосознания и историко-культурной ориентации носителей языка.

При выборе изоглосс, способных диалектно дифференцировать язык, оказывается несущественной их структурная значимость. Но среди изоглосс, способных членить территорию распространения языка, структурно значимые изоглоссы обладают большим значением, являются более существенными.

Учение о диалектах является предметом второго отдела описательной диалектологии. Различительные элементы системы диалектного языка в территориальном аспекте является основным объектом лингвистической географии как части описательной диалектологии.

Кроме структурности и территориальности, диалектный язык обладает еще одной характеристикой — *изменяемостью*. Включение фактора времени позволяет рассмотреть развитие сложной системы диалектного языка.

Формирование диалектов, изменение группировки территориальных диалектов во времени являются объектом исторической лингвогеографии как отдела исторической диалектологии.

Все вышесказанное позволяет следующим образом охарактеризовать предмет, цели и задачи исторической диалектологии и русского языка. Это

особая дисциплина, предметом которой является как историческое изменение структуры диалектного языка, так и историческое изменение лингвистической карты русского языка и история диалектного членения языка.

Среди исторических дисциплин историческая диалектология занимает важное место, так как позволяет обнаруживать исторические реальности. Об этом хорошо сказал итальянский ученый В. Пизани: «Я считаю, что, если наша наука должна быть исторической, она должна стремиться обнаруживать исторические реальности. Мне совсем не интересно строить фонологическую или морфологическую систему, чтобы выдать ее за «индоевропейскую», но мне интересно знать, что представлял собой в действительности этот «индоевропейский» язык, как он расчленился и изменялся на огромном пространстве своего предполагаемого распространения в течение многих веков своего существования, т. е. географически и хронологически»¹:

Источники исторической диалектологии

Основными источниками исторической диалектологии являются письменные памятники разных эпох, современные говоры, данные лингвистических карт современных говорков, свидетельства топонимики, антропонимики.

Письменные памятники

Древнерусские и старорусские рукописи, а также старопечатные книги располагают ценнейшими, а в отдельных случаях и единственными данными для воссоздания древнейших судебных системы диалектного русского языка, а также его лингвистического ландшафта. Так, только по фактам древнерусской письменности мы можем судить об истории редуцированных фонем /ъ/ и /ь/, о древнейших условиях изменения фонемы /ѣ/, и о появлении фонемы /ѡ/ и др.

Древнерусские и старорусские рукописные тексты стали важнейшим источником исторической фонетики и исторической грамматики русского языка благодаря живой традиции, которая связывает язык этих памятников с современными восточнославянскими языками и их говорами.

¹ В. Пизани К индоевропейской проблеме. «Вопросы языкознания», 1966, № 4.

Но использование рукописных текстов прошлых эпох с целью проникновения в живую плоть звуков того времени связано с немалыми трудностями. Усилиями ученых конца XIX — начала XX в., таких, как А. Х. Востоков, И. И. Срезневский, Ф. И. Буслаев, М. А. Колосов, П. А. Лавровский, а в более позднее время — А. А. Шахматов, Л. Л. Васильев, Н. Н. Дурново, С. П. Обнорский, в настоящее время — Р. И. Аванесов, П. С. Кузнецов, С. И. Котков, Ф. П. Филин и их учеников разработаны основные методы исследования письменных памятников, методы установления графики и орфографии как системы и отклонений от нее, приема сопоставления рукописных текстов с живыми диалектами.

К сожалению, приходится констатировать, что задача создания лингвистического источниковедения как вспомогательной дисциплины истории языка остается и в настоящее время ¹.

Изучение письменных текстов включает как лингвистические, так и внелингвистические факты и начинается с последних. Текстологические наблюдения, сравнение списков, установление набора буквенных знаков, их начертаний позволяет определить отношение текста к культурно-письменной традиции, приемы письма, связь писцов с орфографической школой.

Обобщение отдельных букв в одной и той же или разных графемах заканчивается определением правил графики. Далее следуют наблюдения над тем, как используется набор графем для обозначения на письме различных морфем, составляющих русское слово. На этом этапе работы можно обнаружить, какие графемы соотносятся с разными звуковыми единицами, какие графемы взаимно заменяются, существуют ли правила этой мены и т. п. Исследователь разграничивает факты, которые составляют лишь элементы графики и орфографии и те факты, которые могут получить фонологическую интерпретацию.

Таким образом, письменный памятник может быть использован как источник не в виде набора случайных отдельных фактов, а в результате сплошного, целенаправленного изучения всей совокупности явлений и планомерного перехода от графико-орфографического уровня к фонологи-

¹ См. статьи сборника «Источниковедение и история русского языка» М., «Наука», 1964.

ческому и далее, если это соответствует задачам исследования, к морфологическому, словообразовательному и другим уровням.

В настоящее время в исследованиях представлены разные приемы описания графики и орфографии изучаемых текстов. Большей частью преобладает этимологическая характеристика графики и орфографии текста с такими, например, формулировками: «Употребление буквы *е* (или *и*) на месте этимологического *ь*»; «Употребление *ь* на месте этимологического *е* (или *и*)» и под., что ставит в центре внимания исследователя судьбу праславянских звуков, а не ту звуковую систему, на которой базируется письменный текст. Это приводит к сближению фактов разных эпох и к разрыву фактов одной и той же эпохи; невольно складывается представление лишь о тождественных явлениях предшествующего и последующего состояний языка. С другой стороны, описание древнерусских текстов часто строится так, что система, на которой базируется текст, не соотносится с возможными системами живых говоров, а наше представление о системах современных говоров уже привносится в само описание древних текстов.

Первоначальное описание текста, когда историк языка, диалектолог является и палеографом или сотрудничает с палеографом, заканчивается установлением графем и правил графики такими, какими они могут быть представлены для эпохи изучаемых текстов, характеризуя писцов как представителей определенной школы письма.

После того как некоторое разнообразие букв с помощью палеографического анализа сведено к определенному числу графем и установлены основные правила графики, начинается собственно лингвистическое изучение древнеписьменного текста. Лингвистическое изучение, главным образом, связано с установлением правил орфографии и отступлений от этих правил с последующей их фонетической интерпретацией. Считаем, что лучшим приемом описания орфографии древнерусских текстов является тот, который соответствует основному принципу древнерусской орфографии.

Основным принципом древнерусской орфографии был принцип фонематический, который для этой эпохи можно определить и как морфологический, так как из-за ограниченности изолированными случаями переключивающегося типа позиционной мены звуков сохранялось тождество фонемного состава морфем при формо- и словообразовании.

Поэтому описание орфографии древнерусского памятника следует давать как перечень встретившихся в рукописи возможных орфограмм для одних и тех же морфем: корневых, аффиксальных и флексивных. Например, корневая морфема /с'ѣн~/ может иметь для своего обозначения в письменных текстах орфограммы: *сѣн*- — *сен*- — *син*-; флексия дательного падежа единственного числа у слов женского рода с основой на мягкий согласный — орфограммы, *ѣ*, *е*, *и* и т. д. Под орфограммой понимается обозначение на письме морфемы с помощью определенного набора графем. Представляется, что такой прием описания орфографических фактов, для которых мы предполагаем фонетическое содержание, позволяет посмотреть на них как на звенья одной системы, как на текст, который соотносится с фонологической системой определенной исторической эпохи.

После установления орфографических данных следует их фонетическая интерпретация.

Орфография, как факт языка письменного, в любую историческую эпоху не может отразить непосредственно все богатство фонетических форм живой речи. В то же время графика и орфография письменных памятников — единственный путь к данным живого языка. В начале этого пути исследователь должен отделить факты чисто графико-орфографические от таких, которые могут получить фонетическую характеристику. Для этого исследователь должен знать и постоянно учитывать историю самой орфографии, считаться с наличием орфографических школ, с возможностью влияния других культурных центров на орфографические приемы писцов. В противном случае мы можем восстановить такое диалектное отличие и наметить соответствующую ей изоглоссу, какое не соответствует исторической реальности.

Избежать подобной опасности, связанной с излишним доверием к письменному памятнику, в известной степени может помочь сопоставительное изучение текстов одного жанра и одной эпохи, но разных областей.

В последнее время появилось или готовится несколько исследований, относящихся к реконструкции русских диалектов в XVII в. на основе деловых текстов XVII в.

Во всех этих работах большое место отводится качеству фонемы, обозначаемой буквой *ѣ*. В результате в каждой работе устанавливается такая орфография, какая еще рань-

ше была обнаружена Л. Л. Васильевым в московских грамотах XIV—XVI вв.: буквы *ѣ* и *е* довольно последовательно различаются в слогах под ударением и меняются в безударных слогах, причем чаще буква *е* заменяет букву *ѣ*.

Как известно, Л. Л. Васильев не сразу определил фонетическую основу данной орфографии. После привлечения дополнительных сведений он решил, что за этой орфографией скрывается различие слогов, состоящих из сильно смягченного согласного перед *ѣ* и согласного меньшей степени мягкости перед *е*.

Авторы ряда более поздних исследований видят в подобной орфографии отражение местной особенности русского диалектного языка XVII в. К такому выводу приходят С. И. Котков в работе «Южновеликорусское наречие в XVII в.» (Изд-во АН СССР, 1963), Н. А. Цомакион в исследовании групп Мангазейских документов, такую же орфографию обнаруживают исследователи в донской письменности XVII в.

Если все авторы правы, то окажется, что на огромной территории распространения русского языка в XVII в. (центр, юг, новые поселения на Дону и в Сибири) была распространена одна и та же диалектная черта — различие фонем типа /ê/ и /e/ под ударением и их неразличение без ударения.

Основываясь на наших знаниях о состоянии северновеликорусского и южновеликорусского вокализма до XVII в. и о состоянии современных говоров, вряд ли можно согласиться с подобной реконструкцией данной изоглоссы для XVII в. Можно предположить, что деловая письменность XVII в. разных территорий могла испытывать влияние московской орфографической школы, так как к этому времени Москва становится не только экономическим, политическим, но и культурным центром русского централизованного государства.

К сожалению, у нас еще нет обобщающих работ по истории русской орфографии, истории орфографических школ, их центров и т. п. Поэтому подобные вопросы могут быть лишь поставлены и их трудно решить в полном объеме.

Приступая к построению исторической фонетики по данным письменных памятников, весьма полезно заранее представить, какие фонетические явления способны отразиться в орфографии, а какие явления принципиально не

могут найти обозначение в ней. Наблюдения над орфографическими ошибками писцов прошлых эпох и над ошибками современников показывают, что комбинаторное варьирование звуков до известных пределов безразлично для носителей языка, так как не мешает языковому общению. Речевой слух говорящих и слушающих, как правило, обращает внимание на те позиционные изменения, которые затрагивают и отношения противопоставления, т. е. связаны с различительной функцией фонемы. Поэтому позиционная мена звуков перекрещивающегося типа широко отражается в орфографии. При различении [a] и [o] под ударением и их неразличении в безударном положении, т. е. при произношении [вóды], [трáвы], но [вΛдá], (трΛвá), мы можем найти написания типа *вода*, *трава*, *вада*, *трова*, при постоянном *воды*, *травы*. На основании таких написаний мы вправе сделать фонетический вывод о том, что звуки, обозначаемые буквами *а* и *о*, различаются под ударением и не различаются, совпадают в безударном положении.

Конкретный вид неразличения звуков, обозначаемых буквами *а* и *о*, в безударном положении, нельзя вывести из анализа орфограмм типа *вада*, *вода*, *трава*, *трова*.

Лишь соотнеся письменные факты с фонетикой современных говоров, мы делаем вывод об аканье. Современные говоры подсказывают нам, что написания типа *вада* являются прямым отражением аканья, а написания типа *трова* — косвенным указанием на него.

Позиционная мена перекрещивающегося типа позволяет судить и о качестве звуков, связанных этой меной.

Так, по написанию типа *друга* — *друк*, *лука* — *лук*, *корова* — *короф*, *дрова* — *дроф* мы можем определить не только наличие мены *з//к*, *в//ф*, но и взрывной характер заднеязычного звонкого согласного и губно-зубное образование звука [в] в говоре писца, отразившемся на письме.

Позиционная мена параллельного типа, как правило, неспособна проявиться в орфографии.

В отдельных случаях, когда характер внутриморфемной позиционной мены параллельного типа в словоформе совпадает с такой же позиционной меной на стыке служебного и знаменательного слова в пределах одного фонетического слова, на стыке приставки и корня в пределах словоформы, такая позиционная мена может найти орфографическое отражение. Примером может служить позиционная

мена звуков [и] и [ы] в русском языке. Отношения типа [д'има], [дыма], т. е. звук [и] постоянно после мягкого согласного, звук [ы] — после твердого согласного в отдельных словоформах совпадает с меной [и] на [ы] на стыке предлога, приставки на твердый согласный и самостоятельного слова или корня с начальным гласным [и], т. е. будет [ивáн] — [с-ывáном], [игрát'] — [сыгрát'], [с'има], [сына]. И в памятниках мы найдем написания типа *иной*, *в-ыную*.

В связи с тем что среди фонетических явлений есть всегда такие, которые не могут найти орфографическое выражение, и такие, которые принципиально могут быть обозначены орфограммами, возникает вопрос, можно ли и как реконструировать факты первого рода.

Такая реконструкция возможна, если мы начнем сопоставлять данные письменности и явления живых диалектов не как изолированные факты, а как звенья системы, закономерно связанные между собой. Так, известно, что позиционная мена звуков [и], [ы] отражается в русской письменности, начиная с XIV в. Одновременно мы можем утверждать, что все русские говоры, знающие мену *и//ы*, обязательно имеют мену типа *а//а//а//ä; о//о//о//õ; у//у//у//ÿ* — мену, которая принципиально не может отразиться в орфографии. Поскольку мена *и//ы* и мена *а//а, о//о, у//у* обязательные звенья одной и той же системы, мы вправе считать, что если для системы русского языка XIV в. мы можем восстановить мену *и//ы* по данным письменных текстов, то мы можем для этой системы восстановить и мену *а//а, о//о, у//у*, хотя она и не нашла отражения в изученных памятниках письменности. Несомненно, число и достоверность таких реконструкций зависит от изученности частных фонетических систем диалектного языка, историю которого мы рассматриваем, от развертывания типологических исследований.

Ссылки на систему диалектов в целом, а не только на отдельные звенья ее, нужны и при объяснении замены одной буквы другой в орфограммах при обозначении на письме одной и той же морфемы.

Орфограммы письменных памятников — не транскрипция писцами отдельных слов. Если опираться не только на происхождение (этимологию) отдельных звуков и их последующую судьбу (хотя эти сведения об исходных и конечных ступенях в эволюции звуков необходимы, полезны

и важны), если соотнести орфографические факты с нашим представлением о возможной звуковой системе в целом, то можно дать и иное объяснение тем же фактам.

Если бы мы не знали современных русских акающих говоров, то написания типа *вада*, *вода*, *трава*, *трова* могли нам лишь подсказать, что при звуковой реализации фонем /o/, /a/ была общая разновидность. Но, только опираясь на знание систем русского безударного вокализма, мы утверждаем, что написания *вада* — прямое отражение аканья, а написание *трова* — результат сложных отношений между буквой и звуками у писцов и является косвенным указанием на аканье¹.

Точно так же в написаниях типа *озеро*, *озѣро*, *села*, *сѣла*, *сѣлѣ*, *селѣ*, *сѣно* и подобных нельзя видеть непосредственного отражения произношения или утраты одной из фонем; такое употребление букв прежде всего свидетельствует лишь о том, что в фонетической системе, лежащей в основе письменного текста, возникла такая позиционная мена звуков, при которой в определенных позициях противопоставление фонем /ѣ/ — /е/ нейтрализуется. В результате у писцов складываются новые связи между звуками и буквами, которые отличаются от традиционных правил орфографии.

Чем больше таких позиций нейтрализации, чем чаще совпадение фонем, тем прочнее связи двух букв с одной звуковой единицей и больше оснований для употребления этих букв в одних и тех же орфограммах.

Тщательное изучение всех орфограмм с буквами *е* и *ѣ* с учетом морфологической, слоговой и фонетической структуры слова позволяет установить позиции противопоставления звуковых единиц, обозначенных буквами *ѣ*, *е*, и позиции, где противопоставление не сохраняется.

Окончательному выводу помогает знание систем русских говоров.

Метод изучения материала письменных памятников тесно связан с задачами лингвистического исследования: язык одного текста, изучение истории письменного языка разных типов, изучение истории системы языка с учетом как фактора времени, так и территории и т. д.

¹ Известны белорусские говоры, знающие неразличение безударных [o] и [a] при их совпадении в [o], для таких говоров написание *трова* есть отражение произношения.

Простое соединение «интенсивного» и «экстенсивного» методов, а также сопоставление с отдельными фактами современного живого диалектного языка еще не приводит само по себе к определению системы языка, отразившейся в памятнике, еще не открывает действительного исторического движения звуков и форм языка; исследование может сводиться к перечислению фактов, носить фактографический характер.

Каждый письменный памятник содержит, по крайней мере, два ряда фактов. С одной стороны, сохраняет в написаниях уже о т ж и в ш и е элементы фонетической и грамматической системы, звуки и формы, давно исчезнувшие в языке, но продолжающие сохраняться в письменном обозначении по традиции вследствие преемственности между различными эпохами существования книжного языка в любой его разновидности, в том числе и в деловой письменности. С другой стороны, в каждом памятнике письменности имеются факты, в той или иной мере отражающие звуки и формы ж и в о г о языка своего времени, среди которых могут быть как черты общенародного языка, так и диалектов.

Среди этих последних фактов также следует разграничивать явления, относящиеся к р а з н ы м эпохам, звуки и формы, унаследованные системой данной исторической эпохи от предшествующих эпох, и наиболее актуальные, складывающиеся черты системы именно в данную историческую эпоху.

Ж а н р письменного памятника и связанный с ним т и п письменного языка небезразличен для исследователя. Так, деловая письменность, различного рода акты имеют орфографию более свободную от церковнописьменной традиции канонических текстов. Орфография деловой письменности при отсутствии вполне установившихся единых орфографических норм может лучше отражать областные тенденции и, следовательно, способна на письме отразить местные особенности речи.

- Каионические церковные тексты могут также отразить факты живого языка, но для их извлечения требуется более сложная работа, так как традиция, влияние других культурных центров, влияние орфографии оригинала всегда сложно переплетается в орфографии такого рода памятников. Но церковнославянские тексты, тексты летописи имеют богатую и разнообразную лексику, лексика же грамот

ограничена. Лексический состав памятника важен и при построении исторической диалектологии. Поэтому для исследований по исторической диалектологии важно привлечь данные письменных памятников **р а з н ы х жанров.**

Современные говоры

Древнерусские и старорусские письменные памятники являются важнейшим источником исторической диалектологии русского языка при восстановлении различных уровней диалектного языка — фонологического, морфологического, лексического — благодаря тому, что они связаны традицией с современными говорами русского языка. Факты, извлеченные из памятников письменности, **с о о т н о с я т с я** с данными современных говоров. В результате достигается надежная интерпретация этих фактов для разных исторических эпох. Соотношение фактов первого (письменных) и второго (диалектных) рода различно при решении разнообразных проблем исторической диалектологии. Так, при восстановлении древних судеб морфологической системы — древних парадигм склонения, состояния видо-временной системы древнерусского и старорусского глагола — основной материал извлекается из памятников письменности разных жанров.

В исторической фонетике часто главным источником оказываются говоры. Например, восстановление истории безударного вокализма, истории аффрикат, истории контракции гласных, истории звуков [л] [л'] и чередующегося с ними [j] и ряда других единиц фонетических систем диалектов возможно главным образом на **д и а л е к т н о м** материале. В этом случае те же факты, которые используются в описательной диалектологии, историк анализирует иначе. Если при монографическом описании современного состояния диалектной системы диахронные факты представляют синхронно, то при воссоздании фонетических систем прошлых эпох путем внутренней реконструкции сосуществующие во времени диалектные факты представляют диахронно.

Для установления как современной системы диалектного языка, так и для реконструкции его прошлых состояний в настоящее время важно исследование диалектной речи различными методами: методами экспериментальной фонетики, методами фонологического описания и методами лингвистической географии. В дальнейшем результаты

фонетико-экспериментального и фонологического исследования могут синтезироваться.

Экспериментальное исследование диалектной речи возможно аудиторами с развитым речевым слухом с помощью слухового анализа. В последнее время методы инструментального анализа речи находят более широкое применение в русской диалектологии и позволяют получать новые данные. Результаты инструментального анализа русской диалектной речи имеют для исторической диалектологии большое значение, так как оказалось, что они могут с хорошим основанием объяснить диахронический процесс¹. Так, при изучении одного из северновеликорусских говоров вологодско-кировской группы с семифонемным вокализмом установлено, что если в системе противопоставлены гласные верхне-среднего и среднего подъема: /ê/ — /e/, /ô/ — /o/ — и если фонемы /ê/, /ô/ реализуются в дифтонгах [iê], [yô], то фонемы /e/, /o/ реализуются в гласных среднего подъема [e], [o] однородной тембральности без начальных призвуков верхнего подъема. Длительность дифтонгов и монофтонгов оказывается одинаковой, но они различаются интенсивностью, противопоставление покоится на различии начальных фаз гласных. В этой системе тембральные различия начальных фаз гласных поддерживаются сочетаемостью фонем /ê/ и /e/ с согласными разных степеней смягчения: [t'ie], но [t'e]. Гласный [o], реализующий фонему /o/, и гласный [a], реализующий фонему /a/, отличаются своей тембральной характеристикой от соответствующих гласных [o] и [a] литературного языка: первый — более опущенным, а второй — более передним образованием. Эти артикуляционно-акустические различия связаны с иной фонологической системой. Этими же исследованиями отмечено, что при переходе от семифонемного вокализма описанного типа к пятифонемному под влиянием прежде всего литературного языка носители диалектной речи не сразу усваивают звуки [e] и [o] дифтонгического типа, какие характеризуют литературное произношение. На промежуточном этапе распространяются тембрально однородные [e] и [o] и на месте старых дифтонгов, перед которыми также уменьшается степень смягчения предшествующих соглас-

¹ Эту работу в настоящее время проводит главным образом старший научный сотрудник Института русского языка АН СССР С. С. Высотский и его ученики.

ных, т е появляется произношение типа [с ено]. Следовательно, можно сказать, что если зафиксированы говоры с тембрально однородными [e] и [o] на месте древнейших ять (ѣ) и гласного [o] под интонацией иового акута, то в недавнем прошлом на этой территории были говоры с семифонемным вокализмом, различающие гласные фонемы верхнесреднего и среднего подъемов. Эти и подобные данные оказываются весьма важными при восстановлении фонетических изменений и смены фонологических систем.

Не менее необходимый материал дает фонологическое описание современных говоров, описание, которое вскрывает глубинные связи между элементами.

Известно, как важно при описании диалектного материала и в синхронном, и в диахронном плане установление типа изучаемого явления, включение тех или иных индивидуальных звуковых фактов в один тип или выделение нового типа на основании других фактов, установление отклонений от типа, закономерных или случайных и т. д.

Фонологическое описание на уровне дифференциальных признаков позволяет вскрыть существенные признаки среди случайных. Например, позволяет определять, все ли колебания в произношении предударных гласных существенны для разграничения типов предударного вокализма. Так, если акающий говор знает противопоставление в первом предударном слоге после парных мягких согласных трех единиц: [y], [i], [ɐ], причем это [ɐ] является заменителем трех сильных фонем нижнего и среднего подъема ([п'át' — п'л'т'й, п'л'тáк; и'бс — н'лсú, н'лс'й; с'ем — с'лмбй, с'лм'и]), то дифференциальными признаками слабых (безударных) фонем оказывается верхний или неверхний подъем, а для гласных верхнего подъема — отсутствие или наличие лабиализации. В этом случае колебания в произношении от [ɐ] до [e] можно интерпретировать как разновидности одной и той же фонемы и включать в один и тот же тип вокализма. Появление же гласного [i] меняет структуру вокализма, так как в этом случае предударный гласный [i] оказывается заместителем четырех сильных гласных фонем, и степень подъема перестает быть дифференциальным признаком предударной гласной фонемы.

Еканье как отдельное звено системы безударного вокализма будет описано одинаково для северновеликорусского и средневеликорусского говора, оканье и аканье — как различные звенья системы безударного вокализма. Общие

системы безударного вокализма, совмещающие ёканье с оканьем и еканье с аканьем, характеризуются как различные типы безударного вокализма в той же мере, как и системы, совмещающие еканье с оканьем и еканье с аканьем. Однако между этими системами есть более принципиальное различие, чем просто фонетическое, физиолого-акустическое. Дело в том, что общую систему предударного вокализма с аканьем и еканьем можно определить как одну систему слабых фонем: /и/, /у/, /α/, общую систему предударного вокализма с оканьем и ёканьем также как единую систему, но систему сильных гласных фонем: /и/, /у/, /е/, /о/, /а/, а систему предударного вокализма с оканьем и еканьем нельзя определить как единую систему сильных или слабых фонем. она представляет собой соединение двух систем — частной системы сильных гласных фонем после парных твердых согласных. /и/, /у/, /о/, /а/ — и частной системы слабых гласных фонем /и/, /у/, /α/ после парных мягких согласных. Таким образом, хотя материальное изменение (возникновение еканья) затронуло лишь гласные после мягких согласных, оно преобразовало всю систему безударного вокализма. Этот пример важен в историческом плане: он показывает, что чисто фонетические, физиолого-акустические изменения, материально затронув частную систему вокализма или консонантизма, могут в то же время вызвать изменение всей фонологической системы, хотя в других частных системах эти изменения не нашли материального выражения. Возможно и противоположное явление: возникшие материальные, физиолого-акустические изменения не приводят к изменению фонологической системы (ср. системы с предударными [л] и [е] и [л] и [и^е]).

Таким образом, различия и сходства в функционирующих системах одной исторической эпохи, а также изменения в системе на протяжении определенного исторического периода могут быть исчерпывающе определены, если не довольствоваться физиолого-акустическим описанием явлений диалектной речи, а устанавливать фонологические факты системы диалектного языка.

Фонологический метод описания может во многих случаях дать гораздо больше для реконструкции исторических судеб диалектного языка, чем распространенный этимологический подход к описываемым фактам. Последний лишь создает видимость историзма; в действительности же он не только не позволяет дать синхронное описание диалекта,

но и создает весьма условный исторический аспект восприятия фактов. При этимологическом подходе оказывается, что каждое звено системы диалекта описывается детально с этимологической стороны, устанавливаются все его соответствия со звуками древнерусского языка, причем сам древнерусский язык понимается как нечто условное, вне времени и пространства, как собрание известных из истории языка элементов: *ѣ, ъ, ѣ, и, ѓ* (под новым акутом) и т. п.

Установление более тесных, необходимых, и менее тесных связей между отдельными звеньями системы обогатит изучение диалектов по данным письменных памятников.

Установление одного звена на основании анализа письменных фактов позволит в этом случае с большей определенностью и убежденностью говорить о наличии в изучаемую историческую эпоху и других звеньев, связанных с установленными необходимой и закономерной связью. В настоящее время круг таких фактов еще невелик. Так, мы устанавливаем [г] взрывного образования по написанию результатов оглушения [г] в [к], типа *друк, сапок* и т. д.

Пока это только отдельные замечания.

Для построения исторической диалектологии необходимо правильно соотнести между собой отдельные языковые явления как звенья одной системы и определить для этой системы историческую эпоху ее существования или разграничить эти явления как факты диахронных систем.

Например, при изучении материалов курских говоров устанавливается, что отступлениями от архаического типа диссимилиативного яканья являются и распространение произношения гласного [и] на месте гласных неверхнего подъема, независимо от качества ударной гласной, и произношение гласного [а] перед [о] и [е] из [ѣ], [е], [ѣ]¹. Очевидно, что эти явления как активные процессы хронологически различны. Процесс, приведший к появлению произношения типа [с'алом], [д'ар'эвн'а], [б'ар'эм], проходил раньше и, очевидно, был связан с изменениями ударного вокализма, и в современных говорах результаты этого процесса сохраняются в виде произношения типа [с'алом], а распространение произношения типа: [с'илó], [с'илóm], [т'ил'эгал], [д'ир'эвн'а], [н'исý], [цв'итý], [н'ис'й] — актив-

¹ См. К. Ф. Захарова Архаические типы диссимилиативного яканья. «Материалы и исследования по русской диалектологии», т. I. М., Изд-во АН СССР, 1959, стр. 6—55.

ный процесс в современных говорах, связанный с влиянием литературного языка, с усвоением носителями диалекта соответствующей лексики в икающем произношении.

Метод фонологического описания диалектных явлений, установленных в результате предварительного тщательного изучения диалектной речи, требует определения исходной теории фонем и ее последовательного непротиворечивого применения. Одна из опасностей, которая подстерегает на этом пути диалектолога, это эклектизм в теории, когда одни факты обобщаются на основе одной теории, а другие, однородные с первыми, уже на основе другой, порой не совместимой с первой.

Данные лингвистической географии

При исторической интерпретации изоглосс стало особенно ясно, какую ценность представляют карты, показывающие территориальное размещение языковых явлений, взятых как элементы системы. Эта особенность русского лингвистического атласа была подчеркнута при его составлении, и именно эта специфика атласа делает его ценнейшим источником истории языка. Уже получили новое освещение такие важнейшие элементы русской фонологической системы, как аканье, отсутствие перехода [e] в [o], различие в качестве фонем /г/, /γ/ в работах Р. И. Аванесова¹. Внимательный учет данных о тех соотношениях, которые наблюдаются в территориальном распространении разновидностей явления, уже дал свои результаты и при изучении генезиса употребления аффрикат. Сопоставление изоглоссы цоканья с изоглоссой изменения [чн]>[сн] помогло сделать вывод об отсутствии структурной зависимости этих явлений.

Новые выводы о генезисе явлений может получить историк языка при сопоставлении изоглосс таких явлений, как изменение [a] в [e] между мягкими согласными в корнях слов и в случаях типа [дышѐт'], [кричѐт'].

Являясь важным источником исторической фонетики и исторической грамматики русского языка, карты лингвистических атласов оказываются ценнейшим, а порой и единственным источником исторической лингвогеографии.

¹ См.: Р. И. Аванесов. Лингвистическая география и история русского языка. «Вопросы языкознания», 1952, № 6.

В соответствии с предметом второго отдела исторической диалектологии — исторической лингвогеографии — должна быть восстановлена для всех выбранных исторических эпох и территориальная проекция фактов языковой системы. Эта реконструкция может опираться на материал двух источников: письменных памятников и на карты Атласа русских народных говоров. Последовательное воссоздание истории лингвистического ландшафта русского языка требует сочетания сведений обоих источников.

Анализ письменных текстов позволяет создать общую картину территориального варьирования. Факты, извлеченные из памятников письменности, дают возможность определить время появления отдельных диалектных различий, которые могут быть основанием для диалектного членения языка и группировки говоров. Но провести более или менее точно изоглоссу по данным письменных памятников невозможно или, во всяком случае, очень трудно: даже при анализе очень большого числа дошедших текстов исследователь не может предпринять сплошное обследование территории и, кроме того, даже хорошо приуроченные ко времени и месту тексты не имеют необходимой для проведения изоглоссы точности. Исследователь должен считать факт достаточно точным, если его можно отнести к числу новгородских, а не ростово-суздальских, к области диалекта древнего Пскова и т. д.

Поэтому так интересны историку языка уже первые работы по исторической интерпретации современных изоглосс¹. Они позволяют сформулировать некоторые общие методические положения:

1. Расположение изоглосс, выбор изоглосс для членения говоров изучаемой территории, группировка говоров по данным лингвистической географии исторически меняются и в своем конкретном виде принадлежат данной исторической эпохе.

Из этого следует, что диалектные различия, не существенные для членения русских говоров в настоящее время,

¹ См. кн. «Вопросы теории лингвистической географии». М., Изд-во АН СССР, 1962, гл. IV; работы К. Ф. Захарова, В. Г. Орлова. Группировка говоров русского языка по данным лингвистической географии. «Вопросы языкознания», 1963, № 6, К. Ф. Захарова, В. Г. Орлова. Диалектное членение русского языка, «Просвещение», 1970, В. Г. Орлова. К вопросу об интерпретации изоглосс. «Вопросы языкознания», 1961, № 1, Р. И. Аванесов. Лингвистическая география и история русского языка. «Вопросы языкознания», 1952, № 6.

как, например, наличие или отсутствие различия гласных фонем верхне-среднего и среднего подъема: /ê/ — /e/, /ô/ — /o/, так и их конкретное качество, могли быть важными для диалектного противопоставления в другие исторические эпохи.

2. При выборе изоглосс, способных диалектно дифференцировать язык, оказывается несущественной их структурная значимость. Но среди изоглосс, способных членить территорию распространения языка, структурно значимые изоглоссы обладают большим значением, являются более существенными.

Генетическая оценка диалектного различия, его принадлежность к архаизмам или новообразованиям также важна при определении его места на лингвистической карте. Это связано с тем, что архаизмы часто сохраняются как отдельные разбросанные острова, недостаточно определенные по своим очертаниям. В таком случае ареалы архаизмов не имеют настоящего типологического значения. Примером может служить распределение современных говоров с фонемой /ô/ в отдельных словах или формах слов. Это распределение фонемы /ô/ не дает изоглоссы, способной выделить компактную территорию говоров, различающих фонемы /ô/ и /o/, противопоставленную другой территории с говорами, которые в соответствии с /ô/ — /o/ имеют одну фонему — /o/.

Однако это противопоставление архаизмов и новообразований при диалектном членении языка не является абсолютным. Среди архаических диалектных различий могут быть и такие, которые обладают определенностью очертаний и совмещаются в своем распространении с другими диалектными различиями, в том числе с новообразованиями. Таким образом, для проводимой с синхронной точки зрения группировки говоров как определенной структуры территориальных противопоставлений существенным является весь круг тех ареалов, которые обладают достаточной определенностью очертаний и выделяются пучками изоглосс независимо от их связи с разными сторонами структуры и от оценки явлений с точки зрения их генезиса. Как уже было сказано, лингвистические карты современных русских говоров в отдельных случаях, очевидно, станут не только важнейшим, но и единственным источником реконструкции лингвистического ландшафта русского языка в предшествующие исторические эпохи.

При восстановлении диалектного членения языка в прошлые эпохи надо помнить, что вопрос о диалектах не является только лингвистической проблемой. Он лежит в той области, где языковедение смыкается с другими историческими научными дисциплинами: исторической географией, археологией, этнографией, общей историей материальной и духовной культуры народа.

Топонимия, ономастика и диалектология

Топонимические, антропонимические и другие данного типа сведения могут быть использованы и исторической диалектологией. Являясь одновременно источниками и для исторической географии, этнографии, демографии, эти сведения могут быть и связующим звеном между лингвистическим и внелингвистическим аспектом диалектологии.

Например, диалектные топонимы — названия полей могут отразить особенности землепользования на данной территории. Известны названия: *засека* — огороженное поле, *пустошь* или *пустоша* — невозделываемая земля, *новь* — распаханная позже земля.

С хозяйственной жизнью связано появление таких топонимов, как *поле у Гибалы*. *Гибáло* — приспособление для изгибания полозьев, дуг, обозов, *запóр* — рыбозаградительное сооружение и под.

Но для решения собственно диалектологических проблем данные топонимики привлекаются лингвистами-диалектологами еще несистематически, что связано с недостаточной изученностью общих вопросов взаимоотношения говора и топонимии в русской науке. Так, несомненно, что топонимическая региональность и диалектная региональность не предполагают тождества, хотя здесь и может быть взаимосвязь. Наблюдатели отмечают бóльшую связь с говором микротопонимики, особенно в области гидронимов — названий мелких рек, притоков, озер; а также для обозначения мест по берегам рек и озер. Например, на территории томских говоров Сибири известны топонимы *сор* — заливной луг, используемый под сенокос, пастбище, *ли́ва* — низкое заливаемое место, *култýк* — полуостров в излучине реки, *верётье* — сухое возвышенное место, и др. ¹.

¹ См. И. В. Воробьева. К вопросу о связи топонимии и диалектологии. В сб. «Вопросы русского языка и его говоров». Томск, 1968.

Неизученность диалектного словообразования затрудняет обнаружение связи словообразовательных топонимических моделей с тем или иным диалектом.

Можно сказать, что решение теоретической проблемы взаимоотношения говора и топонимики начато и может развиваться на основе обобщения ряда исследований, которые в настоящее время разворачиваются.

Данные антропонимии могут быть одним из источников воссоздания диалектного состава населения.

Исследователи выдвинули положение о существовании антропонимических диалектов, которые «не обладают такой целостностью, как топонимические»¹. На материале северных памятников XVI — XVII вв. проведена большая работа с тем, чтобы ответить на вопрос, возможны ли в принципе локальные различия наименований лиц в XVI — XVII вв. и в чем они могли проявляться. В конце исследования автор формулирует общий вывод: «Русские антропонимы XVI — XVII вв. имели локальную окраску. Она проявлялась: 1) в составе наименований; 2) в степени их употребительности; 3) в словообразовательных моделях; 4) в фонетическом оформлении»². Этот вывод важен для исторической диалектологии. Он обнадеживает и дает в руки исследователя путеводную нить, пользуясь которой можно в определенной степени по письменным памятникам судить и о том, на каких территориях жили люди, упомянутые в этих памятниках.

Методы исторической диалектологии

Историческая диалектология широко пользуется классическими методами исторического языкознания: сравнительно-историческим и методом внутренней реконструкции.

Сравнительно-исторический метод можно определить как систему «научно-исследовательских приемов, используемых при изучении родственных языков для восстановления картины исторического прошлого этих языков в целях раскрытия закономерностей их развития,

¹ Географическое общество СССР. Всесоюзная конференция по топонимике СССР. Тезисы докладов и сообщений. Л., 1965.

² В. В. Палагина. К вопросу о локальности русских антропонимов. В сб. «Вопросы русского языка и его говоров». Томск, 1968. Статья содержит большую библиографию по данной теме.

начиная от языка-основы»¹. При использовании этого метода основной единицей является морфема. «Сравнение родственных морфем, с учетом их истории, дает возможность изучить основные закономерности фонетической эволюции в данных языках, вскрыть природу многих морфологических процессов»².

Сфера действия сравнительно-исторического метода в исторической диалектологии русского языка прежде всего определяется материалом близко родственных восточнославянских языков: русского, белорусского, украинского и их диалектов.

В результате сравнения материала этих языков, соблюдая различные приемы указанного метода, мы можем восстановить довольно детальную картину состояния древнерусского языка, который был общевосточнославянским языком-основой для ныне существующих трех языков. Реконструкция древнерусского языка может быть уточнена и дополнена данными древнерусской письменности.

Так, сравнивая корневые морфемы слов укр. *kit* — *кота*, *nin* — *нопа*; белорусск. *кот* — *кота*, *ноп* — *напа*; русск. *кот* (по говорам *куот*) — *кота*, *ноп* — *нопа*, мы можем сказать, что в древнерусских словах *котѣ*, *нопѣ* гласный /о/, обозначаемый буквой *о*, был иного качества, чем гласный /о/, обозначаемый такой же буквой во второй части полногласия в словах *воронѣ*, *городѣ*, ср.: укр. *ворон*, *город*, белорусск. *ворон*, *город*, русск. *ворон*, *город*. Формы укр. *берег* — *на березі*, белорусск. *берег* — *на берези*, русск. *берег* — *на берегу* позволяют сказать, что древнерусские формы из памятников *берегѣ* — *на березѣ* характеризовали не только письменный, но и народно-разговорный древнерусский язык.

Сравнительно-исторический метод является ретроспективным. Сравниваются реально существующие морфемы и восстанавливается их общий более древний тип.

Сравнительно-исторический метод базируется на сравнении морфем разных, хотя и родственных языков и диалектов.

Приемы внутренней реконструкции не требуют сопоставления элементов разных языков, а огра-

¹ «Вопросы методики сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков». М., Изд-во АН СССР, 1956, стр. 58.

² С. Б. Бернштейн. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., Изд-во АН СССР, 1961, стр. 17.

ничиваются сравнением фактов одного языка. С помощью этих приемов синхронное тождество морфем превращается в их диахронное тождество.

Так, сопоставляя корневые морфемы *звон*, *звук*, можно для второй морфемы восстановить более древнее состояние *зѣкъ* [зѣкъ] с гласным [о] носовым, отмеченное в древних славянских текстах, и древнейшее состояние **zvonk~* как исходную праславянскую форму. Сравнивая производительные варианты слов одного диалекта, такие, как [с'иѣно] — [сено], [л'иѣс] — [лес], можно дать им диахроническую характеристику, оценив варианты [с'иѣно], [л'иѣс] как более древние.

Пользуясь методом внутренней реконструкции, Р. И. Аванесов восстановил диахроническое тождество морфем со звуками [л], [л'], [ll], [ǃ] и показал последовательность фонетических изменений этих звуков в русских говорах.

Хронологию этих явлений он представил в следующем виде:

1)	волк,	дал,	дала,	была;	бол'но,	бол'ше;
	↓	↓				
2)	воўк,	даў,	дала,	была;	бол'но,	бол'ше;
			↓	↓		
3)	воўк,	даў,	дала,	была;	бол'но,	бол'ше;
4)	воўк,	даў,	дала,	была;	болно,	болие ¹ .

Исследовательские приемы указанных методов тесно связаны. В известном смысле метод внутренней реконструкции можно считать частным случаем сравнительно-исторического метода. Поскольку сравнительно-исторический метод связан с установлением диахронического тождества родственных морфем, при его применении бывает необходим и этимологический анализ слова.

С развитием структурной лингвистики растет роль типологического изучения языков, родственных и неродственных. Получил распространение сопоставительнотипологический метод. Его цель — сопоставление систем одного уровня различных языков для установления сходства и различия.

¹ Р. И. Аванесов. Очерки русской диалектологии, ч. I. Учпедгиз, 1949, стр. 170.

Так, при сопоставлении фонологических систем современных славянских языков оказалось, что эти системы образуют два основных типа: **к о н с о н а н т н ы й** и **в о к а л и ч е с к и й**. В консонантном типе основную роль играют согласные фонемы, что выражается в развитой корреляции твердых-мягких согласных фонем. В вокалическом типе большую роль играют гласные, в таких языках ослаблена корреляция твердых-мягких согласных фонем, гласные фонемы могут различаться по длительности, характеризоваться высотой тона.

Примером языков консонантного типа являются русский, польский, вокалического — сербский, словенский. Остальные располагаются между ними.

Применение сопоставительно-типологического метода характеризует описательную фонетику и грамматику. Но возможно его использование и в историческом языкознании в соединении с методом сравнительно-историческим. Так, если на основании сопоставительного изучения фонологических систем установлена зависимость просодической системы (длительность гласных фонем, различие по высоте тона) от степени развития корреляции твердых-мягких согласных фонем таким образом, что развитая система согласных фонем, парных по твердости-мягкости, не сочетается в одной системе с противопоставлением гласных по длительности или по высоте тона, то при реконструкции фонологических систем прошлых эпох, если удастся реконструировать категорию твердости-мягкости согласных как продуктивную, очевидно, для этой же системы не следует восстанавливать и фонологическое различие долгих и кратких гласных. Естественно, при этом надо учитывать, что сами типы систем исторически изменчивы.

Распространение общей идеи системности языка в историческом языкознании привело к появлению нового метода — **м е т о д а с и н х р о н н о г о с р е з а**. Система языка не может быть панхронической. Система функционирует как данная в определенных исторических рамках, сменяясь другой системой в следующую историческую эпоху. Метод синхронного среза и служит для того, чтобы восстановить прошлое состояние языка не как сумму изолированных явлений, которые в своей совокупности языком не являются, а именно систему языка, так как постоянными характеристиками любого языка являются **с и с т е м н о с т ь** и **и з м е н я е м о с т ь**. Изменяемость при этом

также дается, как изменение системы языка. Включение синхронии в диахронию не мешает понять развитие языка, а помогает разрешению этой проблемы, так как позволяет для каждой исторической эпохи функционирования языка разграничить факты актуальные, продуктивные и явления непродуктивные, звенья системы, изменение которых вызывает перестройку всей системы или ее части, и такие единицы, которые в своем изменении замкнуты, не затрагивают других элементов, т. е. понять отношение изменения в языке к развитию языка. Правильное применение метода синхронного среза не мешает отразить непрерывность протекания исторического развития языка. Для этого диахроническое изменение следует рассматривать не только с точки зрения его результата, когда диахронный анализ сводится лишь к установлению расхождений между синхронными срезами и к представлению исторического развития системы языка и ее частей как скачкообразного перехода от одного состояния к другому, а с разных точек зрения: 1) его причины; 2) его протекания: а) как явления самого по себе, б) в системе, в) в языковом объединении; 3) его результата. Именно внимание к вопросам протекания диахронического изменения в системе дает возможность установить меняющуюся роль данного явления в системе и представить его историю как непрерывный процесс ¹.

При характеристике синхронного среза, современного исследователю, диалектолог пользуется методами и приемами описательной диалектологии.

Для реконструкции систем синхронных срезов, относящихся к прошлому, диалектолог пользуется сравнительно-историческим методом, а также методом внутренней реконструкции, когда сосуществующие во времени диалектные факты представляет диахронно.

Историческая диалектология обязательно представляет диалектный язык и в его т е р р и т о р и а л ь н о м в а р ь и р о в а н и и, т. е. для каждого синхронного среза воссоздается сложная система с ее общими и различительными единицами. В результате описание системы диалектного языка каждого синхронного состояния есть результат сопоставительно-типологического изучения его микроси-

¹ См.: В. Барнет. Методологические проблемы синхронного среза в диахронии. Сб. «VI Международный съезд славистов в Праге, 1968. Резюме докладов». Прага, 1968, стр. 34.

стем, восстановленных для одной и той же исторической эпохи.

Можно сказать, что историческая диалектология, поскольку ее основным методом есть ретроспективный метод внутренней реконструкции, могла бы начинаться с описания современного исследователю синхронного состояния, а затем, путем снятия позднейших пластов и проникновения к более древним, характеризовать прошлые состояния, одновременно демонстрируя метод внутренней реконструкции в действии.

Но в данной книге согласно традиции изложение начинается с эпохи древнерусского языка X — XI вв. и заканчивается периодом формирования современных говоров.

Синтагматика и парадигматика в истории языка

Сложная система диалектного языка включает ряд уровней: фонологический, морфологический, синтаксический, лексико-семантический. В настоящей работе речь идет лишь о фонологических данных исторической диалектологии. Поэтому будет рассмотрен лишь вопрос о выборе исходной теории фонем.

Стихийное или интуитивное понимание системы языка, и в частности его фонетической системы, было присуще уже первым работам основоположников русского исторического языкознания. Фонетическая интерпретация графико-орфографических фактов в работах А. А. Шахматова и других ученых конца XIX — начала XX в. сопровождалась обобщением звуковых явлений. Используя современную терминологию, можно сказать, что исследованиям по исторической фонетике того времени было свойственно понятие фонемы как звукового типа, понятие, полученное в результате обобщения звуков речи на основе физиолого-акустического сходства или тождества. Понимание фонемы как звукового типа возникает при выдвижении на первый план синтагматики языка, т. е. правил сочетаемости звуковых единиц с учетом комбинаторных и позиционных условий существования звуков в речевом потоке. Парадигматика языка, т. е. правила противопоставления звуковых единиц, построенные на основе учения об оппозиции звуковых единиц, при этом не учитывается.

Понимание кратчайшей звуковой единицы как звука языка может случайно совпасть в конкретном историко-фонетическом исследовании с принципиально другим — функциональным пониманием единицы как фонемы, последовательно учитывающим парадигматические отношения. Подобное совпадение возможно при характеристике системы лишь или преимущественно с параллельным типом позиционной мены, когда к тому же отношениями позиционной мены оказываются связанными фонетически сходные звуки. Такой была система древнерусского языка до эпохи падения редуцированных. Именно поэтому теоретические недостатки, связанные с пониманием фонемы как звукового типа, как звука языка, не так прямо и резко обнаруживаются в очерках фонетики древнейшего периода истории русского языка.

Если иметь в виду, что изменения звукового строя начинаются и протекают в речевом потоке, а не в системе парадигматических отношений, и если учесть несомненные успехи науки об истории русского языка в начале XX в., то, очевидно, можно поставить вопрос и о достаточности для исторической фонетики русского языка лишь синтагматического плана, что может определить и выбор исходной теории.

Такую постановку вопроса и находим в ряде исследований. Однако необходимость парадигматического плана подсказывается не только общетеоретическими соображениями, но и конкретными задачами исторического изучения языка. К числу таких задач относится понимание звукового изменения в его отношении к развитию фонетической системы языка. Оставаясь лишь в пределах синтагматических отношений, можно установить прошедшие в языке изменения, но, не обратившись к парадигматике, нельзя ответить на вопрос, привело ли данное изменение к развитию звукового строя или нет. Иллюстрацией этого утверждения могут быть известные примеры из исторической фонетики русского языка.

1. Древнерусские письменные тексты, начиная с XIV — XV вв., в написаниях типа *шз, жз, шы, жы* отражают отведение звуков [ш'], [ж'], их изменение в [ш], [ж]. Одновременно письменные тексты фиксируют и другое звуковое изменение — изменение [к] в [к'], [г] в [г'], [х] в [х'], в результате изменения [кы], [гы], [хы] в [к'и], [г'и], [х'и]. В прежних работах эти изменения определяются как равно-

правные и они не оцениваются с точки зрения развития русского языка. Такую оценку и нельзя дать без учета характера противопоставления звуковых единиц друг другу в тождественных условиях. Только значение отношений противопоставления позволяет сказать, что отверждение шипящих было изменением, безразличным для развития фонетической системы языка, для развития различительной функции согласных фонем, а изменение заднеязычных в среднеязычные содержало в себе зародыш будущего развития и окажется связанным с дальнейшим развертыванием возможностей корреляции твердых-мягких согласных фонем, т. е. окажется связанным с основной линией развития фонологической системы многих говоров русского языка. Это не означает, что отверждение шипящих не затронуло ни одной из функций согласных фонем. Оно имеет отношение к проблеме языковой нормы — основной проблеме лингвистики. Но с точки зрения развития самой фонетической системы указанные изменения качества согласных были не равноправны.

2. Известно, как много работ посвящено вопросу об изменении [e] в [o] после шипящих согласных и после парных мягких согласных. Но при обсуждении разных сторон этого вопроса не подчеркнуто, что изменение [e] в [o] только после шипящих не связано с историей фонетической системы языка, а относится лишь к возможным различиям в реализации одной и той же системы. Различное произношение одних и тех же слов типа [женá] — [жо́ны], [жонá] — [жо́ны], [женá] — [же́ны] может быть реализацией одной и той же системы, не знающей противопоставления фонем /e/ — /o/.

Таким образом, изменение [e] в [o] только после шипящих, затронув произносительную систему, оказывается несущественным для развития частной системы вокализма — гласных среднего подъема — и безразличным для развития корреляции твердых-мягких согласных фонем. Изменение же [e] в [o] после парных мягких согласных сразу становится существенным для развития корреляции твердых-мягких согласных.

Таким образом, введение парадигматики в историческую фонетику диктуется современными задачами изучения языка и диалекта как развивающейся системы.

В связи с этим историк языка должен прежде всего решить вопрос о выборе исходной фонологической теории, которая станет теоретической основой

исследования и описания конкретного материала. Можно сказать, что из распространенных современных теорий фонем для историка языка ближе та теория, которая позволяет показать синхронное состояние как противоречивое, динамичное с продуктивными и непродуктивными единицами, взаимообусловленными и независимыми, определяющими развитие или безразличными для развития. Это теории, которые не утратили свою связь с материей языка, т. е. реляционно-физические фонологические теории. К таким теориям относится и концепция Московской фонологической школы, которая с ее последовательно функциональной точкой зрения на фонему позволяет ввести парадигматику в историческое изучение звукового строя и в то же время эта теория располагает достаточно простыми и экономными правилами, определяющими взаимодействие парадигматики и синтагматики, т. е. позволяет, разграничивая, не отрывать фонему от звуковой материи языка, дифференциальные признаки фонем — от конститутивных признаков звуков речи.

Теория фонем Московской школы прежде всего в том виде, в каком она в настоящее время разрабатывается в исследованиях Р. И. Аванесова, положена в основу описания материала в данной книге ¹.

Вывод о необходимости равного внимания к синтагматике и парадигматике в исторической фонетике делает необходимым определение кратчайшей единицы фонетической системы.

Синтагматические единицы звукового членения речевого потока определены более или менее однозначно. Основной произносительной единицей признается слог. Слог членится на кратчайшие единицы — звуки речи. Каждый звук речи характеризуется совокупностью переменных и конститутивных физических признаков, артикуляционных или акустических. Слоги составляют фонетическое слово.

Историк языка обычно имеет дело с двумя единицами: слогом и звуком речи.

Вопрос о кратчайшей звуковой единице системы не имеет однозначного решения. Такой кратчайшей единицей определяется: 1) фонема в морфеме; 2) фонема в слово-

¹ См.: Р. И. Аванесов. Фонетика современного русского литературного языка, Изд-во МГУ, 1956.

форме и фонемный ряд в морфеме; 3) синтагмофонема в словоформе и парадигмофонема в морфеме; 4) дифференциальный признак. Теория, принятая за исходную, разграничивает фонему и фонемный ряд.

Разграничение фонемы и фонемного ряда как единиц словофонематического и морфофонематического уровней связано с необходимостью изучить различительную роль звуковых единиц и в слове и в морфеме, когда фонетическая система знает как параллельный, так и перекрещивающийся тип позиционной мены звуков.

Теория фонологических единиц двух уровней позволяет для таких языков, как русский, система которого первоначально знала лишь параллельный тип позиционной мены по преимуществу, а затем заменилась системой с двумя типами мены — параллельным и пересекающимся — последовательно охарактеризовать изменение фонемного состава не только морфемы, но и словоформы. Если иметь в виду, что многие фонетические изменения закрепляются как фонетическая модель словоформы (ср.: *слипóй старíк*, но *у сляпóй старíухи*, *зярнó*, но *зирнóм* при диссимилятивном южновеликорусском яканье после утраты противопоставления фонем /o/ и /ɔ/), что усвоение слов в новом звуковом виде при межязыковых или междialeктных контактах, способное вызвать изменения и в фонетической системе, происходит как усвоение словоформ (ср. появление позиционной мены [a]//[ǎ] вместо более древней [a]//[e] в группе северновеликорусских говоров в результате усвоения носителями диалекта слов типа *зять*, *пять*, *опять*, *кричать*, *прясть* в литературном произношении), то изучение фонемного состава не только морфемы, но и словоформы для историка языка оказывается важным и плодотворным.

При определении фонемы в качестве кратчайшей единицы системы она понимается как единица реляционно-физическая, как к л а с с а л л о ф о н о в.

Согласно реляционно-физическим теориям фонем определение дифференциальных признаков фонем происходит после определения самих фонем.

Недостаточная разработка теории дифференциальных признаков (ДП) приводит к тому, что историки языка не всегда определяют ДП установленных фонем. Между тем требование диахронической фонологии — поставить вос-

становливаемую звуковую единицу не только в контекст речевого потока, но и в контекст системы — и означает определение ДП этой единицы.

В работах Р. И. Аванесова фонема определяется через конститутивные признаки, т. е. позиционно независимые. Однако не все конститутивные признаки реализуют дифференциальные. Например, в современном русском языке все лабиодентальные согласные — фрикативные. Оба признака не обуславливаются позицией, являются конститутивными, но оба эти признака не могут реализовывать дифференциальные признаки соответствующих фонем. Следовательно, нужны основания для разграничения дифференциальных и избыточных признаков фонем.

В работах П. С. Кузнецова таким основанием выдвигается принцип нейтрализации. Дифференциальные признаки — это нейтрализуемые признаки. Действительно, можно сказать, что нейтрализуемые признаки — это обязательно дифференциальные. Но, очевидно, есть дифференциальные признаки, которые не подвергаются активной нейтрализации. Иначе набор ДП будет минимальным, недостаточным для определения фонемы в системе, особенно для таких языков, как древнерусский, с редкими явлениями нейтрализации.

В настоящей работе для определения ДП используется учение Н. Трубецкого об оппозиции звуковых единиц и принцип бинарности, применяемый при создании фонологических и грамматических теорий. ДП определяется как признак, характеризующий фонему в бинарной оппозиции при тождестве других признаков противопоставляемых единиц.

Синтагматические единицы речи и парадигматические единицы системы языка находятся в сложных взаимоотношениях¹. Поэтому, «чтобы понять, как фонология может способствовать объяснению фонетических изменений, необходимо ясно осознать, что происходит в каждой точке речевого отрезка как в аспекте речевого потока, так и в аспекте системы»². Это осознание важного для понимания

¹ См.: М. П а н о в. О некоторых общих тенденциях в развитии русского литературного языка XX в (Основные позиционные изменения в фонетике и морфологии). «Вопросы языкознания», 1963, № 1.

² А. М а р т и н е. Принцип экономии в фонетических изменениях, русск. перевод. М., 1960, стр. 41.

приемов диахронической фонологии, а также для классификации явлений фонетической эволюции противопоставления между парадигматическим и синтагматическим планами различно у авторов работ по теоретической и исторической фонологии.

А. Мартине видит задачу историка-фонолога в том, чтобы «определить, что следует ожидать от данной фонемы, если ее поместить в ту или иную систему»¹. Подчеркивая значение парадигматического плана, А. Мартине в то же время не считает, что предметом диахронической фонологии являются только различительные факты. «Изучение так называемых «обусловленных» изменений (т. е. изменений частично определяющихся влиянием речевого потока) вполне закономерно составляет часть диахронической фонологии»². Но поскольку в изучении комбинаторных изменений уже получены положительные результаты в предшествующее время, постольку все свое внимание А. Мартине уделяет структурно-функциональным факторам, а комбинаторные, насколько это возможно, удаляет из поля зрения.

Такое же преимущественное внимание к структурно-функциональным факторам (при учете и комбинаторных) найдем в работах по исторической фонологии русского языка³.

С. Б. Бернштейн, анализируя связь между фонетическими изменениями и фонематическими отношениями, подчеркивает, что фонетические изменения синтагматичны, а источник этих изменений находится вне языка... Системные отношения лишь сдерживают фонетические процессы. Но эти процессы сильнее коррелятивных связей. «В результате физиологических изменений постепенно происходит перестройка самой системы. Устанавливаются новые корреляции».

«Итак, историк языка имеет дело прежде всего не с фонемами, а со звуком. Однако ему приходится постоянно вступать в область фонологии. Вот почему с одинаковым вниманием он должен относиться как к истории фонети-

¹ А. М а р т и н е. Принцип экономии в фонетических изменениях, русск. перевод. М., 1960, стр. 44.

² Т а м ж е, стр. 57.

³ См.: Р. И. А в а н е с о в. Из истории русского вокализма. Звуки *и у*. «Вестник МГУ», 1947, № 1; Л. Э. К а л н ы н ь. Развитие категории твердости и мягкости согласных в русском языке. «Ученые записки Института славяноведения», т. XIII, 1956.

ческих процессов, так и к истории фонематических отношений»¹.

С. Б. Бернштейн, сформулировав теоретическое положение о том, что историк языка имеет дело прежде всего со звуками, а не с фонемами, одновременно подчеркивает и тот факт, что «фонетические изменения в языке не осознаются говорящими на данном языке. Они начинают осознавать их только тогда, когда в результате фонетического процесса происходят в языке функциональные изменения»².

Хотя во многих местах своей работы С. Б. Бернштейн отмечает возможность лишь фонологического аспекта в истории языка, он одновременно указывает и на «важность изучения фонетических процессов в языке, «так как эти процессы обычно определяются физиологическими условиями, разными в различных языковых коллективах, разными в различные исторические периоды»³.

О важности изучения именно фонетических изменений писал и П. С. Кузнецов. В одной из своих статей⁴ на вопрос: «Возможно ли вообще, чтобы фонологические отношения были причиной фонетических изменений?» — он дает отрицательный ответ: «Обычно чисто фонетические изменения, происходящие на протяжении истории языка и сами по себе не обусловленные фонологией, являются причиной перестройки фонологических отношений, а не наоборот». Правда, исследователь допускает, что само фонетическое изменение может быть «осложнено в деталях некоторыми фонологическими отношениями».

Авторы отмечают важность чисто фонетического аспекта, поскольку с ним связывают и общую проблему причинности фонетических изменений. О том, что «все изменения, которые можно подчинить идее «фонетического закона», происходят незаметно...», что «всякая обусловленная комбинация, которая может подпасть под понятие «закона», принадлежит к области невидимых, микроскопических различий»⁵, — писал И. А. Бодуэн де Куртенэ.

¹ С. Б. Бернштейн. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., Изд-во АН СССР, 1961, стр. 127, 128.

² Там же, стр. 128.

³ Там же, стр. 128.

⁴ См.: П. С. Кузнецов. К вопросу о происхождении аканья. «Вопросы языкознания», 1964, № 1.

⁵ И. А. Бодуэн де Куртенэ. Фонетические законы. В кн. «Избранные труды», т. II. М., Изд-во АН СССР, 1968, стр. 204—207.

Понимая всю важность аспекта речевого потока, его связь с проблемой причинности изменений, автор данной работы основное внимание уделяет аспекту системы, хотя постоянно имеет в виду и звуковые изменения в речи.

Такое направление работы объясняется не только тем, что в исторической фонетике и диалектологии русского языка структурно-функциональные факторы еще мало выяснены и описаны, в то время как многие комбинаторные и позиционные изменения определены, но и главным образом тем, что историк русского языка по характеру своего источника имеет дело прежде всего с единицами и изменениями фонематического плана и только путем интерпретации этих данных может восстановить изменения, происходящие в речи. Это объясняется тем, что сами позиционные изменения становятся существенными для языка как средства общения и обращают внимание носителей языка лишь тогда, когда они затрагивают отношения противопоставления, различительную функцию фонемы. По характеру древнерусской орфографии именно эти изменения отражаются в ошибках писцов, в их отступлениях от традиционной орфографии.

Так, мы можем судить об изменении фонемы «ять» в русском языке с того времени, когда это изменение по говорам затронуло противопоставление «ять» и /и/ или «ять» и /е/, и писцы стали путать в написании буквы *ѣ* и *и* или *ѣ* и *е*. Только определив эти конечные, «видимые» результаты позиционных изменений, мы можем, если это соответствует целям исследования, восстановить и первоначальные, микроскопические, «невидимые» позиционные изменения. Через очевидные макроскопические изменения к постепенным переходам и изменениям микроскопического порядка — таков путь исследователя.

Таким образом, историк русского языка по характеру своего источника часто прежде всего имеет дело с фонемой, а затем уже с ее позиционными разновидностями. Он может проникнуть к происходящему в речевом потоке через установление фактов системы, вызванных этим синтагматическим преобразованием.

Состояние диахронической фонологии еще не позволяет сформулировать выводы о причинах фонетических изменений, но ряд фактов истории русского языка уже позволяет отвергнуть категоричность заявления о том, что фоне-

тические изменения не обусловлены фонематическими изменениями.

По словам И. А. Бодуэна де Куртенэ, «действительные законы», законы причинности скрыты в глубине, в запутанном узле самых различных элементов»¹. Среди этих элементов, несомненно, находятся и фонематические отношения.

Важность парадигматического плана в диахронической фонологии определяется и тем, что из всех функций фонемы самой существенной для истории языка оказывается различительная функция, так как она является единственно постоянной функцией, оказывающей заметное влияние на развитие.

¹ Б о д у э н д е К у р т е н э. Фонетические законы. В кн. «Избранные труды», т. II. М., Изд-во АН СССР, 1963, стр. 208.

Диалектные отличия и диалекты древнерусского языка

Исторические сведения

Исторический период в развитии древнерусского языка, связанный с появлением письменности, совпадает с образованием древнерусской народности и древнерусского государства.

Время образования древнерусской народности определяется советскими историками различно. Одни относят начало этого процесса к дофеодальному периоду и понимают его как консолидацию племенных союзов, другие связывают с феодальным периодом. Но несомненно, что в X — XI вв. древнерусская народность уже оформилась, она нашла свое политическое выражение в древнерусском, Киевском государстве. Одним из важнейших признаков развивающейся в X—XI вв. древнерусской народности была **языковая общность восточных славян**.

По данным древнейших письменных памятников, а также на основе сравнительно-исторического изучения современных восточнославянских языков и их диалектов, в настоящее время наука располагает достаточными сведениями о древнейшей фонетической и грамматической системе древнерусского языка¹. В то же время мы еще мало знаем о диалектных различиях древнерусского языка, о его территориальном варьировании, а также о диалектах древнерусского языка.

¹ Одной из последних работ, где подробно освещается фонологическая система древнерусского языка X—XI вв., является исследование В. В. Иванова «Историческая фонология русского языка» («Просвещение», 1967).

Общие сведения о территории восточных славян, в том числе о тех территориях, где несколько позже (с XIV в.) начинает складываться русская (великорусская) народность и ее общенародный язык и диалекты, дают историческая география и общая история. Для исторической диалектологии русского языка особенно важны сведения о расширении этой территории на север и северо-восток, связанные с развитием Новгородской и Ростово-Суздальской земель, а также на юг и на юго-восток, где формировался акающий диалект русского языка¹.

По данным археологии, восточнославянское племя словен уже в VI — VIII вв. широко расселилось на севере, в районе озера Ильмень. Древнее славянское население занимало западные и юго-западные части Приильмения, которые и в наше время являются густо населенными. На восточном берегу сохранились значительные лесные пространства. Вскоре (VI — IX вв.) область распространения словенского племени оказалась далеко за пределами коренной племенной территории словен. К середине X в. поселения словен захватывают течение рек Луги и Мсты. К XII в. территория по течению реки Мсты была уже достаточно заселена. Погосты по реке Мсте возникли раньше погостов в «Бежицком ряду». Новгородскую территорию по реке Тверце нужно считать приращением к Помостью. Здесь на реке Тверце в XI в. возникло новгородское поселение Новый Торг, ставшее городом и получившее большое значение в качестве пограничного новгородского центра, лежавшего на важнейшем пути из Ростово-Суздальской земли (здесь и далее см. карту, помещенную на стр. 62).

Крупное значение имел путь, связывающий Новгород с Волгой. Первоначальное направление этого пути было связано с течением реки Поле и ее притоков к озеру Селигер и верховьям Волги. Водный путь по реке Мсте и путь по суше на Торжок, а дальше по Тверце до впадения ее в Волгу получил большое значение с XIII в. Приобретает

¹ Дальнейшее изложение строится на основе книг: а) «Очерки истории СССР», ч. I, II, М., Изд-во АН СССР, 1953; б) А. Н. Насонов. Русская земля и образование территории древнерусского государства. М., Изд-во АН СССР, 1951; в) М. Н. Тихомиров. Древнерусские города. М., 1946; г) П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена. М.—Л., 1948; д) С. М. Середонин. Историческая география. Пг., 1916; е) М. К. Любавский. Историческая география России. М., 1859.

значение и путь по реке Медведице: он доводил до Волги, откуда по притоку Волги — Нерли — можно было двигаться в глубь Ростово-Суздальской земли.

Северо-восточнее Торжка, начиная с верховьев реки Мологи до района реки Званки, тянулся ряд порубежных новгородских волостей: Бежицы, Городец, Шипино, Егна. Территория «Бежицкого ряда» по составу населения принадлежала к исконным новгородским землям. Образование «Бежицкого ряда» было не ранее XI в. и свидетельствовало о том, что территория, лежавшая к западу от него, уже была охвачена погостами. Далее на восток шли поселения не новгородские по составу населения, издавна тянувшиеся к Ростову. «Бежицкий ряд» остался окраинной территорией на юго-востоке Новгородской земли.

На юго-запад от Новгорода и вдоль течения реки Луги тянется болотистая лесная местность, мало заселенная и в настоящее время.

Распространение новгородцев на юго-запад к городу Пскову и Псковской области шло по реке Шелони. В начале XV в. Псковская земля окончательно входит в состав Новгородской области. С распространением власти новгородцев на Псков в состав Новгородской области вошла территория по реке Великой. Территория распространения погребений новгородско-псковского поселения XII — XV вв. захватывает верхнее течение реки Великой и ее притоков Кудки и Иссы, преимущественно Опочко-Коложенский район.

Во второй половине XI в. стали определяться и южные рубежи Новгородской области. В южном направлении новгородское население распространилось по течению реки Ловати. Район от Великих Лук, район у верховьев Ловати и в междуречье Ловати и Двины во второй половине XI в. считался новгородским. В начале XII в. новгородская дань распространилась на волость Буйце и здесь, между рекой Ловатью и верхней Волгой, новгородские земли соприкоснулись со Смоленскими владениями.

Наращение новгородской территории на восток шло не прямо от Ладоги, а окружным путем, к Заонежью. Сама Ладога оказалась во власти Новгорода в начале XII в. Вслед за Ладогой в непосредственное владение Новгорода должна была отойти и территория, охваченная ладожским влиянием: приволховская территория, Ладожское наместничество, приладожские земли, к которым принадлежала

приладожская корела, а также земли, выходившие к нижней половине Невы и Финскому заливу. Коренная приволховская территория не доходила до верхнего плеса реки Сяси и охватывала лишь ее нижнее течение. К древнейшей приволховской территории присоединяется территория погостов «Обонежского ряда». «Обонежский ряд» охватывал верхнее течение Сяси и восточную сторону нижнего ее течения, течение реки Паши, течение реки Ояти, начиная с верховьев, и междуречье Паши и Копши, места к северу от нижнего течения Ояти, течение Свири до территории будущего Остряченского погоста, район реки Олонца и места, прилегающие к Юковскому озеру. К Онежскому озеру территория «Обонежского ряда» выходила только на южной его оконечности.

Из Заонежья новгородская дань распространялась в двух направлениях: к Нижней Двине и на юг, к реке Вели и далее к реке Сухоне.

Основная двинская территория занимала небольшое пространство от морского побережья по берегам Двины, до района Орлец-Ступинского. Эта территория с древнейших времен была заселена славянами. К старой двинской территории относились Ивань-погост и погост в Ракуле. Между ними лежала незаселенная земля, покрытая густым лесом.

На Пинеге новгородцы установили три погоста: Вихтуй, Кергола, Пинега. К первой половине XII в. новгородцы раскинули сеть погостов по Двине и Ваге и на Сухоне, куда дань распространилась с верховьев реки Моши, с севера.

Со второй половины XIII в. упоминается город Вологда.

Распространение новгородской дани по Сухоне шло от Тотьмы вверх по Сухоне. Северо-восточнее Тотьмы вниз по Сухоне начиналась область распространения ростовской дани. Таким образом, в Важском крае новгородское данничество стало приходить в соприкосновение с ростовским.

Итак, к XIII в. сложилась уже обширная территория, известная как Новгородская земля с основным центром в Великом Новгороде.

Для нашей темы важно отметить, что расселение славян на данной территории произошло до начала активного процесса падения редуцированных и вызванных им изменений в исходной фонологической системе.

Для характеристики размещения населения на указанной территории важно расположение городов и погостов. По выводам М. Н. Тихомирова, «характерной особенностью Новгородской земли являлось небольшое количество городов, разбросанных на значительном пространстве. Сам Новгород отличался невиданными размерами по сравнению с другими городами на севере древней Руси. Общее население Новгорода в начале XI в. составляло приблизительно 10—15 тысяч, в начале XIII в. — 20—30 тысяч человек. Из всех новгородских пригородов наибольшее значение имел Псков — центр обширной территории. Из других городов выделялись: Ладога, Торжок, Старая Русса».

До прихода славян северо-восточный край был мерянским, но во второй половине XI — XII в. славяне уже количественно преобладают. Очень рано меряне частью слились со славянским населением, частью были ими оттеснены. Освоение земель Ополецны происходило несколько позже, чем образование центральной части Новгородской обл. и большинства других областей; значительная часть ее территории образовалась во второй половине XII — первой половине XIII в. Древнейшая территория формирования ростово-суздальского населения с его специфическими чертами языка и культуры, отличными от других севернорусских — новгородских, псковских и смоленских, — лежала в Ополях, своеобразных полях с получерноземной почвой среди громадных лесных пространств. Здесь возникли древнейшие города Залесской земли: Суздаль, Ростов. В Ростово-Суздальской земле отсутствовал какой-либо один крупнейший центр. Уже в древнейший период развития городской жизни в этом крае было два центра: Ростов и Суздаль. В XII в. к ним прибавился третий — Владимир. Расцвет Владимира во второй половине XII — первой половине XIII в. тесно связан с его значением как резиденции сильных князей — Андрея Боголюбского и Всеволода Большое Гнездо.

Первоначальная территория ростово-суздальского населения, простираясь на юг до течения реки Клязьмы, распространяет путем колонизации свое влияние на север и северо-восток.

В 40—60 гг. XII в. ростово-суздальская дань проникает в Заволочье, где захватывает места по рекам Кокшенге и Устью, конкурируя с Новгородской в Важском крае.

«К XIII в. ростово-суздальская дань распространилась

далеко на северо-восток, на обширнейшую территорию. Она охватывала район к юго-западу от Костромы по р. Сельнице, район г. Костромы и распространилась вверх по р. Костроме, проникла на Галицкое озеро и оттуда перешла на р. Унжу».

«На Сухону ростово-суздальская дань вышла... с запада, с Шексны». Устюг был выдвинут как форпост на северо-востоке, со стороны древних ростовских владений на Белоозере и Шексне. Устюг на реке Сухоне и Унжа на реке Унже составляли северо-восточную окраину ростово-суздальских владений.

В середине XII в. начинает развиваться торговля Залесской земли с Западом, в первую очередь со Смоленском. Река Клязьма и Москва-река постепенно становились оживленными водными путями.

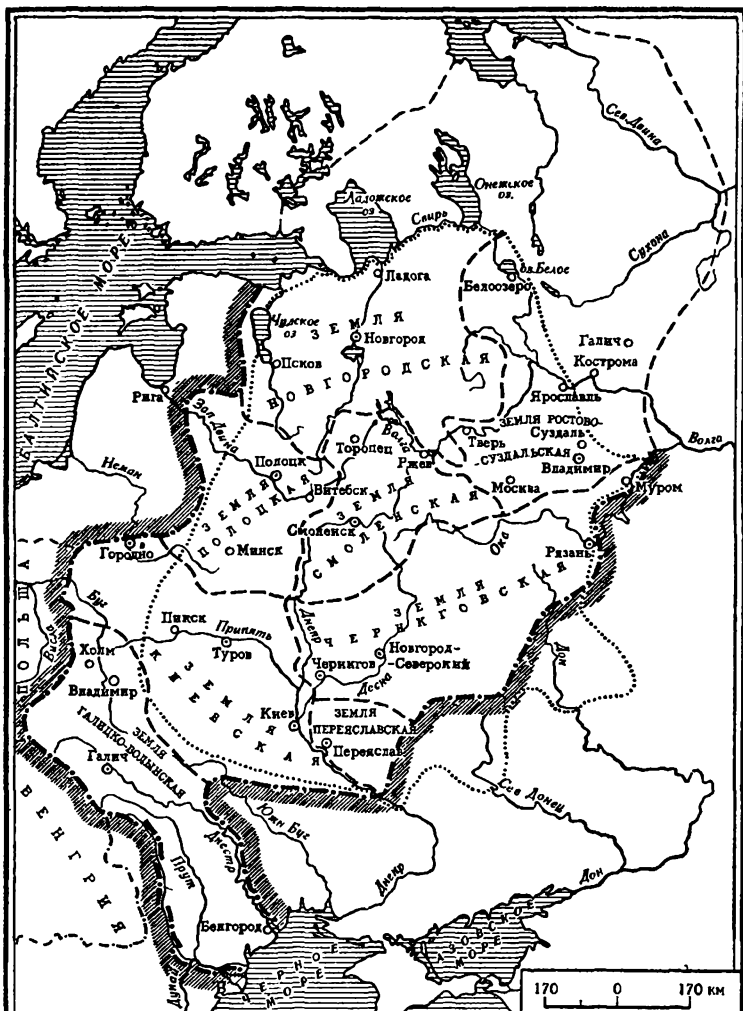
Освоение бассейна реки Клязьмы происходило позже и другой группой населения, чем образование первоначальной ростово-суздальской территории в Ополях. В заселении этого района, возможно, принимало участие и население Смоленской земли.

В XII в. появляются сведения о трех городах Залесской земли: о Москве, Дмитрове и Юрьеве. Позднее других крупных городов Залесской земли возвышается Переяславль. Почти одновременно с Переяславлем выступает Ярославль. В начале XIII в. возвышается Нижний Новгород.

В XIII в., когда еще не вполне закончилось формирование территории самостоятельного Ростово-Суздальского полугосударства, появились признаки его территориального дробления.

Но с начала XIV в. и особенно на протяжении XIV — XV вв. идет активный новый объединительный процесс отдельных феодальных земель в Московское государство. Поэтому период дробления и существования отдельных княжеств — Суздальского, Владимирского, Ростовского, Переяславского и др. — был недолгим и вряд ли мог сказаться на исторических судьбах диалекта Ростово-Суздальской земли.

На юго-восток от Ростово-Суздальской земли было расположено Муромо-Рязанское княжество. В конце XI в. оно выделилось из Черниговского княжества и приобрело самостоятельность. Муромо-Рязанское княжество занимало территорию по реке Оке, от района Мурома на востоке до района впадения реки Осетра в Оку на западе (г. Ро-

- Приблизительные границы древнерусского государства при Святославе около 970 г
- Приблизительная общая граница древнерусского государства во второй половине XI и в первой половине XII в
- - - Приблизительные границы земель, сложившихся в XI-начале XII в

стиславль), и низовья Москвы-реки (г. Коломна), а также обширные земли к югу от Оки. К северу от Оки так называемая Мещерская сторона была краем болот и лесов и была мало заселена. На северо-западе Муромо-Рязанское княжество соприкасалось с Черниговским. Граница шла от Свирельска, пересекала реку Осетр и проходила между г. Пронском и черниговским городом Дедославлем, по направлению к реке Сосне. Юго-восточная граница Рязанской земли в середине XII в. шла через верховья Дона и Воронежа к городу Кадому, к месту слияния Цны с Мокшей.

Основное ядро княжества находилось между Окой, Проней и Осетром. К югу от Ростово-Суздальской земли располагалось Черниговское княжество, которое охватывало территорию по течению реки Десны, за исключением верхней части, по течению рек Сейм и верхняя Ока; на западе Черниговская земля переходила за реку Днепр. На юго-востоке она примыкала к лесостепной части половецкого «поля». На севере Черниговская земля граничила со Смоленским княжеством, на западе — с Киевским. К XI в. Чернигово-Северская земля имела ряд значительных городов: Чернигов, Любеч, Курск и др.

На юг от Новгородской земли и на запад от Ростово-Суздальской располагалось Смоленское княжество, с ним соседило Полоцкое княжество, занимая среднее течение Западной Двины и соседнюю территорию.

Значительную юго-западную территорию Руси занимало Галицко-Волынское княжество. Галицко-Волынская Русь насчитывала свыше 80 городов, в том числе крупнейшие: Холм, Галич, Луцк, Львов, Перемышль, Новгородок, Дорогичиник, Бересты и др.

Киевское княжество занимало территорию главным образом на западной (правой) стороне Днепра и в небольшой мере — на восточной. На юге пограничным районом было течение реки Рось. В устье Днепра лежало Олешье, подвластное Киеву. На западе граница шла с Галицко-Волынским княжеством, здесь оно захватило верхнее течение Южного Буга и реку Случ с притоками. Турово-Пинское княжество до XIII в. входило в состав Киевской земли, а позже — в состав Галицко-Волынской. (См. «Схематическую карту населенных пунктов домонгольской Руси, упоминаемых в русских письменных памятниках».)

Диалектные отличия древнерусского языка в эпоху XI — начала XII в.

Древнерусский (общевосточнославянский) язык, распространенный на обширной территории, не был единым, делился на диалекты.

К этому периоду (к эпохе после утраты носовых гласных, вторичного смягчения согласных и до падения редуцированных) можно отнести следующие фонетические диалектные различия:

- 1) различие и неразличие аффрикат [ц'] и [ч'];
- 2) различие и неразличие мягких шипящих и свистящих;
- 3) взрывное или фрикативное образование звонкого заднеязычного согласного [ɣ] или [ɣ̞];

- 4) губно-губное или губно-зубное образование звонкого губного спираанта: [w] или [β];

лексико-фонетическое отличие:

наличие сочетания [кл], [гл] в соответствии с [л] в группе слов на месте праславянских *tl, *dl.

Судя по отражению этих черт в древнейших письменных текстах, написанных на разной территории, а также на основе исторической интерпретации соответствующих современных изоглосс эти фонетические различия можно представить в приведенном ниже территориальном распределении.

Таблица 1

Территория Характер различия		Северо-восток	Северо-запад		Юго-восток, юг		Запад	Юго-запад	
		Рост-Сузд.	Новг.	Пск.	Ряз.	Черн.	Смол., Полоцк	Гал-Вол.	Киев
Фонологические различия	Качество губных спирантов	/β/	/w/						
	Качество заднеязычных звонких согласных	/ɣ/	/ɣ/ и /ɣ̞/ (по говорам)		/ɣ̞/				
	Различие или неразличие аффрикат	/ц'/ и /ч'/	/ц''/		/ц'''/ (по говорам)		/ц'''/	/ц'/ и /ч'/	

<div> <div>Территория</div> <div>Характер различия</div> </div>		Северо-восток	Северо-запад		Юго-восток, юг		Запад	Юго-запад	
		Рост-Сузд.	Новг.	Пск.	Ряз.	Черн.	Смол., По-лоцк	Гал. Вол.	Киев
	Различие или неразличие мягких шипящих и свистящих	/с' / — /ш' / /з' / — /ж' /		/с'' / /з'' /		/с' / — /ш' / /з' / — /ж' /			
Лексико-фонологические различия	Праславянские <i>*tl, *dl</i>	/л/		/кл/ /гл/		/л/			

В истории русского языка известны достаточно обоснованные выводы о раннем возникновении диалектного различия в связи с качеством заднеязычного звонкого согласного. В результате исторической интерпретации изоглоссы /г/ — /γ/ на картах Атласа русских народных говоров путем сопоставления лингвистических карт с историческими Р. И. Аванесов пришел к выводу о возникновении различия между /г/ — /γ/ еще в племенных диалектах восточных славян¹. Р. И. Аванесов объясняет возникновение основной изоглоссы /г/ — /γ/, поэтому его выводы о раннем ослаблении взрыва у заднеязычного звонкого согласного относятся к тем диалектам, которые легли в основу южновеликорусских говоров русского языка.

А. М. Селищев писал о том, что различие /г/ — /γ/ не чуждо было и севернорусской группе. «Различие между русским югом и юго-востоком, с одной стороны, и севером — с другой, заключается в интенсивности процесса [г] > [γ]». А. М. Селищев отмечает, что в одних северных говорах благоприятным моментом для изменения [г] > [γ] было «на-

¹ См.: Р. И. А в а н е с о в. Лингвистическая география и история русского языка. «Вопросы языкознания», 1951, № 6.

хождение в окончании местоимений и прилагательных», в других — такое ослабление наблюдается в конце слова. «В некоторых северных русских говорах [r] > [ʁ] и перед гласными»¹.

Известны сведения диалектологов о фонеме /ʁ/ в северных говорах. Эти данные ограничиваются территорией древненовгородского диалекта и территорией, колонизованной носителями древненовгородского диалекта. Так А. М. Селищев отмечает /ʁ/ перед гласными по говорам Олонецкой, Архангельской и Вятской губерний, Н. М. Бувальцева отмечает ослабление взрыва в белозерских говорах Вологодской области².

В новгородских текстах XIII — XV вв. известны формы родительного падежа местоимений и прилагательных только с буквой **z** в окончании типа *твоего, нового, большого*, в то время как в ростово-суздальских текстах часто представлены подобные формы с буквой **в**: *твоево, новоо*.

Отпадение **z** в корне *господ-* в новгородских берестяных грамотах из раскопок 1952 г. Р. И. Аванесов объясняет как лексико-фонетическое явление, не стоящее в связи с качеством заднеязычной звонкой фонемы как единицы фонологической системы. В. И. Борковский готов видеть в этом отпадении и более широкое фонетическое явление, свидетельствующее о произношении звонкого фрикативного согласного³. Наиболее убедительными являются данные современных северных говоров, восходящих к древненовгородскому диалекту, в системе которых [ʁ] не может быть новообразованием. Однако в отличие от южновеликорусских в северновеликорусских говорах звук [ʁ] всегда сосуществует со звуком [r].

Древнерусские тексты, территориально различные, знают неодинаковое обозначение сочетания согласных, возникших на месте праславянских **zgj*, **zdj*. Новгородские и псковские тексты имеют буквенное сочетание **жz**: *дѣжжъ* (Новг. Синод. Лет., л. 23), *въжжелавѣши* (Новг. Миней,

¹ А. М. Селищев. Критические замечания о реконструкции древнейшей судьбы русских диалектов. В кн.: «Избранные труды». «Просвещение», 1968.

² См.: М. Н. Бувальцева. Говоры Белозерского района Вологодской области в современном состоянии и истории. Канд. дисс. (рукопись), 1955.

³ См.: В. И. Борковский. Фонетика В кн.: А. В. Арциховский и В. И. Борковский Новгородские грамоты на бересте. Изд-во АН СССР, 1958, стр. 106.

1095 г.), *дожъ* (Псков. апостол, 1307 г.) и др., галицко-волынские памятники — буквы *жч*: *въжчелѣша* (Галицк. Ев. 1144 г., л. 28).

Ответить на вопрос, является ли это различие лишь орфографическим или отражает диалектное отличие в консонантизме северо-восточных и юго-западных диалектов древнерусского языка, не просто ¹.

Очевидно, можно согласиться с теми исследователями, которые видят здесь лишь орфографические варианты, обозначавшие одно и то же звуковое сочетание [ж'д'ж'].

Известные древнерусскому языку диалектные различия занимали различное место в фонологической системе. Пожалуй, наиболее существенное изменение в варьировании фонологической системы древнерусского языка вносило цоканье и утрата различия свистящих и шипящих согласных.

Неразличение аффрикат [ц'] и [ч'], их совпадение в [ц'] не только сокращало общее число фонем в цокающих говорах, но и определенным образом сказывалось на в с е й системе оппозиций согласных фонем, т. е. затрагивало как распределение согласных фонем, так и состав их дифференциальных признаков.

В цокающих говорах уменьшался объем оппозиции по дентальности-альвеолярности, так как исчезала оппозиция /ц'/ — /ч'/, а оставались лишь /ц'/ — /ш'ч'/, /ц'/ — /ж'д'ж'/, /с/ — /ш'/, /с'/ — /ш'/, /з/ — /ж'/, /з'/ — /ж'/.

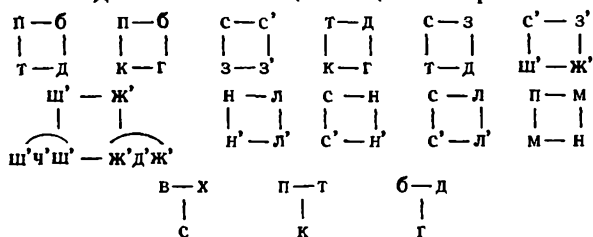
Из-за утраты ряда оппозиций, членом которых была фонема /ч'/, изменился состав ДП участвующих в этих оппозициях согласных фонем. Так, утрата противопоставления /ш'/ — /ч'/, /ж'/ — /ч'/ с ДП «фрикативность-аффрикативность» привела к утрате фрикативности в наборе ДП у фонем /ш'/ и /ж'/.

Соответственно изменялся набор ДП у других согласных фонем из-за утраты оппозиций /к/ — /ч'/, /г/ — /ч'/, /х/ — /ч'/, /п/ — /ч'/, /б/ — /ч'/, /в/ — /ч'/, /з/ — /ч'/, /з'/ — /ч'/, /с/ — /ч'/, /с'/ — /ч'/, /д/ — /ч'/, /т/ — /ч'/ и др.

Вызвав указанные изменения в составе и системе согласных фонем, цоканье не затронуло основных оппозиций со-

¹ См.: Г. И. Геровский. Древнерусские написания *жч*, *жс* и *з* перед передними гласными. «Вопросы языкознания», 1959, № 4, стр. 51—59.

гласных фонем. Коррелятивные отношения согласных фонем оставались одинаковыми в цокающих говорах:

Развитие цоканья расширило сочетаемость фонемы /ц'/ с последующими гласными как на стыке морфем, так и внутри морфем, что увеличило число противопоставлений этой фонемы другим согласным фонемам перед гласными.

В результате утраты противопоставления [ц'] — [ч'] на стыке морфем в цокающих говорах развилась омонимия форм, особенно среди имен существительных и относящихся к ним притяжательных прилагательных, исконно образованных с помощью суффикса [j], таких, как: *бѣльць* — «белый монах» и *бѣльць* (прилагательное от *бѣльць*), *ловьць* — «охотник» и *ловьць* (прилагательное от *ловьць*) и др., а также среди таких слов, как *вѣньць* — «корона» и *вѣньць* (от *вѣньча* — «солома»), *ниць* — *ниць* и др.¹

При всем влиянии цоканья на варьирование фонологической системы древнерусского языка оно оставалось на периферии фонологических отношений, не затронув основных корреляций согласных фонем.

Неразличение свистящих и шипящих согласных также влияло как на состав согласных фонем, сокращая его, так и на распределение фонем, что приводило к изменению набора ДП отдельных согласных фонем, а также изменяло возможность сочетаний согласных с гласными.

Это диалектное отличие затронуло и основные корреляции согласных фонем, уменьшая объем оппозиции по глухости-звонкости (вместо пар *с — з*, *с' — з'*, *ш' — ж'* образовалась одна пара *с'' — з''*), а также оппозицию по твер-

¹ Этот вопрос подробно рассмотрен в статье В. В. Иванова «К вопросу о диалектном варьировании фонологической системы древнерусского языка в конце X — начале XI в. (влияние цоканья на характер фонологических отношений)». Опубликовано в «L'Annuaire de l'Institut de Philologie et d'Histoire Orientalis et Haves», Tome XVIII (1966—1967) Bruxelles, 1968, p. 187—198.

дости-мягкости: утратилось противопоставление **с — с'**, **з — з'**.

Указанное изменение в исходной фонологической системе будет существенным в дальнейшей судьбе фонологической системы данного диалекта.

Остальные диалектные различия касались качества отдельных согласных фонем и сказывались лишь на частной системе прежде всего заднеязычных или губных согласных, затрагивая набор ДП небольшого числа фонем, связанных с данными (/г/ или /γ/, /в/ или /w/) отношениями противопоставления. Так, в диалектах с /г/ фонема /к/ обладала дифференциальным признаком «глухость», а в диалектах с /γ/ таким ДП обладала фонема /х/.

Правда, наличие /в/ или /w/ в исходной системе станет материальной базой для развития новых диалектных различий, порой весьма существенных, в следующий исторический период, о чем пойдет речь ниже.

Диалекты древнерусского языка

Обзор известных науке древнейших диалектных отличий не позволяет установить те пучки изоглосс, на основании интерпретации которых можно судить о диалектной дифференциации древнерусского языка.

Вполне возможно, что в это время были более существенные территориальные различия в просодических системах, в лексике. Но эти данные пока не установлены. Насколько удастся судить по материалу древнерусской письменности, вряд ли можно надеяться на реконструкцию морфологических диалектных различий. Морфологическая система древнерусского языка эпохи X—XII вв. представляла собой значительное единство.

Таким образом, если понимать диалект как структурно-территориальное единство, полученное в результате синхронной интерпретации расположения изоглосс, то для древнерусского языка древнейшего периода (X — начало XII в.) выделить на этой основе диалекты не представляется в настоящее время возможным. Между тем нет никакого сомнения и в том, что диалектное членение древнерусского языка существовало, хотя между этими диалектами и были, очевидно, незначительные структурно-языковые различия. Для преодоления возникшего противоречия, очевидно, следует

обратиться к иному определению диалекта, чем то, которое получено на основании изучения позднейшей судьбы русских говоров и в первую очередь в результате изучения современных говоров методами лингвистической географии.

Действительно, в эпоху после XVII в., когда образовались русская нация и русский национальный язык, и особенно позже, после Великой Октябрьской социалистической революции, исчезли все исторические и социальные условия существования и развития диалектов.

Диалектные различия, сложившиеся в разные исторические эпохи, порой весьма отдаленные, сохранялись как пережиток. Изменилась их оценка и со стороны самих носителей диалектных черт как приметы «некультурного человека». Спроецированные на территорию методами лингвистической географии, они дали интересный ландшафт и создали новую важную базу исторической диалектологии. Синхронно они могли быть истолкованы «по соглашению» как некоторые единства, которые лишь условно могут быть названы диалектами, диалектными группами, зонами и т. п. Все эти единства, естественно, могли получить лишь одно содержание — структурно-территориальные единства, на которые можно разбить современный русский диалектный язык.

Между носителями этих единств в настоящее время нет никаких других различий: социальных, экономических, политических, психологических, культурных. Исчезают даже более устойчивые этнографические различия.

Совсем иную картину имело древнерусское общество.

Различие между новгородцами и суздальцами, суздальцами и рязанцами и т. д. было не только в занимаемой ими территории, не только в фонологической, просодической, лексико-семантической и иной системе их языка (диалекта). Между ними были социально-экономические, политические различия, различия в психическом складе, что проявлялось в их материальной и духовной культуре.

Для этой древней эпохи мы не можем определить диалект лишь как структурно-территориальное единство. Именно для этой эпохи подойдут те суждения историков языка о диалекте, в которых диалект подчеркнуто определяется не только как структурно-территориальная единица, но и как историко-лингвистическая и со-

циально-лингвистическая единица одновременно. Поэтому при выделении диалектов древнерусского языка, опираясь в первую очередь на лингвистические данные, мы в то же время должны в полной мере учитывать данные истории, социально-политической и культурной жизни древней Руси в эпоху X — XII вв.

По совокупности этих данных, при главенствующем значении языковых фактов, можно выделить следующие диалекты древнерусского языка: новгородский, псковский, ростово-суздальский, рязанский, чернигово-северский, галицко-волынский, киевский, смоленско-полоцкий. В эту раннефеодальную эпоху территориальные диалекты по своим характерным чертам еще были близки диалектам племенным, на основе которых они сложились. К ним во многом применимы те общие характеристики племенных языков и диалектов, которые говорят об отсутствии четкого отграничения диалекта и языка. По условиям своего существования и тенденциям развития диалект древнего Новгорода, древний ростово-суздальский диалект, диалект, расположенный южнее, на территории Рязанской и Чернигово-Северской феодальной земли, по ряду признаков совпал с понятием языка.

Лишь в более позднюю эпоху, в связи с обособлением северо-востока и его противопоставлением юго-западу, в связи с образованием великорусской народности и ее языка в отличие от белорусской и украинской, в связи с объединительными тенденциями в пределах развивающейся великорусской народности, возникнут новые отношения и между древними диалектами, их более тесное объединение в пределах одной языковой общности.

Эти процессы были сложными, в них тесно переплелись собственно языковые изменения с общен историческими, экономическими, политическими, историко-культурными.

В книге будут рассмотрены лишь лингвистические изменения, связанные, с одной стороны, с появлением новых диалектных отличий в пределах великорусского языка, с другой стороны, те объединительные тенденции, которые нашли лингвистическое выражение.

Образование фонологических диалектных различий в старорусском (великорусском) языке

Вводные замечания

Значительные диалектные различия в пределах древнерусского языка, резко противопоставившие северо-восток юго-западу, развиваются со второй половины XII в. и на протяжении XIII — XIV вв., в период и в связи с падением редуцированных.

На юго-западной территории распространения древнерусского языка развивается удлинение с последующей дифтонгизацией [o] и [e] в новых закрытых слогах (*носъ* > *нос* > *нуос*, *печь* > *пѣч* > *пѣеч*'), на северо-востоке появляется фонема /ǫ/ на месте гласного [ō] под новым акутом (*кѡтъ*, *вѡля*).

На северо-востоке в отличие от юго-запада развивается [o] и [e] из [ы] и [и] ([ы] и [и] напряженных) в «ильной» позиции, сочетания [р̣ь], [р̣ь], [л̣ь], [л̣ь] в любой позиции изменяются в [ro], [re], [lo], [le], возникают и другие различия.

На западе, на территориях Смоленской и Полоцкой, не было ни удлинения [o] и [e], ни формирования новой фонемы /ǫ/ из [ō] ([o] под новым акутом).

На юге и юго-востоке появляется аканье.

Подробное рассмотрение развития всех диалектных различий, которые позже стали отличиями трех восточнославянских языков: украинского, белорусского и русского (великорусского), является предметом сравнительно-исторической диалектологии восточнославянских языков.

Занимаясь вопросами лишь исторической диалектологии русского языка, мы в дальнейшем и остановимся на судьбах древнерусских говоров на территории Новгородской и Псковской земли (северо-запад), Ростово-Суздальской (се-

веро-восток), Рязанской (юго-восток) и Чернигово-Северской (юг), т. е. тех говоров, которые позже, в период формирования отдельной русской (великорусской) народности и ее языка стали основой этого нового языка, уже отличного от белорусского и украинского.

Сама постановка вопроса о появлении диалектных отличий в пределах великорусского языка предусматривает понимание великорусского языка как лингвистического целого, характеризующегося как общими инновациями, так и общими тенденциями, общими закономерностями развития.

Падение редуцированных, существенно изменив фонологическую систему всех диалектов русского языка, преобразовало эту систему в следующем общем направлении:

а) утратилась автономность слога, появилось межслоговое воздействие звуков; возникла нового типа позиционная мена звуков, и эта мена стала разнообразнее; наряду с параллельным типом появился перекрещивающийся;

б) дифференциальный признак «твердость-мягкость» характеризует уже не последовательность фонем: «твердый согласный+непередний гласный», «мягкий согласный+передний гласный», а только систему консонантизма. Признак «непереднее-переднее образование» гласных становится результатом позиционной мены гласных и исключается из числа возможных дифференциальных признаков гласных;

в) появляется позиционная мена гласных по напряженности, и в позициях этой мены признак «напряженность-ненапряженность» также не является дифференциальным;

г) признак «лабиализованность-нелабиализованность» распространяется как ДП на частную систему гласных среднего подъема. Одновременно согласные утрачивают синтагматически определяемое качество лабиовелярности или нелабиовелярности;

д) позиционное варьирование по твердости-мягкости, глухости-звонкости, по способу и месту образования в связи с ассимилятивными и диссимилятивными процессами в новых сочетаниях согласных образует новый тип позиционной мены — перекрещивающийся, что создает различие сильных и слабых позиций для согласных фонем в словоформе. Фонологические единицы сильных позиций сохраняют свои ДП и одинаково функционируют в словоформах и морфемах. Фонологические единицы слабых позиций имеют меньший

пучок ДП и, выполняя различительную функцию в словоформе, утрачивают ее в морфеме.

Возникает принципиально новая система консонантизма, различающая две фонологические единицы: фонему (сильную и слабую) в словоформе и фонемный ряд в морфеме;

е) ряды согласных, парных по глухости-звонкости и твердости-мягкости, в связи с появлением позиций нейтрализации по данным ДП получают признаки соотносительных рядов;

ж) уменьшается число гласных фонем;

з) варьирование гласных фонем зависит прежде всего от влияния согласных.

Фонологическая система русского языка приобретает яркие признаки консонантной системы.

Эти общие тенденции развития осуществляются неодинаково на разных территориях.

Для того чтобы понять, как складывались наиболее существенные диалектные различия, необходимо найти главные, определяющие звенья новой, формирующейся русской фонологической системы, важные для понимания всей системы.

Таким звеном в фонологической системе русского языка на рубеже XIII — XIV вв. была категория согласных фонем, парных по твердости-мягкости. О месте этой категории в развитии типологических различий славянских фонологических систем писали Р. О. Якобсон ¹, Р. И. Аванесов ², Л. Э. Калнынь ³. Мы рассмотрим отношение этой категории к развитию новых диалектных различий русского языка и поставим ее в связь с другими явлениями этой же системы, которые оказались в своем развитии от нее зависимы и в свою очередь также приобретали характер диалектного

¹ См.: R. J a k o b s o n. Remarques sur l'evolution phonologique du russe comparée à celle des autres langues slaves. Prague, 1929, гл. VII.

² См. Р. И. А в а н е с о в. См. статью в сноске 3 на стр. 52.

³ Л. Э. К а л н ы н ь. Развитие категории твердости-мягкости согласных в русском языке. «Ученые записки Института славяноведения», т. XIII, 1956, стр. 121—125; е ё ж е. Категория твердых-мягких согласных фонем в белорусском языке. «Ученые записки Института славяноведения», т. XVII, 1959, стр. 73—127; е ё ж е. Категория твердых-мягких согласных фонем в украинском языке. «Ученые записки Института славяноведения», т. XXIII, 1962; е ё ж е. Развитие корреляции твердых-мягких согласных в славянских языках. Изд-во АН СССР, 1961.

отличия. Рассмотрим историю гласных верхне-среднего и среднего подъема.

Для понимания путей возникновения новых фонологических диалектных различий необходимо хотя бы в самых общих чертах охарактеризовать те звенья общей исходной фонологической системы на рубеже X — XI вв., которые содержали зародыш новой фонологической системы и ее диалектных различий.

Специфическое звено фонологической системы древнерусского языка XI в., ее историческое своеобразие составляло отношение твердых и мягких согласных и непередних-передних гласных. В эту эпоху все твердые согласные сочетались в слоге с гласными непередними, а все мягкие, палатальные и палатализованные — с гласными переднего ряда, т. е. ДП «твердость-мягкость» характеризовал последовательность фонем, состоящую из согласного (или сочетания согласных) и гласного одной зоны образования. Такую последовательность фонем с общим ДП Р. И. Аванесов назвал с и л л а б е м о й ¹. При интерпретации всех соответствующих фактов в синхронном плане можно прийти к единственно возможному выводу о том, что ни твердые-мягкие согласные, ни передние-непередние гласные не могли иметь в то время отношения противопоставления и, следовательно, характеризоваться как различные единицы системы языка с ДП «твердость-мягкость» или «переднее-непереднее образование». В то же время нельзя не отметить, что сочетания твердых согласных с непередними гласными и мягких согласных с передними гласными в слоге имели другое значение в системе, чем сочетания лабиовелярных согласных с гласными. Качество лабиовелярности (возможно, в отдельных случаях уже только велярности) было полностью фонетически определено аккомодацией звуков и не было фонематическим на всем протяжении развития древнерусской фонетической системы.

Явление, которое мы вслед за Р. И. Аванесовым называем силлабемой, несло определенный след недавней истории и содержало зародыш будущего фонологического развития.

В предшествующей системе (после утраты носовых, но до вторичного смягчения) десять согласных фонем: /н/,

¹ См.: Р. И. Аванесов. Из истории русского вокализма. Звуки *і* и *у*. «Вестник МГУ», 1947, № 1.

/н'/, /л'/, /л'/', /р'/, /р'/', /с'/, /с'/', /з'/, /з'/' — образовали пять пар с ДП «твердость-мягкость». Они могли различать звуковой состав морфем и слов, противопоставляясь друг другу перед гласными фонемами /и/, /у/, /ѐ/, /ь/, /е/, /ä/, /а/; было невозможно противопоставление перед /о/, /ы/, /ъ/, например: /кони/ (им. п. мн. ч. от /конъ/) — /кон'и/ (от /кон'ъ/); /воли/ (повел. накл. от глагола IV кл. /волити/) — /вол'и/ (дат. и мест. п. ед. ч. от /вол'а/); /володимири/ (имя сущ. — /володимир'и/) (имя прил.); /вози/ (им. п. мн. ч. от /возъ/) — /ноз'и/ (им. п. мн. ч. от /нога/); /гуси/ — /мус'и/ (от /муха/); /конь/ («начало», «предел») — /кон'ъ/ (животное); /быль/ (трава, растение) — /был'ь/ (вельможа); /зверь/ — /рыбар'ь/; /грязь/ — /княз'ь/; /вьсь/ (vicus) — /вьс'ь/ (omnis); /коне!/ — /кон'емь/; /доле!/ — /пол'е/; /даре!/ — /мор'е/; /кона/ — /кон'а/; /володимира/ — (володимир'а/; /мороза/ — /кназ'а/; /овьса/ — /вьс'а/; /ну/ — /н'у/; /волу/ — /вол'у/, /кору/ — /кор'у/; /ризу/ — /стьз'у/; /осу/ — /вьс'у/; /вола/ (прич. от глагола /волити/) — /глагол'ä/ (прич. от глагола /глаголати/); /дарä/ (прич. от глагола /дарити/) — /бор'ä/ (прич. от глагола /бороти/); /конê/ (дат. п. ед. ч. от /конъ/) — /рабын'ê/ (род. п. ед. ч.); /порê/ (дат. п. ед. ч. от /пора/) — /бур'ê/ (род. п. ед. ч.); /селê/ (мест. п. ед. ч. от /село/) — /вол'ê/ (род. п. ед. ч.); /ризе/ — /ноз'ê/; /косê/ — /мус'ê/ и др.

Позиционными разновидностями твердых согласных фонем были соответствующие полумягкие согласные звуки перед гласными переднего ряда.

В предшествующей системе были разными фонемами, противопоставленными по месту образования, после твердых согласных фонем (кроме заднеязычных) гласные /и/ — /ы/; /е/ — /о/; /ь/ — /ъ/; /ä/ — /а/, например: /плоди/ — /плоды/; /несль/ — /нось/; /путь/ — /путь/; /вола/ — /вола/ и др.

Вторичное смягчение согласных перед гласными переднего ряда сняло это противопоставление твердых-мягких согласных и передних-непередних гласных. Но в системе назревали изменения, которые должны были разрушить силлабему, заменив ее противопоставлением согласных фонем, парных по твердости-мягкости.

Фонематическое преобразование материально готовилось в системе XI — XII вв. Этому изменению способствовали, очевидно, различные факторы. Среди них можно назвать более тесную функциональную связь между передними

и непередними гласными, чем между твердыми и мягкими согласными, что проявлялось в морфологическом тождестве [y] и [y], [e] и [o], [ы] и [ъ], [ä] и [a], например: дат. п. ед. ч.: /кону/ — /кон'у/; вин. п. ед. ч.: /жену/ — /земл'у/; им. п. ед. ч.: /село/ — /пол'е/; тв. п. ед. ч.: /село́мь/ — /пол'емь/; зват. форма: /жено!/ — /з'ем'л'е!/; дат. п. мн. ч.: /коно́мь/ — /кон'емь/; дат.-местн. дв. ч.: /коно́ма/ — /кон'ема/; им., вин. п. ед. ч.: /кон'ь/ — /кон'ь/; твор. п. ед. ч. /кон'ьм'ь/ — /кон'ьмь/; им. п. ед. ч.: /жена/ — /з'ем'л'а/; дат. п. мн. ч.: /ж'ена́мь/ — /з'ем'л'амь/; твор. п. мн. ч.: /ж'ена́м'и/ — /з'емл'ам'и/; местн. п. мн. ч.: /ж'енахъ/ — /з'ем'л'ахъ/.

Отличались звуки [и], [ы], которые лишь в отдельных формах образовывали морфологическое тождество: твор. п. мн. ч.: /сто́лы/ — /кон'и/. В большинстве форм такого тождества не было, ср.: род. п. ед. ч.: /жены/ — /з'ем'л'ê/; им., вин. п. мн. ч.: /жены/ — /з'ем'л'ê/; вин. п. мн. ч.: /сто́лы/ — /кон'ê/.

Материальная возможность фонематического отношения между парными твердыми-мягкими согласными превратилась в реальность системы в связи и после падения редуцированных.

Ранние диалектные различия между великорусским северо-западом и северо-востоком относились как к числу, так и к характеру силлабем и, следовательно, содержали источник возникновения дальнейших диалектных отличий. Так, важно, что и в древненовгородской, и особенно в древнепсковской, системе фонем (в сравнении с ростово-суздальской) сокращалась потенциальная возможность дальнейшего развития противопоставленных твердых-мягких согласных фонем, так как уменьшалась материальная основа развития возможной оппозиции по данному ДП.

Диалектные различия, вызванные падением редуцированных

Утрата отдельных гласных фонем /ь/ и /ь/ имела место во всех диалектах русского языка. Разновременность этого фонетического процесса, более раннее исчезновение редуцированных (начало XII в.) на юге и более поздняя их утрата (конец XIII в.) на севере, создавала диалектное различие лишь для короткой исторической эпохи, предположительно

со второй половины XII в. и до конца XIII в. Несомненно, что к рубежу XIII — XIV вв. во всех диалектах произошла утрата фонем /ь/ и /ь/ и, следовательно, утратилась эта весьма подвижная во времени изоглосса.

Диалектное различие, создавшее устойчивую изоглоссу, отделяющую русские говоры западной зоны от восточной, возникло в связи с судьбой фонем /ь/ и /ь/ в положении перед /j/. В этой позиции фонемы /ь/ и /ь/ реализовывались в звуках [ы] — [ы] «напряженный» и [и] — [и] «напряженный». В большинстве русских говоров эти звуки изменились с таким же результатом, как и другие фонетические реализации фонем /ь/ и /ь/, т. е. утратились в слабой позиции и заменились гласными [о] и [е] в сильной позиции, ср. великорусские формы имен прилагательных: *слепой, больной, синей*, выражение *сам-третьей*; глагольные формы: *крою, рою*; формы имен существительных: *шея, яец, яешница* и др. Но в ряде говоров русского языка гласный [ы] изменился в [э]. А. И. Толкачев, специально исследовавший соответствующий материал, пришел к выводу, что гласный [э] на месте [ы] в членных прилагательных первоначально возник в древних псковских и новгородских диалектах, а позже распространился шире¹. В дальнейшем подробный анализ этого вопроса предпринимает Н. Н. Пшеничнова. Учитывая предшествующие исследования, она приходит к выводам, которые касаются как исходных форм, так и прохождения самого изменения и его конечных результатов. Предложенные ею схемы распространения гласных на месте редуцированных [ы], [и] в говорах восточнославянских языков позволяют выделить лишь сравнительно узкую полосу говоров на северо-западе и юго-западе распространения русского языка, где представлены на месте [ы], [и] в сильной позиции звуки [э], [ы] и [и], [ы] или те, в которые звук [ы] в этих говорах изменился.

Если учесть, что исторически шло распространение форм с [о] и [е] с востока на запад, то можно предположить, что в более древнюю эпоху (XIII—XV вв.) зона распространения звуков типа [э], [ы] или [и] на месте [ы], [и] на северо-западе была шире и охватывала территорию древних псковских говоров и примыкавших к ним древних новго-

¹ А. И. Толкачев История членных прилагательных русского языка. Канд. дисс. (рукопись).

родских говоров (включая современную территорию олонечских говоров) ¹.

Можно думать, что данное диалектное отличие на территории юго-западных говоров русского языка довольно древнее ².

О „втором полногласии“ как диалектной черте

После падения редуцированных, в связи с изменением структуры слога, когда формы типа [в'ър'хъ] стали односложными — [в'ер'х], а в формах типа [в'ёр'ха] возник закрытый слог, который теперь не противоречил общей системе с новыми закрытыми слогами, должна была исчезнуть позиционная мена плавных [р], [р'], [л] со слоговыми плавными [р], [р'], [л].

Сочетание согласных «сонорный+шумный согласный» в предшествующую эпоху отсутствовало. Для всех диалектов были новыми и конечные сочетания сонорных, и конечные сочетания шумных согласных с сонорными, и начальные сочетания сонорных с шумными согласными. Все эти новые сочетания подверглись изменениям во всех диалектах. Изменения сводились к преобразованию новых сочетаний: а) путем упрощения новой группы согласных: *несл* > *нес*; б) с помощью развития вторичного гласного: *угл'* > *угол'*, *ветр* > *ветер*; в) с помощью развития позиционной слоговости: *лба* > *лба*, *ржи* > *ржи*.

Конкретные формы этих изменений варьировались по диалектам. Например, форма типа *л'на* изменялась в формы *л'на*, *ил'на*, *ол'на*, *ал'на*. Эти изменения различались по группам лексики и вскоре приобрели лексико-фонетический характер.

С известным основанием в связь с этим общим процессом преобразования новых сочетаний согласных можно

¹ Н. Н. Пшеничнова. К истории редуцированных *ы, и* в восточно-славянских языках. «Научные доклады высшей школы. Филологические науки», 1960, № 1, стр. 43—54.

² См.: «Русская диалектология», под ред. Р. И. Аванесова и В. Г. Орловой. «Наука», 1964, стр. 254—255.

поставить и изменения в группе слов с древнерусскими сочетаниями *tǫrt*, *t'or't*, *tǫlt*¹.

Как известно, после работ А. А. Шахматова явление второго полногласия связывают с развитием долготы у слогового плавного в указанных группах в положении нового закрытого слога и дальнейшим преобразованием долготы слогового плавного, т. е. *tǫrtǫ > tǫrt̃ > torot*.

Вслед за А. А. Шахматовым второе полногласие рассматривается как общее восточно-славянское явление, а его непоследовательность объясняется аналогическим воздействием². Нельзя не отметить, что А. А. Шахматов относил наличие долгих плавных, сокращение долгот, развитие редуцированного после плавного перед слогом с неслоговым редуцированным к ранней общерусской эпохе, до падения редуцированных, т. е., по А. А. Шахматову, *tǫrtǫ > tǫrtǫ* (до падения редуцированных), а *tǫrtǫ > iorot* (во время падения редуцированных)³.

В новых исследованиях удлинение плавного перед исчезающим слабым редуцированным относят ко времени падения редуцированных и связывают с явлением замещающего удлинения в новых закрытых слогах⁴. При этом данный слог и его поведение не соотносится в достаточной мере с состоянием всей фонологической системы языка. Известно, что явление замещающего удлинения, которое охватило бы не только [ъ] и [ь] в новых закрытых слогах, характеризовало юго-западные диалекты, вошедшие в состав украинского языка, и, следовательно, вряд ли может объяснять факты диалектов русского языка.

Трудно также согласиться, что это явление в своем конкретном лексико-фонетическом проявлении было общим для всех диалектов. А. А. Шахматов приводит список слов со вторым полногласием, и все они территориально приурочены к говорам псковского и новгородского происхождения. Об этом же говорят и факты, приводимые Н. П. Грин-

¹ Р. Нахтигал рассматривает «второе полногласие» в ряду со всеми преобразованиями согласных после падения редуцированных (Р. Нахтигал. Славянские языки, русск. пер. М., 1963, стр. 147—166).

² См.: В. И. Бороковский, П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. М., Изд-во АН СССР, 1963, стр. 106.

³ См.: А. А. Шахматов. К истории звуков русского языка. СПб., 1903.

⁴ См.: В. Н. Сидоров. Из истории звуков русского языка. М., «Наука», 1966, стр. 18—22.

ковой¹, которая считает второе полногласие явлением диалектным, свойственным северо-западным говорам русского языка. «В основном это — территория, идущая к западу от Белого моря по бывшей Олонецкой, Новгородской, Ленинградской и Псковской губерниям. Точнее — это районы старой Новгородской области с близко лежащими к ней землями»².

Обращает на себя внимание то, что именно в говорах новгородского происхождения диалектологи отмечают формы типа *леда*, *потолока*, в то время как в других диалектах распространены формы аналогического происхождения: *л'да*, *потолка*. Морфологические изменения по аналогии не безразличны к состоянию фонологической системы: если в фонологической системе преобразовались сочетания сонорных с шумными согласными путем развития вторичного гласного, то и новые формы с такими сочетаниями не возникали.

Соответствующие данные письменных памятников также относятся к текстам новгородского и псковского происхождения.

Развитие диалектных различий, связанных с формированием категории согласных фонем, парных по твердости-мягкости

Если сама утрата гласных фонем /ъ/ и /ь/ не создала диалектных различий, то формирование новой фонологической системы великорусского языка после падения редуцированных сопровождалось развитием целого ряда новых диалектных явлений. Их реконструкция возможна как в результате ретроспективного изучения данных современных русских говоров, так и по материалам, извлеченным из письменных памятников. Нами будет дана обобщенная характеристика этих фактов, подробно исследованных в отдельных специальных монографиях, а также в общих трудах по истории русского языка.

¹ См.: Н. П. Гринкова. О случаях второго полногласия в северо-западных диалектах. «Труды Института русского языка», т. II. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1950, стр. 211—227.

² Там же, стр. 214.

Эти новые диалектные различия занимали неодинаковое место в системе, в разной степени могли влиять на функционирование системы, на развитие других звеньев системы или могли быть изолированными в системе.

Таким диалектным различием, которое относилось к основному звену новой системы, было различное развитие корреляции твердых-мягких согласных по диалектам великорусского языка.

Развитие категории согласных фонем, парных по твердости-мягкости, материально могло выражаться: 1) в образовании определенного числа твердых и мягких согласных, различающихся только этим признаком; 2) в появлении сильных позиций, т. е. таких позиций, где качество твердости или мягкости согласного не было позиционным, обладало релевантностью и могло служить дифференциальным признаком противопоставленных фонем. Появление в той же системе позиций нейтрализации данного противопоставления делало несомненным выделение самого дифференциального признака; 3) в сокращении числа слабых позиций, где твердость или мягкость согласного была позиционно обусловленной и, следовательно, не могла реализовывать соответствующего ДП.

Как показывают наблюдения над развитием современного русского литературного языка и диалектов, эта категория продолжает развиваться, она до сих пор не сложилась окончательно, в ней заложены потенциальные возможности дальнейшей истории. Но уже в старорусский период определились основные тенденции, закономерности ее развития и определились основные различия в ее оформлении по диалектам русского языка. Наиболее продуктивной она оказалась в р о с т о в о - с у з д а л ь с к о м д и а л е к т е.

По данным ростово-суздальской письменности XIV — XV вв., на конце слова, в этой решающей сильной позиции для согласных фонем парных по твердости-мягкости, в результате одновременного процесса оглушения звонких согласных на конце слова, стали противопоставляться друг другу такие согласные фонемы: /п/ — /п'/, /ф/ — /ф'/, /т/ — /т'/, /с/ — /с'/, /м/ — /м'/, /н/ — /н'/, /р/ — /р'/, /л/ — /л'/.

Памятники письменности свидетельствуют об отвердении конечного [м']. Но это отверждение было морфологически ограничено и не снимало фонологического противо-

поставления /м/ — /м'/, что подтверждает и карта № 64 Атласа русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы (М., Изд-во АН СССР, 1957), которая показывает, что на той части территории, где находятся говоры, генетически связанные с ростово-суздальским диалектом, распространены слова с конечными неотвердевшими губными. Оформились и позиции противопоставления перед согласными. На материале памятников устанавливаются сильные позиции для твердых-мягких зубных перед твердыми губными и заднеязычными согласными.

Появление сильной позиции для твердых-мягких согласных на конце слова, а для групп согласных — и перед согласными позволяет определить сильные позиции перед гласными. Теперь, когда ДП «твердость-мягкость» можно включить в состав ДП перечисленных парных согласных фонем, появляется возможность интерпретировать слоги, состоящие из «твердого согласного + непередний гласный» или из «мягкого согласного + передний гласный», как сочетания твердых или мягких согласных фонем с разновидностями гласных фонем /а/, /о/, /у/, /и/, и позиции перед этими гласными фонемами считать сильными для парных твердых-мягких согласных фонем.

Не все парные по твердости-мягкости согласные в одинаковой степени противопоставлялись перед гласными. Так, перед /у/ мягкие губные и зубные могли быть лишь на стыке основы и флексии, а в корневых морфемах лишь в собственных именах или топонимах.

Возникновение новых сочетаний согласных типа «твердый согласный + мягкий согласный» или «мягкий согласный + твердый согласный» привело к позиционному смягчению или отвердению согласных. Орфография текстов XIV — XV вв. позволяет выявить отдельные позиции, где происходят эти изменения, а материал современных говоров, генетически связанных с древним ростово-суздальским диалектом, позволяет восстановить общую картину позиционного смягчения и отверждения согласных.

Можно думать, что в ростово-суздальском диалекте к XV в. сложились те же позиции ассимилятивного смягчения и отверждения, которые позже характеризовали старое московское произношение. Как известно, старомосковские орфоэпические нормы сложились на основе фонетической системы московского говора, генетически связанного с ростово-суздальской диалектной группой.

В позициях ассимилятивного смягчения и отвердения реальная мягкость или твердость исключалась из числа признаков, реализующих дифференциальные признаки согласных фонем.

К XV в. в этой же системе изменилось качество внепарных по твердости-мягкости согласных фонем. По говорам отвердели /ш'/, /ж'/, возможно и /ц'/. Об этом изменении свидетельствуют написания букв **ѡ** и **ѣ** после букв **ж**, **ш**, **ц** в ростово-суздальских текстах XV в.

Письменные тексты отражают смягчение заднеязычных [к], [г], [х] перед гласными переднего ряда.

Отвердение по говорам [ш'], [ж'], [ц'], позиционное варьирование [к]//[к'], [г]//[г'], [х]//[х'] не вносило изменений в оппозицию согласных фонем с ДП «твердость-мягкость».

Развитие корреляции согласных по твердости-мягкости сопровождается утратой лабиовелярности согласных. В результате исчезает и потенциальная возможность развития противопоставления согласных по лабиовелярности-нелабиовелярности в той же системе.

В истории русской фонологической системы проявлением утраты согласными лабиовелярного характера считается изменение групп [кы], [гы], [хы] в группы [к'и], [г'и], [х'и]. Отсутствие соответствующего изменения в группах «губные согласные + [ы]», «зубные согласные + [ы]» объясняется уже сложившимся противопоставлением «твердых губных — мягких губных», «твердых зубных — мягких зубных» перед фонемой /и/ ¹.

Вывод об утрате лабиовелярности согласных в системе консонантизма ростово-суздальского диалекта согласуется с представлением о последовательности развития категории парных по твердости-мягкости согласных фонем в этом же диалекте.

Развитие оппозиции с ДП «твердость-мягкость» не было таким перспективным в диалектах Новгорода и Пскова.

Письменные тексты очень скупо отражают качество твердости или мягкости согласных, поэтому основой реконструкции являются главным образом данные современных

¹ См.: Р. И. Аванесов. Из истории русского вокализма. «Вестник МГУ», 1947, № 1.

говоров, генетически связанных с древненовгородским диалектом.

Отсутствие [v] и [v'] в исходной системе уменьшало в дальнейшем возможность развития корреляции по твердости-мягкости у губных спирантов или даже исключало эту возможность в положении конца слова и слога. В тех диалектах, где в результате недостаточной сонорности [w], [w'] они сохранились в конце слова и слога без перехода в [ŷ] («у» неслоговой), сохранялось противопоставление /w/ — /w'/ до отвердения всех конечных губных, но из-за отсутствия позиционной мены [v] // [ф], [v'] // [ф'] фонемы /ф/ — /ф'/ не входили в фонологическую систему диалекта, а сохранялись лишь как единицы подсистемы, характеризующей фонемный состав заимствованных слов (для диалекта — это прежде всего собственные имена *Фекла, Федор, Фотий* и др.). В тех же диалектах, где после падения редуцированных согласные [w], [w'], характеризуясь большей степенью сонорности, в конце слога и слова изменялись в [ŷ], а в начале слова в [y], возникла позиционная мена [w] // [ŷ] или [w'] // [ŷ'], и в такой системе утратилось противопоставление /w/ — /w'/ в исходе слова и слога вне связи с отвердением конечных губных.

Диалектологи¹ отмечают, что такие говоры со звуками [w], [w'] большей сонорности и меной [w] // [ŷ], занимают территорию на юго-запад от Москвы, а на крайнем северо-востоке, т. е. там, где есть говоры, генетически связанные с древненовгородским диалектом, фиксируется [w] меньшей сонорности, и этот звук [w] может сохраняться без изменения в [ŷ].

Но такое противопоставление говоров по степени сонорности [w] могло возникнуть и позже, после XV в. Письменные памятники XIV — XV вв. новгородского и псковского происхождения одинаково передают губногубное качество [w], [w'] и их изменение в [ŷ] или в [y]. Орфография новгородских, двинских грамот и памятников Пскова отражает это явление в употреблении букв **в** и **у** в одних и тех же орфограммах, в появлении предлога *ув*, в опущении буквы **в** перед буквой **л**.

Орфография памятников письменности новгородского и псковского происхождения XIV и особенно XV в. однооб-

¹ См.: «Русская диалектология», под ред. Р. И. Аванесова и В. Г. Орловой. М., «Наука», 1964, § 56, стр. 75—79.

разна и не позволяет говорить в это время о диалектном различии [w] по степени сонорности.

Если это различие и было, и в говорах северо-востока сохранилось различие [w] и [w'], не перешедших в [ʏ], то оно снималось параллельным процессом отвердения конечных губных согласных.

Новгородские, двинские, псковские тексты отражают отверждение конечного [m'].

В псковских памятниках, описанных Н. М. Каринским, содержатся указания на отверждение не только конечного [m'], но и конечного [b']¹.

Диалектные данные свидетельствуют о том, что в новгородских и в части псковских говорах отвердевал не только конечный [m'] в определенных морфемах, но и все конечные губные. Например, в белозерских говорах встречаем *сын, цеп, голун, сем, кроф* (по наблюдениям автора во время экспедиции 1954 года), в Гряз. у.: *кровѣ, любовѣ, церковѣ, голунѣ* («Мат.», вып. X)²; Волог. у.: *голубѣ, кровѣ, церкоу* («Мат.», вып. X); Тотем. у.: *кровѣ, любовѣ* («Мат.», вып. X); ваучский говор Черепов. у.: *l'ubof, brof, krof* (по данным С. А. Еремина); Псков. губ.: *бѣю, пѣю, голубѣ, сынѣ, семѣ* («Мат.», вып. X).

В ряде говоров, связанных исторически с диалектом Новгорода, диалектологами отмечается общая тенденция к отверждению согласных, которая ведет к утрате оппозиции по твердости-мягкости в наиболее важном для данной категории фонетическом положении — на конце слова. Так, в Грязовецком уезде Вологодской губернии следует вообще отметить преобладание твердых согласных: *пахатѣ, вхатѣ, любитѣ..*, в словах: *опятѣ, девятѣ, пятѣ, братѣя..* Встречается также твердость других согласных: *денѣ, свинѣя, удивленѣ, попадѣя, конѣ, огонѣ, церковѣ* («Мат.», вып. X). Отверждение согласных на конце слова и перед гласными [и], [е] отмечает Р. Ф. Пауфошима³ в говорах Харовского района Вологодской области: *искатѣ, питѣ, грѣсѣ, пѣтѣ*,

¹ Н. М. Каринский. Язык Пскова. СПб., 1909, стр. 187.

² «Материалы великорусской диалектологии», вып. X, XI, «Сборник отделения русского языка и словесности», т. ХСIX, № 3 Пг., 1922.

³ См.: Р. Ф. Пауфошима. Согласные неполного смягчения. «Материалы и исследования по русской диалектологии», вып. II. М. Изд-во АН СССР, 1961.

пар'ен', д'ен', п'ыиот, п'ыво, забрал'ы, т'ыхо, с'ыда, оп'ет', врод'е, б'ер'егомъ и др.

Эти свидетельства диалектологов подтверждаются и некоторыми картами, уже подготовленными для Атласа русских народных говоров к северу от Москвы: на территории, генетически связанной с говорами новгородского диалекта, с путями ранней новгородской колонизации, проходят изоглоссы конечных отвердевших губных, мены [л] или [l] на [j̥]¹.

В говорах новгородской группы утрачивалось противопоставление /л/ — /л'/ на конце слова и слога в связи с изменением велярного [л] в [j̥].

В результате более поздней замены сохранившегося велярного [л] звуком [l] «европейским» в говоре возникала мена [l] на [j̥] или [w]. И в этом случае противопоставление /л/ — /л'/, известное перед гласными в конце слога и слова, утрачивалось, так как звук [j̥] или [w] включался в частную систему губных спирантов².

В некоторых говорах вологодско-вятской группы отмечается нейтрализация противопоставления /л/ — /л'/ в связи с отвердением [л'] перед твердыми согласными, преимущественно зубными, шипящими и [ц]. «В одних говорах эта особенность проведена более последовательно, в других ограничена отдельными словами»³.

В диалектах Пскова после падения редуцированных не развивается противопоставление по твердости-мягкости у зубных фрикативных согласных /с/ — /с'/, /з/ — /з'/, так как в исходной системе отсутствовали силлабемы типа [с'ь], [з'ь], а силлабемы [с''ь] и [з''ь] изменились в /с''/, /з''/, которые не могли образовать с фонемами /с/, /з/ двучленное противопоставление с ДП «твердость-мягкость».

¹ Материалы Атласа русских народных говоров к северу от Москвы находятся в Диалектологическом секторе Института русского языка АН СССР. Большой материал приводит Ю. С. Азарх в статье «Отверждение парных мягких согласных перед гласными в вологодско-кировских говорах». В сб. «Очерки по фонетике севернорусских говоров». М., «Наука», 1967.

² О временной последовательности в развитии диалектных систем с фонемами /л/ — /л'/, /l/ — /л'/, /l/ — /л/ подробно изложено в работе Р. И. Аванесова «Очерки русской диалектологии» (М., Учпедгиз, 1947, § 178, стр. 170).

³ Материал приведен в работе Л. Э. Калнынь «Развитие категории твердости и мягкости в русском языке», стр. 212.

О таком развитии свистящих свидетельствует и тот факт, что в XV в. после отвердения [ш'], [ж'] в ряд «шепелявых», не противопоставленных по месту образования согласных, втягиваются и твердые [с], [з].

Смещение букв для свистящих и шипящих — характернейшая черта древнепсковских памятников. «Смещение букв *с* — *ш*, *з* — *ж*, широко представленное в большинстве псковских памятников XIV и даже первой половины XV в., в памятниках конца XV — начала XVI в. представляет собой уже сравнительно редкое явление». «В современных псковских говорах шепелявость отмечается почти повсеместно, но лишь как пережиточное явление»¹.

Псковские тексты XIV — XV вв. (по данным Н. Каринского, Т. Н. Кандауровой) отражают утрату различия /р/ — /р'/ в результате отвердения [р'].

«На существование в произношении древних псковичей твердого [р] (на месте древнейшего мягкого. — К. Г.) указывают не только данные рукописных памятников, но и данные древнепсковской топонимики». «В современных псковских говорах произношение твердого [р] отмечено в бывших Островском, Новоржевском, Опочечком и Гдовском уездах, причем везде лишь спорадически, наряду с преобладающим произношением [р'], парного по твердости-мягкости»².

Утрата противопоставления твердых-мягких губных на конце слова и перед согласными меняет характер противопоставления этих же согласных перед гласными фонемами /а/, /у/, /и/: в данной частной системе как бы сохраняются силлабемы: «твердый губной + [а], [у], [и]» и «мягкий губной + [а], [у], [и]». Но так как в общей фонологической системе было противопоставление твердых-мягких переднеязычных согласных фонем на конце слова, что позволяло определить твердость-мягкость этих согласных перед гласными /а/, /у/, /и/ как ДП этих фонем, то это в свою очередь позволяет определить твердость-мягкость губных согласных перед гласными /а/, /у/, /и/ как их ДП.

В древнепсковском диалекте отсутствовала не только пара /ф/ — /ф'/, но и противопоставленные пары переднеязычных согласных /с/ — /с'/, /з/ — /з'/, /р/ — /р'/.

¹ Т. Н. К а н д а у р о в а. К истории древнепсковского диалекта XIV в. (О языке Псковского пролога 1383 г.). «Труды Института языкознания», т. 8, 1957.

² Т а м ж е, стр. 265.

Ограничения в противопоставлении твердых-мягких губных и зубных согласных фонем перед гласной фонемой /у/, известные в ростово-суздальском диалекте, были в древне-новгородском и древнепсковском диалектах.

Все это значительно ослабляло оппозицию согласных фонем по твердости-мягкости в этих диалектах.

Позиционное смягчение и отверждение согласных было известно диалектам Новгорода и Пскова. Смягчались зубные перед мягкими зубными.

Внепарные мягкие [ш'], [ж'] в новгородском и псковском диалектах на рубеже XIV — XV вв. были еще мягкими, о чем свидетельствует постоянное написание ъ, ѹ (а не ѣ, ѥ) в рукописных памятниках XIV и даже XV в. новгородского и псковского происхождения.

Долгие шипящие [ш':], [ж':] (по говорам возможно и [ш'т'ш'], [ж'д'ж'], а в отдельных говорах и [ш'т'], [ж'д']) также были мягкими.

Писцы новгородских грамот XIV в. (по данным А. А. Шахматова) и первый писец Псковского пролога 1383 года (по данным Т. Н. Кандауровой) в своем говоре еще не знали среднеязычных согласных [к'], [г'], [х'], т. е. в этих говорах отсутствовала позиционная мена заднеязычных и среднеязычных согласных.

Этим выводам историков русского языка, сделанным на основании тщательного изучения рукописных текстов XIV в. новгородского и псковского происхождения, следует придать важное значение, так как они свидетельствуют о том, что в этих говорах лабиовелярность еще была связана с системой согласных. Этот факт косвенно свидетельствует также о том, что в данной системе консонантизма корреляция согласных фонем с ДП «твердость-мягкость» не была достаточно развита.

В системе консонантизма смоленско-полоцкого диалекта, судя по данным письменности и современных говоров, были черты, общие с системой псковского диалекта, особенно его южных говоров. Очевидно, и здесь не развилось на конце слова и слога противопоставление губных по твердости-мягкости, в связи с изменением древних [w], [w'] этого диалекта в [ŭ].

Отсутствие пары /в/ — /в'/ удерживало звуки [ф], [ф'] на положении единиц подсистемы, характеризующей лишь звуковой состав заимствованных слов. В части го-

воров было известно неразличение шипящих и мягких свистящих. Все эти изменения в области согласных приводили к сокращению числа и функциональной силы согласных фонем, парных по твердости-мягкости, сближая по этой черте смоленско-полоцкий диалект с северо-западной группой диалектов — псковским и новгородским и противопоставляя его ростово-суздальскому.

Судя по современным диалектным данным, на территории а к а ю щ е г о д и а л е к т а (Рязанская, Черниговская феодальные земли) категория согласных фонем, парных по твердости-мягкости, не получила такого же полного развития, как в ростово-суздальском диалекте. В этих говорах не развилось противопоставление твердых-мягких губных согласных на конце слова, отсутствовала пара /ф/ — /ф'/, в отдельных говорах утрачивалось противопоставление /л/ — /л'/ и /р/ — /р'/.

Диалектные различия как результат истории звуков [e] и [o]

Появление диалектизмов в связи с историей гласных [e] и [o] зависело от того, к а к протекал по диалектам фонетический процесс изменения [e] в [o], и от того, к а к складывались фонематические отношения между этими звуковыми единицами.

Фонематичность признака «твердость-мягкость» согласного перед гласными одновременно означала, что мена гласных по ряду в зависимости от этой твердости-мягкости согласных, т. е. мена [ы]// [и], [o]// [e], [ỳ]// [y], [ǎ]// [a], является позиционной.

В дальнейшем отношения между [o] — [e] в системах русских диалектов меняются.

Все ростово-суздальские тексты XIV — XV вв. знают употребление букв **е** и **о** в одних и тех же орфограммах, а это позволяет сказать, что писцы соотносили обе эти буквы с одной и той же звуковой единицей в определенных фонетических и морфологических условиях.

В ростово-суздальских грамотах орфограммы с меной букв **е** и **о** находим для обозначения корневых, аффиксальных и флексивных морфем. Эта мена наблюдается под ударением и без ударения, перед твердыми и перед мягкими согласными, но постоянно после букв для согласных, непар-

ных по твердости-мягкости, т. е. после букв *ш, ж, ч, ц*, т. е. наблюдаются написания: *жог, зжог и жег, ни в чом и ни в чем, исшод и пришод, пришол и пришел, жону и жену, сѣно нашо и наше село* и др.

В грамотах отсутствуют орфограммы с меной букв *е* и *о* после букв для парных мягких согласных, что объясняется характером русской орфографии: мягкость парных мягких согласных перед гласными обозначается буквой последующего гласного; поэтому буквы *я, ѡ, ю, ѳ, в* обозначали на письме не только гласные [a], [y], [e], но и мягкость предшествующего согласного: *пѣть, пѣть*=[п'ат'ь], *люди*==[л'уд'и] и т. п.

Буква *о* не могла одновременно обозначать мягкость предшествующего согласного, написание типа *носѣ* могло передать лишь слово [нос], но не могло передать на письме слово [н'ос]. Поэтому лабиализация [e] орфографически отразилась прежде всего в написании буквы *о* после непарных мягких согласных, так как мягкость этих согласных не нуждалась в дополнительном орфографическом обозначении с помощью буквы следующего гласного.

Постараемся обосновать вывод о том, что данное ограничение отражения лабиализации [e] положением после мягких шипящих и [ц'] было лишь орфографическим и не касалось произносительной системы, в которой лабиализация [e] была также широко представлена и после парных мягких согласных. К такому выводу нас приводят следующие соображения, связанные с общим пониманием фонологической системы и ее отношения к орфографии.

Лабиализация [e] после мягкого согласного, связанная с одновременным отодвижением гласного в более заднюю область образования звука, означала важное изменение в системе языка, так как знаменовала возможность нового сочетания мягкого согласного (палатального и палатализованного) с последующим лабиализованным непередним гласным среднего подъема, т. е. утрату обязательных силлабем [с'е], [со]. Такое изменение не могло ограничиться положением после непарных мягких согласных, оно должно было затронуть сочетание парных мягких согласных, так как силлабема [с'е] занимала одинаковое место в слоговой структуре языка XI — XII вв., вне зависимости от того, принадлежал ли согласный к ряду палатальных или к ряду палатализованных согласных. Только в этом случае новое

произношение отражало изменение в системе языка и, следовательно, оказывалось существенным, важным для говорящих на данном языке. Именно поэтому эти новые факты могли получить такое довольно широкое отражение в орфографии, но, естественно, в пределах, ограниченных возможностями самой орфографии.

Лабиялизация [e] после парных мягких согласных означала появление новой сильной позиции (позиции перед гласной фонемой /o/) для согласных фонем, парных по твердости-мягкости.

Но в то же время это изменение не приводило к фонологизации отношения между [e] — [o]. Гласный звук [o], как и гласный [e], был разновидностью фонемы /o/.

В системе с развивающейся корреляцией согласных фонем по мягкости-твердости оппозиция фонем /e/ — /o/ сложилась в связи с морфологическим процессом оформления единой парадигмы склонения имен с основами на твердый или мягкий согласный.

Сочетание фонем «мягкий согласный + [o] + мягкий согласный» (типа [с'ос']) или конечное сочетание «мягкий согласный + [o]» (типа [с'ол]), появляясь как следствие морфологических процессов, охватывало не все морфемы, при отсутствии аналогии сохранялись сочетания «мягкий согласный + [e] + мягкий согласный», «мягкий согласный + [e]» (типа [с'ес'], [с'ел]), например: им. п. ед. ч. [пол'о], но зват. форма [пол'е!]; твор. п. ед. ч. [з'ем'л'оју]; род. п. ед. ч. [пол'еј].

К XV в. отношения между [e] и [o] в ростово-суздальском диалекте были следующими:

Таблица 2¹

СГ		СГС		СГС'		СГС		СГ		СГС'	
л	нл	л	нл	л	нл	л	нл	л	нл	л	нл
о		о'		'о		'о	е	о	е		

¹ Буква С в таблице обозначает «согласный», буква Г — «гласный».

Таким образом, оппозиция фонем /е/ — /о/ первоначально возникла между мягкими согласными и на конце слова: в качестве дифференциального признака выступает «нелабиализованность-лабиализованность».

Это противопоставление /е/ — /о/ практически было редким. Оно наблюдалось, например, в формах типа /пол'еј/ — /з'ем'л'оју/, /кон'еј/ — /городн'оју/; /гос'подар'еј/ — /бур'оју/; /пол'е'/ (зват. форма) — /пол'о/ (им. п. ед. ч.).

Перед твердыми согласными фонемы /е/ и /о/ не могли противопоставляться: из-за лабиализирующего воздействия последующего твердого согласного звук [е] в этом положении изменялся в [о].

Если считать, что фонологизация отношений /е/ — /о/ между мягкими согласными и на конце слова привела к прекращению фонетического изменения [е] в [о], то все еще нельзя говорить о противопоставлении /е/ — /о/ перед твердыми согласными, так как не было слов, включающих фонетическое сочетание [с'ес].

Этот слой лексики возник в более позднее время в результате усвоения заимствованных слов типа *аптека, лента, монета*, из слов с поздно отвердевшими согласными: *верх, женский, деревенский, полотенце, отец* ¹, из книжных слов: *крест, небо, перст*, которые в диалекты могли входить в ином произношении ².

Значительный пласт лексики с сочетанием типа [с'ес] возник, главным образом, в результате изменения /ê/ в /е/.

Было весьма ограничено противопоставление /е/ — /о/ на конце слова, так как здесь, в основном, в одних морфемах была фонема /о/, а в других — /ê/, фонема /е/ могла быть в окончании звательной формы, в окончании 2-го лица множественного числа.

Подчеркивая роль морфологической аналогии в оформлении оппозиции /е/ — /о/ в системе русского языка, одновременно соглашаемся с утверждением Р. О. Якобсона о том, что «грамматическая аналогия сама по себе (разрядка наша. — К. Г.) не может привести к возникновению или исчезновению фонологической корреляции» ³. В данном случае само грамматическое изменение оказалось

¹ Эти слова на рубеже XIV—XV вв. были с мягкими согласными.

² В средневеликорусских говорах известно произношение [кр'ост], [п'орст].

³ Р. О. Якобсон. *Remarques sur l'évolution phonologique du russe...*, стр. 58.

возможным после соответствующих изменений в фонологической системе, приведших к фонологизации отношений между парными твердыми и мягкими согласными.

Реализация этого фонематического противопоставления перед /o/ может первоначально осуществиться или ограничиться лишь грамматически значимыми морфемами или оказаться на стыке морфемы и отсутствовать в корневых морфемах, в ряде аффиксов, как это восстанавливает Р. И. Аванесов для первичных акающих южновеликорусских говоров¹. Но и в этом случае направление грамматической аналогии зависит от возможностей фонологической системы.

Фонологизация отношения между [e] — [o] возникла иначе в той системе, где слабо развивалась корреляция парных твердых, мягких согласных. В такой системе оппозиция /e/ — /o/ появлялась в результате отвердения парных мягких согласных перед [e], т. е. возникали слоги [co] и [ce].

В этой системе не развивалось противопоставление парных твердых, мягких согласных, фонем ни перед фонемой /o/, ни перед фонемой /e/.

Доказательством реальности предложенной интерпретации фактов письменности являются данные современных говоров — наследников ростово-суздальского диалекта. Эти говоры имеют пятифонемный состав гласных: **и — е — о — а — у**, два типа предударного вокализма после мягких согласных перед твердыми: 1) **и — е — о — а — у** и 2) **и — о — о — а — у**. Только в этих говорах последовательно проведено соотношение ударного [e] с предударным [o] после мягкого согласного перед твердым: [n'oc] — [n'oc'ý]².

Последовательное изменение [e] в [o] — одна из типичных изоглосс, выделяющих диалектную зону центра в противоположность периферийным говорам северновеликорусского наречия, где такой последовательности нет³.

В этих говорах широко распространены формы типа

¹ См.: Р. И. А в а н е с о в. Очерки диалектологии русского языка. М., Учпедгиз, 1949, а также в статье «Лингвистическая география и вопросы истории русского языка. «Вопросы языкознания», 1952, № 6.

² См.: С. К. П о ж а р и ц к а я. Типы вокализма первого предударного слога после мягких согласных в северновеликорусских говорах. Канд. дисс. (рукопись), 1963.

³ См.: К. Ф. З а х а р о в а, В. Г. О р л о в а. Указ. статья.

«землёю»¹, т. е. с сочетанием [с'ос'] аналогичного происхождения.

Изменение отношения между [e] — [o] в новгородском диалекте протекало иначе. Изучение характера всех примеров из новгородских и двинских грамот позволяет сказать, что количество написаний буквы **о** вместо **е** в новгородских памятниках, если отделить примеры, связанные с возможностью твердой основы у прилагательных *верхний, нижний, летний*, сравнительно небольшое.

А. А. Шахматов обратил внимание на написание буквы **ѣ** вместо **е** перед твердыми согласными в двинских грамотах: № 93 — *на берѣгу, полѣѣма*; № 5, 105, 122, 123 — *с озѣры, озѣром*; № 103, 116, 97, 98, 5 — *сѣло, сѣла*; № 93 — *в притѣрѣбахъ, с притѣрѣбы*. Эти написания он объяснял как отражение результатов морфологического воздействия основ типа *с'ел'* на основы типа *с'ол'*².

Не принимая данного объяснения о морфологической причине делабиализации, мы в то же время учитываем, что именно в грамотах новгородского происхождения есть замена буквы **е** буквой **ѣ** перед твердыми согласными, в то время как в ростово-суздальских текстах такая замена наблюдается прежде всего перед мягкими согласными.

Двинские грамоты, знающие замену **е** через **ѣ** перед твердыми согласными, и грамоты, имеющие в этом же фонетическом положении написание **о** вместо **е**, не совпадают. Не совпадают и грамоты, имеющие написание **о** вместо **е** и написание **и** на месте **ѣ**.

Все эти данные позволяют выделить новгородские тексты с такими чертами, как 1) замена буквы **е** буквой **ѣ** перед твердыми согласными, 2) замена буквы **ѣ** буквой **и** во всех морфемах, а не только в конечном открытом слоге, составляющем определенные флексии, и отсутствие написаний буквы **о** вместо буквы **е** в морфемах, где нельзя предположить результат морфологического воздействия.

Думаем, что эти тексты отразили т и п и ч н ы е черты говоров н о в г о р о д с к о й г р у п п ы.

Этот вывод подкрепляется данными современной диалек-

¹ А. Н. Добромыслова. К вопросу о корреспонденции /o/ — /e/ в творительном падеже женского склонения. «Вестник МГУ», 1963, № 1.

² См.: А. А. Шахматов. Исследование о двинских грамотах XV века, ч. I, II. В кн.: «Исследования по русскому языку», т. 2, вып. 3, СПб., 1903.

тологии, среди которых особо выделяем наблюдения Р. И. Аванесова о слабой лабиализации предударного [o] из [e] в говорах олонейской группы и замечание о говорах, не знающих изменения [e] в [ɐ] перед мягкими согласными¹, а также результаты экспериментального изучения фонетики группы северновеликорусских говоров, когда были обнаружены говоры с гласным [e] тембрально однородным, перед которым выступают согласные неполного смягчения.

Материал, собранный для Атласа русских народных говоров и уже частично обобщенный в кандидатских диссертациях и подготовленных картах, свидетельствует о том, что на северо-западе и севере распространены главным образом говоры со следующими типами предударного вокализма перед твердыми согласными:

- 1) *и — е — а — у*;
- 2) *и — е — у*;
- 3) *и — о — а — у* ².

Именно на территории, исторически связанной с новгородской колонизацией, есть говоры с непоследовательной лабиализацией [e]. Здесь отсутствует постоянство в соотношении ударного [c'o] и предударного [c'o] : [n'oc] — [n'ocy], которое наблюдается в говорах, продолжающих в своем развитии систему ростово-суздальского диалекта. На этой же территории при составлении карт Атласа русских народных говоров к северу от Москвы выявлены отдельные очаги перехода [e] в [o] под ударением, произношение типа [п'ат' в'ерст], [ов'éc], [в'ес'ёлой].

Интересный для исторической интерпретации материал дает экспериментально-фонетическое исследование вокализма и консонантизма русских говоров, выполненное С. С. Высотским и его учениками. Так, в северновеликорусских говорах северо-востока с дифтонгами типа [iɐ], [yɐ] С. С. Высотский отмечает гласные среднего подъема [e] — [o] более повышенного образования, чем в литературном языке, т. е. [ɛ], [ɔ].

¹ См.: Р. И. Аванесов. Заметки о говоре с. Семеновского на р. Водле. «Материалы и исследования по русской диалектологии», т. II. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1949; е г о ж е. Об одной фонетикоморфологической особенности северновеликорусских говоров. «Доклады и сообщения филологического факультета МГУ», 1947, вып. 2.

² С. К. Пожарицкая. Изоглоссы типов предударного вокализма после мягких согласных на территории севернорусских говоров. В сб.: «Очерки по фонетике севернорусских говоров». М., «Наука», 1967.

Р. Ф. Пауфощима в архаической системе говора костромской группы отмечает монофтонги [o] и [e] «с ярко выраженной тембральной однородностью, отсутствием в их составе начальных элементов верхнего подъема. Начальные фазы этих гласных по своему спектральному составу практически не отличаются от их ядра и характеризуются только меньшей интенсивностью». Перед этой фонемой /e/ выступают согласные неполного смягчения ¹.

Можно предположить, что вокализм, включающий подобного рода гласные среднего подъема, известный в настоящее время в архаическом слое говоров, мог сложиться достаточно рано в диалектной системе новгородского типа, формирующейся после падения редуцированных, т. е. на рубеже XIV — XV вв.

При таком предположении вывод об отсутствии перехода [e] в [o], о слабой или ограниченной лабиализации [e] в новгородских говорах получает фонетическую основу.

На этой же территории фиксируются формы типа *землею*, т. е. с сочетанием типа [с'ес'] из-за отсутствия результатов морфологической аналогии, а направление морфологических изменений было безразлично к характеру фонологической системы. Таким образом, различия между ростово-суздальскими и новгородскими текстами актовой письменности в орфограммах с буквами *е, о* не являются случайными, не относятся лишь к орфографической выучке писцов, а связаны с фонологическими различиями в языковой системе XIV — XV вв.

В древненовгородском диалекте к XV в. отношения между [e] — [o] реконструируются в следующем виде (см. таблицы № 3 и 4 на стр. 98).

В памятниках XIV в. псковского происхождения мало достоверных примеров, свидетельствующих о фонетическом изменении [e] в [o] перед твердыми согласными.

В результате анализа рукописи Псковского пролога 1383 г. Т. Н. Кандаурова приходит к выводу, что изменение [e] в [o] не было свойственно произношению ни первого, ни второго писца Пролога 1383 г. Но в XV в. в памятниках Пскова и его области число примеров замены буквы *е* бук-

¹ См.: С. С. В ы с о т с к и й. Определение состава гласных фонем в связи с качеством звуков в севернорусских говорах В сб.: «Очерки по фонетике севернорусских говоров». М., «Наука», 1967; Р. Ф. П а у ф о ш и м а. Экспериментально-фонетическое исследование вокализма одного северновеликорусского говора. Автореферат канд. дисс. М., 1965.

Таблица 3

Под ударением

СГ		СГС		СГС'		С'ГС		СГ		С'ГС'	
л	нл	л	нл	л	нл	л	нл	л	нл	л	нл
о		о		о	е (по го- ворам)	о	е			е	

Таблица 4

Без ударения

СГ		СГС		СГС'		С'ГС		СГ		С'ГС'	
л	нл	л	ил	л	нл	л	нл	л	нл	л	нл
е		о			е	о	е			е	

П р и м е ч а н и я.

1) В положении С'ГС под ударением в одних говорах древнеиовгородского диалекта имела место лабиализация [e], в других такая лабиализация отсутствовала.

2) В положении СГ под ударением и без ударения наличие [e] или [o] определялось морфологически и было связано с направлением морфологической аналогии.

вой *о* в разнообразных орфограммах уже довольно большое.

По данным Н. Каринского¹, частая замена буквы *е* буквой *о* (около 120 примеров) отмечается в Сборнике Синодальной библиотеки № 154 и в других текстах. Эти орфографические факты в текстах XV в. допускают фонетическое толкование и делают возможным предположение о переходе [e] в [o] под ударением перед твердыми согласными в говорах древнепсковского диалекта XV в., о замене [e] звуком [o] в парадигмах склонения и о фонологизации отношения [e] — [o] под ударением. Такому предположению соответ-

¹ См.: Н. Каринский, Язык Пскова и его области, СПб., 1909.

ствуют сведения о фонетике современных окаяющих и акающих псковских говоров ¹.

Таблица 5

Под ударением

СГ		СГС		С'Г		С'ГС'	
л	нл	л	нл	л	нл	л	нл
о		о	е	о	е	о	е

Вполне возможно, что, как и в говорах псковского диалекта, в смоленско-полоцком диалекте не было фонетического изменения [e] в [o] и появление [o] после парного мягкого согласного было морфологически ограничено и охватывало лишь те морфемы, где сказались результаты влияния склоняемых форм имени с основой на парный твердый согласный на формы с основой на парный мягкий согласный, т. е. в формах типа [кон'ом], [з'емл'ой]. Ограниченное употребление слога типа [с'о] приводило к слабой противопоставленности гласных фонем среднего подъема /e/ — /o/. Их противопоставление в большинстве случаев осуществлялось на уровне силлабем [с'e] — [со].

Об отсутствии результатов фонетического изменения [e] в [o] в группе архаических южновеликорусских говоров (например, в говорах Спасского и Солотчинского районов Рязанской области) пишет Р. И. Аванесов в своих «Очерках русской диалектологии» (стр. 42—43). В этих говорах звук [o] под ударением после мягкой согласной представлен только в падежных окончаниях: *дн'ом, кул'ом, м'едв'ед'ом, з'емл'ој, конопл'ој* — и в уменьшительном суффиксе *-ок*: *п'ен'ок, д'ен'ок, кул'ок, огон'ок*. Можно с уверенностью утверждать, что [o] в этих случаях появился не фонетическим путем, а под влиянием твердой разновидности склонения (*окном, пилон*) и уменьшительного суффикса *-ок* после твердых согласных (*дубок, возок, домок*). В остальных же случаях сохраняется [e]: *л'ен, ов'ес, св'екла, кл'ен, б'ер'еза, в'ес'елој, ч'ер'емуха, зав'ертыват', тв'ердој, кошелка, галч'енок, н'ес'ем, вез'ем* и др.

¹ См.: «Псковские говоры». Псков, 1962.

Материал, собранный для Атласа русских народных говоров, позволил представить более широкое распространение южновеликорусских говоров с отсутствием результатов фонетического изменения [e] в [o]. Сопоставительный анализ ударного и предударного вокализма после мягких согласных позволяет сказать, что в ряде случаев звук [o] после мягких согласных появился сравнительно поздно (после того, как сложились основные типы предударного вокализма). Р. И. Аванесов обратил внимание, что в говорах с ассимилятивно-диссимилятивным яканьем, когда предударные гласные различаются в зависимости от древних различий ударных гласных верхнесреднего и среднего подъема, перед ударным [e], не перешедшим в [o] или перешедшим в [o] (если он не составляет части именной флексии или суффикса -*ож*), предударный гласный не меняется, т. е. произносятся: *с'ало, с'алом, п'ан'ок, м'едв'ад'ом*, но *в'ис'елый* и *в'ис'елый, з'ил'еный* и *з'ил'оный* и т. п.

В результате в южном акающем диалекте отношения между [e] и [o] не были фонологизированы, эти звуки выступали как разновидности одной фонемы. И лишь в отдельных морфемах эта фонологизация имела место.

Диалектные различия в истории фонемы [e]

Исследователи рукописных текстов XIV в. северо-восточного происхождения пришли к выводу, что в говорах ростово-суздальского диалекта в середине XIV в. имела место особая гласная фонема, обозначаемая буквой *ѣ*. Этот вывод подтверждается специальным изучением большого числа ростово-суздальских грамот XV в.¹ В этих грамотах чередование орфограмм с соответственным написанием букв *ѣ, е*, редко *и*, обнаруживает связь с фонетической характеристикой орфограммы (соседство [j], парных твердых, мягких и непарных мягких согласных), а также с их морфологической характеристикой (обозначение корневой, аффиксальной или флективной морфемы) и не зависит от отношения к месту ударения.

¹ См.: К. В. Горшкова. Очерк исторической диалектологии северной Руси. Изд-во МГУ, 1968 (в книге дана подробная библиография).

Употребление букв *ѣ* и *е* в одних и тех же орфограммах, особенно замена буквы *е* буквой *ѣ* главным образом в положении перед мягкими согласными в корнях слов, довольно последовательное написание буквы *ѣ* в падежных окончаниях местоимений и имен существительных женского рода в дательном падеже всех трех родов и в местном падеже единственного числа имело фонетическую основу.

После падения редуцированных, утраты слогом автономности и появления новых типов позиционной мены звуков в говорах ростово-суздальского типа возникла позиционная мена [e] // [ɛ] («е» напряженным) в условиях: [e + c], [ɛ + c']. Фонема верхнесреднего подъема /ê/ (на письме обозначалась буквой *ѣ*), утратив фонематическую долготу ¹, по своему качеству оказалась близкой или даже тождественной новому члену позиционной мены в ряду фонемы /e/, т. е. возникла позиция нейтрализации двух фонем. Неразличение фонем /ê/ и /e/ перед мягкими согласными и стало фонологической основой написания букв *ѣ* и *е* в одних и тех же орфограммах. Такое же употребление букв *ѣ*, *е* перед твердыми согласными может быть объяснено перенесением (по условиям существования слов в парадигме) в эту позицию фонетически оправданной мены указанных букв перед мягкими согласными. Кроме того, такое употребление букв *ѣ*, *е* и перед буквами для твердых согласных в текстах XV в. (особенно конца XV в.) могло иметь и фонологическую основу, о чем будет сказано дальше.

Узкий гласный типа [ɛ] между мягкими согласными не достигал в это время самого верхнего подъема, не становился гласным [и].

Вывод о совпадении фонем /ê/ и /e/ между мягкими согласными в северо-восточных говорах не противоречит данным современных говоров, продолжающих историю говоров ростово-суздальского типа ².

Лабиялизация [e] перед твердыми согласными, изменение [e] в [ɛ] перед мягкими согласными меняет и положение фо-

¹ Долгота /ê / как ее матерьяльное качество могла долго сохраняться, но в новой системе после падения редуцированных этот признак становился фонологически несущественным, избыточным.

² См.: Атлас русских народных говоров к востоку от Москвы. М., 1957. Вступительные статьи и комментарии, стр. 431 и след. Карта № 17, пп. 88, 92, 112, 224, 312, 342, 360, 361, 807; С.К. Пожарникова. Типы вокализма первого предупредного слога после мягких согласных в северновеликорусских говорах. Канд. дисс. (рукопись), 1962.

немы /ê/ в фонологической системе диалекта, состав ее дифференциальных признаков.

Признак «напряженности» у фонемы верхнесреднего подъема в говорах, знающих мену [e] // [ɛ] в зависимости от последующего твердого или мягкого согласного, став свойством, зависящим от позиционных условий функционирования фонемы, исключается из числа ее возможных ДП в этой же позиции, т. е. в положении перед мягкими согласными.

Качество «напряженности» у фонемы верхнесреднего подъема /ê/ перед твердыми согласными также перестает быть ДП, так как утрачивается противопоставление /ê/ — /e/ вследствие лабиализации [e], перехода [e] в [o].

В этой системе звуковые единицы /ê/ и /o/ перед твердыми согласными и на конце слова были лишены возможности противопоставления по «напряженности-ненапряженности» или по «нелабиализованности-лабиализованности», так как не было тождества оснований: они были разного подъема.

Качество напряженности (или иначе — сохранение верхнесреднего подъема) у фонемы /ê/ перед твердыми согласными, потеряв значение дифференциального признака, не могло поддерживаться системными отношениями. Характер новой системы не препятствовал, а способствовал замене фонемы верхнесреднего подъема /ê/ гласной фонемой среднего подъема /e/ в ростово-суздальском диалекте.

Замена /ê/ фонемой /e/ создавала наиболее сильную для ДП «нелабиализованность-лабиализованность» позицию — позицию перед твердыми согласными: /с'ел/ — /с'ол/, /л'ес/ — /л'ос/ и под. Это появление /e/ на месте /ê/ и могло проявиться в мене букв *ъ, е* перед твердыми согласными.

Судя по материалам современных говоров, замена /ê/ фонемой /e/ раньше осуществлялась в безударных слогах.

По данным С. Пожарицкой, тип предударного вокализма после мягких согласных перед твердыми (*и — о — о — а — у* из *и — ѣ — е — а — у*) территориально характеризует юго-восточный угол территории окающих говоров (главным образом районы Горьковской области, а также некоторые районы Владимирской, Ивановской, Пензенской, Ульяновской областей, Марийской, Мордовской, Татарской и Чувашской АССР). Некоторое количество населенных пунктов с говорами этого типа отмечено также в восточной части Вологодской области; в Кичменско-Городецком, Междуреченском и Никольском районах. Кроме того, го-

воры с этим типом вокализма распространяются дальше на юго-восток и отмечаются на территории Куйбышевской и Ульяновской областей.

В районах позднейшей русской колонизации говоры с данным типом предударного вокализма принадлежат выходцам из Поволжья¹.

Генетически этот тип вокализма возник довольно рано. В. Н. Сидоров предполагает, что в говорах владимиро-поволжского типа первоначально, накануне воздействия аканья, преобладающим типом предударного вокализма был: *и — о — о — а — у*².

Поэтому можно думать, что открытый звук [e] на месте /ê/ в безударных слогах в говорах ростово-суздальского диалекта появился тогда, когда еще действовал закон лабиализации [e] перед твердыми согласными или когда фонетическая модель, сложившаяся в результате изменения безударного [e] в [o] перед твердыми согласными, была актуальной³.

В настоящее время говоры на юго-восточной территории северновеликорусского наречия обычно сочетают предударный вокализм (*и — о — о — а — у*) с пятифонемным составом гласных (*и — е — о — а — у*). Появление здесь шестой фонемы /ê/ — явление спорадическое. Говоры с предударным вокализмом *и — е — о — а — у* также имеют пятифонемный состав гласных.

Таким образом, есть все основания предполагать, что и ударная гласная фонема /ê/ в этих говорах стала утрачиваться вскоре после XV в. Динамика этого процесса зависела от принадлежности слов с этой фонемой к тому или иному пласту лексики, от употребительности этих слов, от принадлежности фонемы /ê/ к той или иной аффиксальной морфеме и от положения данного аффикса в словообразовательной и формообразовательной системах языка, а так-

¹ См.: С. К. Пожарницкая. Типы вокализма первого предударного слога после мягких согласных в северновеликорусских говорах, стр. 56—57.

² См.: В. Н. Сидоров. Об одной разновидности умеренного яканья в среднерусских говорах «Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР», т. 2, 1952, стр. 67.

³ Такой путь развития этого типа предударного вокализма намечен С. П. Обнорским в работе «Переход *е* в *о* в современном русском языке» («Академик А. А. Шахматов». Сборник статей и материалов. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1947).

же от других причин, связанных с функционированием языка как средства общения. Нам важно подчеркнуть, что общее состояние фонологической системы ростово-суздальского диалекта XV в. не поддерживало фонему /ê/ с ее прежними ДП как единицу этой системы. В связи с полученным выводом необходимо вновь обратиться к некоторым результатам изучения судьбы фонемы «ять» в московском говоре.

Развитие московского говора как одного из говоров ростово-суздальского диалекта заслуживает отдельного рассмотрения, так как именно московский говор, став говором центра, в дальнейшем послужил живой основой русского литературного языка, определил многие его нормы, в частности нормы орфоэпические.

О фонетической системе московского говора XIV — XVI вв. мы можем судить по данным московских грамот этого периода.

Изучение орфограмм, с соответственной меной букв *ѣ*, *е*, *и*, позволяет сказать, что в московских грамотах XVI в. (№ 1—15) написания корневых морфем с гласной /ê/ соответствуют этой гласной и морфологическому принципу орфографии¹.

Немногие примеры замены буквы *ѣ* буквой *е* относятся к обозначению безударного гласного: *по рекѣ Окѣ* (10), *целовали* (2). Эти случаи такой замены (всего 4 случая) падают на обозначение безударных флексий. Под ударением зафиксирован один случай: *тобе* (5). Чаще такая замена наблюдается в книжной, церковнославянской форме родительного падежа указательных местоимений и прилагательных женского рода.

На протяжении первой половины XV в. примеры замены буквы *ѣ* буквой *е* уже имеют место в различных орфограммах: при обозначении корневых, аффиксальных, флексивных морфем.

В грамотах этого периода находим написание *ѣ* вместо *е* под ударением: *ѣзы* (61). Есть отдельные случаи написания *ѣ* вместо *е* между мягкими согласными: *въздѣ*, *тѣбе*.

Итак, в XV в. в московских грамотах появляется буква *е* вместо буквы *ѣ* в безударном положении, немногие случаи под ударением падают на обозначение гласного после

¹ См.: «Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV — XVI вв.», под ред. проф. Л. В. Черепнина. М.—Л., 1950.

[j]. Замена буквы *е* буквой *ѣ* наблюдается между мягкими согласными.

Для московских грамот XVI и XVII вв. Л. Васильев установил различие *ѣ* — *е* под ударением и замену *ѣ* буквой *е* без ударения как орфографическую норму.

Как видим, начиная с середины XV в. орфография московских грамот в употреблении букв *ѣ*, *е* отличается от других грамот ростово-суздальского происхождения.

Это отличие можно объяснить или особой историей московского говора, отличной от истории других говоров ростово-суздальского типа, или возможностью интерпретировать орфографию московских грамот конца XV — XVII в. не только в историко-диалектологическом плане.

Данные описательной диалектологии и лингвистической географии не позволяют выделить историю московского говора XIV — XV вв. как особую, отличающуюся от истории других говоров Ростово-Владими́ро-Суздальской земли. Последовательное развитие категории согласных фонем, парных по твердости-мягкости, последовательное изменение [e] в [o], пятифонемный состав вокализма характеризуют все говоры центра, как московский, так и владими́ро-поволжские, генетически связанные с ростово-суздальским диалектом¹. Складывание старомосковского просторечия относится ко времени рубежа XVI — XVII вв., т. е. к периоду установления фонологической системы с пятифонемным вокализмом в ростово-суздальском диалекте. Поэтому и в фонологической системе старомосковского просторечия не было условий для функционирования особой фонемы /ê/, противопоставленной /e/. Можно с достаточной вероятностью сказать, что установленная Л. Васильевым и другими исследователями орфография моско́вских грамот отражает не факт диалектной системы говоров Ростово-Владими́ро-Суздальской земли, а н о р м у п р о и з н о ш е н и я, характерного для Влади́мира, а затем и Москвы как культурного центра. В определенных условиях различие /ê/ и /e/, не поддерживаемое системой, могло сохраняться в силу традиции на положении произносительной нормы, что могло сложиться в условиях москов-

¹ См. характеристику диалектной зоны центра в работе В. Г. Орловой и К. Захаровой о группировке русских говоров («Вопросы языкознания», 1963, № 6); «Русская диалектология», под ред. Р. И. Аванесова и В. Г. Орловой. М., «Наука», 1967, ч. II, § 1—5.

ского говора как говора политического и культурного центра.

История фонемы /ê/ в древненовгородском говоре отличалась от рассмотренной в ростово-суздальском диалекте.

На основании изучения текстов 17 новгородских грамот XIII — XIV вв. и трех грамот XV в. А. А. Шахматов приходит к выводу, что древненовгородский диалект XIII—XIV вв. имел в своем составе особый гласный звук, который он определяет как дифтонг типа [iê]¹, обозначаемый на письме буквой ѣ.

Этому выводу не противоречат данные, собранные в книге В. В. Виноградова².

Все случаи частой замены буквы ѣ буквой и принадлежат текстам XV — XVI вв. или самого конца XIV в.³.

Данные о ѣ новгородских берестяных грамот «свидетельствуют о различии [ê] как особой фонемы и об изменении [ê] в [i] перед мягкими согласными в более поздний период (по данным берестяных грамот XV в.). При этом нет заметных указаний на различия в судьбе этимологического [ê] в ударном и безударном слогах»⁴.

В берестяных грамотах, относимых к XIV в., кроме этимологически верного написания буквы ѣ находим е вместо ѣ в слове *железного* (№ 4), буквы и вместо ѣ в родительном падеже единственного числа: *ѣ грикиши* (№ 3), написание, которое легко получает морфологическое объяснение — влияние форм слов с твердой основой. В других грамотах, относимых к XIV в., буква ѣ, очевидно, морфологического происхождения, появляется в формах: *на жерепѣ* (№ 43), *во поткльѣ* (№ 40), *к Марьѣ, с ... грамотѣ* (№ 53). В слове *здѣсь* написание буквы ѣ соответствовало русским (великорусским) нормам в соответствии с е в украинском.

Буква и написана в форме местного падежа единствен-

¹ См.: А. А. Шахматов. О языке новгородских грамот. В кн.: «Исследования по русскому языку», т. I. СПб., 1885—1895, стр. 149—153 и 209—226.

² См.: В. В. Виноградов. Исследования в области фонетики северновеликорусского наречия. Пг., 1923.

³ Там же, стр. 171—205

⁴ Р. И. Аванесов. Фонетика В кн.: «Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот». М., Изд-во АН СССР, 1955.

ного числа: на *Волоки*, где также возможно морфологическое объяснение.

Грамоты, относимые к XV в., дают неодинаковые показания по отношению к *ѣ*: одни из них, как и более ранние, употребляют букву *ѣ* этимологически правильно, а в других попадаются написания с буквой *и* на месте *ѣ*. В грамоте № 17 при написании *стѣмана* имеются написания *Тимофию*, *не смием*; в грамоте № 23: *роздилило*, *Фоми*; в грамоте № 27: *тоби*; в грамоте № 10: *нимѣ*¹.

Этот вывод о сохранении особой гласной фонемы (определяем ее как /ê/), противопоставленной двум другим фонемам — /и/ и /е/, в древненовгородском говоре вплоть до XV в. не противоречит представлению о более позднем времени падения редуцированных на северо-западе и севере, чем на северо-востоке и, следовательно, более позднем изменении всей фонологической системы.

Если для северо-востока конечная стадия истории редуцированных датируется исследователями серединой XIV в.², то для древненовгородского диалекта такая последняя стадия существования редуцированных может быть отнесена к концу XIV в. и, следовательно, перестройка системы вокализма, вызванная падением редуцированных, может быть отнесена ко времени не раньше XV в.

Поэтому для реконструкции состояния новгородского вокализма после падения редуцированных особенно важны данные берестяных и двинских грамот XV в.

А. А. Шахматов в зависимости от употребления букв *ѣ*, *е*, *и* делит двинские грамоты XV в. на три группы: первая (большая группа) знает правильное употребление буквы *ѣ* во всех положениях, кроме конечного открытого слога, где она в определенных морфемах заменяется буквой *и*; вторая характеризуется меной букв *ѣ* и *е*, причем, что особенно важно, писцы пишут *ѣ* вместо *е* в безударном положении перед мягким и твердым согласным. В конечных слогах во флексивных морфемах и в этих грамотах известно написание буквы *и* вместо буквы *ѣ*; третья группа объединяет грамоты, знающие замену буквы *ѣ* буквой *и*, на-

¹ Р. И. Аванесов. Фонетика. В кн.: «Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот». М., Изд-во АН СССР, 1955, стр. 89—90.

² См.: Л. П. Жуковская. К вопросу о конечной стадии истории редуцированных в русском языке. «Материалы и исследования по истории русского языка». М., Изд-во АН СССР, 1960.

писание **и** вместо **ѣ** под ударением и без ударения, перед мягкими и твердыми согласными.

К наблюдениям А. А. Шахматова добавим, что именно в третьей группе грамот находим написание буквы **ѣ** вместо **е** перед твердыми согласными и отсутствие замены буквы **е** буквой **о**. Сочетанию этих орфографических данных следует придать важное значение.

А. А. Шахматов дает следующую фонетическую характеристику этим фактам: первая группа отражает говоры с **ѣ**=**іе**, вторая группа знает изменение **ѣ** в [е], третья группа связана с говорами, в которых **ѣ** изменился в [и]. Во всех говорах конечный **ѣ** изменился в [и]. По поводу изменения **ѣ** в [и] у А. А. Шахматова не было единого мнения. В отличие от приведенного объяснения из исследования о языке двинских грамот, в описании морфологии говоров по данным новгородских грамот А. А. Шахматов писал, что «**и** не может быть фонетической заменой **ѣ**»¹ и «нельзя доказать, чтобы в XIV в., например, были в северной России говоры, изменившие **ѣ** в **и**: исключение могли бы составлять некоторые двинские грамоты..., но, конечно, является вопросом, насколько **и** в данных случаях не служит лишь приблизительной передачей звука **ѣ**»².

Интерпретация орфограмм из новгородских текстов с заменой буквы **ѣ** буквой **и** часто основывается на данных современных говоров новгородского типа с рефлексом [и] на месте древнерусского /ѣ/, т. е. на сопоставлении конечных результатов изменения. Но был ли возможен фонетический переход /ѣ/ в /и/ в системе древненовгородского диалекта конца XIV в. и на протяжении XV в.?

В распоряжении историков русского языка нет никаких фактов для реконструкции непосредственного фонетического изменения /ѣ/ в /и/ в новгородских говорах конца XIV — XV в. Орфографические факты XV в. и данные современных говоров не свидетельствуют о сужении фонемы верхнесреднего подъема под влиянием мягких согласных, так как /и/ на месте /ѣ/ находим и перед твердыми согласными, так же как и замену буквы **ѣ** буквой **и** в текстах XV в. Нет никаких данных и об изменениях в фонологических отношениях, которые приводили бы к нейтрализации фонем /ѣ/ и /и/.

¹ А. А. Шахматов. О языке новгородских грамот. В кн.: «Исследования по русскому языку», т. I СПб., 1885—1895.

² Там же, стр. 225—226.

Лишь направление в морфологических изменениях, в развитии падежных форм на северо-западе и севере приводило к замене флексии /ê/ флексией /и/ в ряде форм. Поэтому считаем, что непосредственного фонетического изменения /ê/ в /и/ не было, что этот переход совершился через стадию дифтонга типа [и̑]. Поэтому в том случае, когда замену буквой **и** буквы **ѣ** находим в орфограммах, обозначающих разные морфемы (корневые, флексивные) и в разных фонетических условиях (перед твердыми и перед мягкими согласными, под ударением и без ударения), то в таком написании видим отражение фонетического изменения общедревнерусской фонемы /ê/ в дифтонг [и̑] в говорах древненовгородского диалекта. Фонетическое изменение [ê:] в [и̑] в новгородских говорах XV в. не имело фонологического содержания: дифтонг [и̑] имел те же ДП, что и [ê:] — верхнесредний подъем.

В тех новгородских говорах, которые знают в своих письменных текстах написание буквы **и** вместо буквы **ѣ** только в падежных флексиях, а в остальных морфемах имеют этимологическое написание буквы **ѣ** или замену буквой **е** буквы **ѣ**, эта буква **и** обозначает фонему /и/ морфологического происхождения.

Решение вопроса о том, что в древненовгородских говорах звук [ê:] не изменялся фонетически непосредственно в [и], а изменялся в дифтонг типа [и̑], находит определенное подтверждение в работах по экспериментально-фонетическому исследованию архаической системы северновеликорусских говоров.

В говорах с гласным [e] повышенного образования, не переходящим в [o], сохранение противопоставления гласных фонем верхнесреднего подъема и среднего подъема (после падения редуцированных, когда долгота /ê:/, поддерживающая различие по напряженности-ненапряженности, утратилась) могло осуществляться лишь в результате дифтонгизации [ê:] > [и̑].

Важным для историка древненовгородского диалекта являются и наблюдения фонетистов за различным распределением длительности между начальной и конечной фазой дифтонгов. Первый компонент дифтонга [и̑] может быть весьма кратким — порядка 25% общей длительности гласного, может составлять 40—50% длительности. Судя по

наблюдениям О. Брока, на которые ссылается Р. Пауфошима, первый компонент может занимать и более половины общей длительности гласного. При таком различном распределении длительности между компонентами дифтонгов, один и тот же дифтонг [иѐ] акустически может сближаться и с монофтонгом [и], и с монофтонгом [е]. Нельзя ли в этом видеть основу замены буквы ѣ буквой и в одних новгородских текстах и замены буквы ѣ буквой е в других, считая, что во всех говорах древненовгородского диалекта произошла дифтонгизация древнего [ê:], но дифтонг [иѐ] различался фонетически по говорам и это различие сводилось к различному распределению длительности между компонентами дифтонга?

Среди говоров новгородской группы были, очевидно, и такие, в которых, как и в ростово-суздальских, происходило изменение [е] в [о], нейтрализация фонем /ѐ/ и /е/ между мягкими согласными, что и послужило фонологической основой замены буквы е буквой о и буквы ѣ буквой е в части двинских грамот и других письменных текстах новгородского происхождения, о чем можно судить по данным В. В. Виноградова¹.

Существенно отличаются от данных ростово-суздальской и новгородской письменности факты, извлеченные из памятников Пскова и его области, относящихся к XIV — XV вв.²

Результаты исследования псковских текстов вызвали оживленные споры; достаточно вспомнить полемику А. Шахматова с Н. Каринским, который в своих выводах следовал за А. И. Соболевским³. Критически разбирает работы предшественников и Т. Н. Кандаурова.

Но в одном сходятся многие исследователи рукописей псковского происхождения — в интерпретации употребления букв ѣ и е, ѣ и и.

¹ См. В. В. Виноградов. Указ. работа, стр. 215—219, 240—245.

² См. А. Соболевский. Очерки по истории русского языка. Киев, 1884; Важная особенность старого псковского говора, «Русский филологический вестник», 1909, № 3—4; Н. М. Каринский. Язык Пскова и его области в XV в. СПб., 1909; Очерки по истории псковской письменности и языка. Пг., 1916; В. В. Виноградов. Указ. работа, Т. Н. Кандаурова. К истории древнепсковского диалекта, «Труды Института языкознания АН СССР», т. VIII, 1957.

³ См. А. А. Шахматов. Несколько заметок о языке псковских памятников XIV — XV вв. «Журнал Министерства народного просвещения», 1912, № 7.

Подводя итог предшествующим исследованиям и анализу фактов из Псковского пролога 1383 г., Т. Н. Кандаурова различает вслед за В. В. Виноградовым два типа употребления букв *ѣ*, *е*, *и* в псковских текстах. Одни памятники, как и первый писец Пролога 1383 г., характеризуются довольно частой заменой буквой *е* буквы *ѣ* под ударением и без ударения, перед твердым и перед мягким согласным, причем первый писец Пролога чаще употребляет букву *е* вместо *ѣ* под ударением и предпочитает замену буквы *е* буквой *ѣ* без ударения. В результате анализа всех фактов этого рода делается вывод о полном совпадении фонем /ѣ/ и /е/ в группе псковских говоров, удалившихся в своем развитии от новгородских.

Другая часть псковских рукописей, как и второй писец Псковского пролога 1383 г., имеет иной характер употребления букв *ѣ* и *е*: корневые и формальные морфемы под ударением обозначаются орфограммами с заменой буквы *ѣ* на *е*. Устаревшие формы аориста и местного падежа множественного числа существительных обозначаются орфограммами с заменой буквы *е* на *ѣ*. Написание буквы *и* на месте буквы *ѣ* наблюдается главным образом при обозначении флексии местного падежа единственного числа и в некоторых словах и суффиксах, где написание *ѣ* и *и* может быть объяснено как смешение самих аффиксов.

Окончание /и/ в местном падеже единственного числа после основ на твердый согласный (*до катли*, *на жерагли*) в псковских говорах появилось в результате развития именного склонения в древнейшую эпоху, до функционального объединения [и] и [ы].

Следовательно, для части говоров древнепсковского диалекта предполагается наличие фонемы /ѣ/ и более широкое распространение фонемы /и/ за счет древнейшей замены флексии /ѣ/ в определенных формах на флексию /и/.

В настоящее время русские говоры западной зоны южновеликорусского наречия имеют много общего с белорусскими говорами северо-восточной группы. По целому ряду исконных черт северо-восточный диалект белорусского языка сближается со смоленским диалектом, а на юге — с брянскими говорами русского языка. Достаточно назвать те или иные формы диссимилятивного аканья, которые объединяют их. Это, несомненно, свидетельствует о том, что в прошлом северо-восточный (полоцковитебский) диалект белорусского языка и смоленский диа-

лект русского языка образовывали единое целое. «Этот диалект с небольшими местными вариантами был распространен на всей Смоленской и Полоцкой землях.

На юге (на юг от Могилева) он сближается с брянскими говорами. Только позже в связи с историческими изменениями часть говоров этой большой территории вошла в структуру белорусского языка, образовав его северо-восточный диалект, а другая — в структуру русского языка»¹.

О древнем состоянии фонологической системы смоленско-полоцкого диалекта можно судить по данным смоленской грамоты 1229 г. в ее различных списках².

В этой системе рано утратилась фонема верхнесреднего подъема, нелабиализованная, обозначавшаяся буквой *ѣ*. Поэтому в тексте Смоленской грамоты находим значительное число примеров мены букв *е*, *ѣ*, *ь* в одних и тех же орфограммах, охватывающей все морфемы и различные фонетические положения³.

Древнейшая система вокализма акающего диалекта содержала в своем составе нелабиализованную гласную фонему верхнесреднего подъема. Эта реконструкция возможна и на основе современных акающих говоров с семифонемным вокализмом, и на основе предударного вокализма архаических южновеликорусских говоров, в котором сохранились предударные гласные в зависимости от древнего различия /ê/ и /e/ под ударением, т. е. наличия произношения типа: *т'ал'ега*, *л'ат'ела*, но *д'ир'евн'а*, *б'ир'ба* или *б'ир'еза*.

О фонеме [ê] в диалектах великорусского языка

Отсутствие особой буквы для обозначения фонемы /ê/, отличной от /o/, изолированность слов с фонемой /ê/ в современных говорах затрудняют реконструкцию истории функционирования и развития этой фонемы в русском языке.

После открытия Л. Васильевым древнерусских памятников, где графически передается различие между /ê/

¹ «Нарысы на беларускай дыялекталогіі». Мінск, «Навука і тэхніка», 1964, стр. 397.

² См.: Л. В. Усачева. Язык смоленских грамот XIII — XIV вв. (фонетика). Автореферат канд. дисс., 1954.

³ См.: «Смоленские грамоты XIII—XIV вв.». М., Изд-во АН СССР, 1963.

и /о/, и исследования им этих памятников XVI в. (Псалтири Е. I и № 7, Сборник Софийской библиотеки № 1460)¹ появились работы по истории /ѡ/ по данным письменных текстов.

Н. Н. Дурново обнаружил четыре рукописи Псковского древнехранилища, различающих на письме /ѡ/ и /о/. По мнению историков языка, из них два: Евангелие № 2 и Минейя № 542 «могут определенно считаться псковскими, особенно вторая...»; Служебник № 86, Карамзинский список IV Новгородской летописи конца XV в. — новгородскими рукописями².

О фонеме /ѡ/ в древненовгородском диалекте свидетельствуют рукописи, изученные В. В. Колесовым, который пришел к выводу, что в древненовгородском диалекте конца XV — начала XVI в. наблюдается процесс утраты особой фонемы /ѡ/ и устанавливается позиционная зависимость функционирования /ѡ/ или /о/: фонема /ѡ/ закрепляется в закрытых слогах, /о/ — в открытых.

К сожалению, автор недостаточное внимание уделяет вопросу об историческом изменении самой слоговой структуры слова, в связи с которой он ставит позиционное перераспределение фонем /ѡ/ и /о/. В. В. Колесов считает закрытыми слоги в словах *вѡнже*, *вѡнъ*, *о кѡм же*, *крѡвь*, *плѡтъ* и *бѡдрый*, *дѡбрый*, *воплѡщься*, *сѡтникъ*, *пѡслеши*. Но можно ли выделить такую историческую эпоху непосредственно после падения редуцированных, когда в словах типа *бодрый*, *сотник* первый слог был закрытым? Проходил ли слогораздел после шумного согласного перед сонорным?

Можно думать, что вновь возникшие после падения редуцированных сочетания согласных: «шумный + сонорный», «шумный + шумный» — стали относиться к последующему слогу, как отходят они к последующему слогу в современном языке. При таком понимании слоговой структуры слова в словах типа *бѡдрый*, *сѡтник* фонема /ѡ/ оказывается

¹ См.: Л. Васильев. О значении каморы в некоторых древнерусских памятниках XVI — XVII вв. «Сборник по русскому языку и словесности», т. I, вып. 2, изд-во АН СССР. Л., 1929.

² См.: В. В. Колесов. Эволюция фонемы /ѡ/ в северо-западных говорах. «Научные доклады высшей школы. Серия филологические науки», 1962, № 3; Фонема /ѡ/ в древненовгородском говоре. «Исследования по грамматике русского языка», т. 3. Л., 1962.

не в закрытом, а в открытом слоге, и тогда надо искать другие условия функционального изменения /ô/.

Но как бы ни понимать место фонем /ô/ и /o/ в системе древненовгородского диалекта XV — XVI вв., несомненно, что в системе XIV — XV вв. они были противопоставленными единицами. Это противопоставление установилось после падения редуцированных, когда окончательно утратились интонационные различия в русском языке и, следовательно, зависимость [ô:] от интонации нового акута. ДП этого противопоставления становится различие этих гласных по подъему: верхне-средний — средний.

Очевидно, гласный [ô:], развившийся из [o] под новым акутом, был долгим, но эта долгота в фонологической системе новгородского диалекта после падения редуцированных оказывалась фонологически несущественной, она не входила в число ДП.

Противопоставление /ô/ и /o/ осуществлялось лишь в ударных слогах, так как фонема /ô/ могла функционировать лишь под ударением.

Можно предположить, что параллельно с дифтонгизацией [ê:], когда [ê:] > [iĕ], происходила и дифтонгизация [ô:], когда [ô:] > [yĕ] в древненовгородском диалекте конца XIV — XV вв.

Параллельность в произношении гласных фонем верхне-среднего подъема известна и современным говорам вологодско-вятской группы с семифонемным составом гласных¹.

Противопоставление фонем /ô/ — /o/ характеризовало, очевидно, и часть псковских говоров, близких к новгородским.

Изученные письменные памятники ростово-суздальского происхождения не отражают наличие особой фонемы /ô/, противопоставленной /o/. По данным Атласа центральных говоров, к востоку от Москвы фонемы /ê/, /ô/ сохраняются в системе говоров главным образом в Курловском районе Владимирской обл. На картографированной территории находится 11 пунктов с различием /ê/ — /e/, /ô/ — /o/, из них семь приходится на Курловский район Владимирской обл. Но эти говоры в междуречье Оки и Клязьмы отличаются от говоров на бывшей ростово-

¹ См.: О. Б р о к. Описание одного говора из юго-западной части Тотемского уезда. «Сборник отделения русского языка и словесности», т. 83, 1907.

суздальской территории и другими чертами, например, мягким цоканьем. Таким образом, письменные тексты и современные говоры не представляют фактов для реконструкции противопоставления /ô/ — /o/ в ростово-суздальском диалекте XIV — XV вв.

Мы восстанавливаем противопоставление /ô/ — /o/ в ростово-суздальском диалекте на основании представления о типах фонологических систем. Большой диалектный материал, собранный для Атласа русских народных говоров, уже составленные карты Атласов убедительно свидетельствуют о том, что фонемы /ê/ и /ô/ в русских говорах функционально, структурно и генетически связаны. Как правило, в говорах имеют место обе фонемы в настоящее время с разной степенью полноты; утрата фонем /ê/, /ô/ протекает параллельно¹.

Можно думать, что когда после падения редуцированных окончательно утратились интонационные различия, то звук [ô:], связанный с интонацией нового акута, в одних говорах преобразовался в самостоятельную фонему /ô/ (монофтонг или дифтонг), противопоставленную /o/, в других утратился вместе с утратой древних интонационных различий.

Противопоставление фонем /ô/ — /o/ стало чертой не общерусской, а диалектной, хотя и широко распространенной.

Утверждение в системе говора нового противопоставления /ô/ — /o/ способствовало сохранению более старого противопоставления /ê/ — /e/ с тем же ДП (верхне-средний — средний подъем). В тех же говорах, где фонологическое противопоставление /ô/ — /o/ не возникло, очень рано утрачивается фонема /ê/.

На Северной Руси к таким говорам относилась та часть псковских говоров, которая в своем развитии отличалась от новгородских и сближалась со смоленско-полоцкими. В смоленско-полоцком диалекте ранняя утрата фонемы /ê/ сказалась на судьбе лабиализованного [ô] под новым акутом. При утрате этой особой интонации нового акута в системе смоленско-полоц-

¹ Косвенным указанием на фонему /ô/ в ростово-суздальском диалекте могут быть также примеры из русских грамот: *вочину* (№ 68), *вотчину* (№ 166, 238), *вопче* (№ 168, 238), *вопыче* (№ 281), *на волху на сухую* (№ 290), *а от волхи* (№ 290), т. к. установлено, что перед начальным /ô/ развивался протетический [в].

кого диалекта не развилась особая фонема /ô/, противопоставленная /o/ по степени подъема. В этом диалекте гласный [ô], утратив интонацию нового акута, совпал с фонемой /o/ среднего подъема.

Письменные памятники, отразившие эти говоры (Смоленская грамота 1229 г. в различных списках, псковские тексты XIV в., как первая часть Псковского пролога 1383 г.), знают частую замену буквы ѣ буквой е или буквой ѡ, не ограниченную фонетическими или морфологическими условиями, что свидетельствует о ранней (до XIII в.) утрате фонемы /ê/ и расширении функционирования фонемы /е/ в связи с совпадением /ê/ и /е/ и отсутствием фонетического изменения [е] в [о]¹.

Таким образом, ранняя утрата противопоставления /ê/ — /е/, проявившаяся орфографически, одновременно показывает на отсутствие противопоставления /ô/ — /o/ в говорах.

Ростово-суздальский диалект в XIV — XV вв. еще сохраняет противопоставление /ê/ — /е/, утрата этого противопоставления происходит позже (на рубеже XV — XVI вв.) и в других фонетических и морфологических условиях. Поэтому с достаточным основанием мы восстанавливаем для ростово-суздальского диалекта на рубеже XIV — XV вв. фонему /ô/.

В связи с развитием системы согласных фонем, парных по мягкости-твердости, фонемы верхне-среднего подъема /ô/ и /ê/ оказывались не противопоставленными друг другу по признаку «лабиализованность-нелабиализованность»: фонема /ô/ функционировала лишь после твердых согласных, фонема /ê/ — после мягких. По сути дела противопоставлялись ударные слоги /с'ê/ — /с'ô/. Поэтому, когда в большинстве говоров ростово-суздальского диалекта утрачивается /ê/, заменяясь фонемой /е/, параллельно утрачивается /ô/, заменяясь фонемой /о/. Лишь в тех говорах, где в результате морфологических процессов возникает сочетание «мягкий согласный + /ô/» — /с'ô/, устанавливается фонологическое противопоставление /ô/ — /ê/ с ДП «лабиализованность-нелабиализованность». В таких говорах дольше сохраняются фонемы верхне-среднего подъема.

¹ О связи развития фонемы /ô/, противопоставленной /о/, с наличием или отсутствием передней фонемы /ê/ в славянских языках пишет Л. Мошинский в статье «К фонологии просодических элементов в славянских языках» («Вопросы языкознания», 1965, № 2).

Диалектные явления при варьировании согласных по глухости-звонкости, способу и месту образования

Диалектное варьирование в связи с формированием согласных, парных по глухости-звонкости, было связано с модификациями /в/ или /w/ и /г/ или /ɣ/, а также с возможностью не только регрессивной, но и прогрессивной ассимиляции по участию голоса.

Лингвистическое изучение актовой письменности ростово-суздальского происхождения XIV — XV вв. позволяет сделать вывод, что соотносительность глухих и звонких согласных на стыке морфем и слов, а также на конце слов в XIV в. является сложившейся.

В говорах ростово-суздальского диалекта с губно-зубными [в], [в'] в исходной системе рубежа XI — XII вв. устанавливается в XIV в. позиционная мена [в] // [ф], [в'] // [ф'] в связи с позиционным оглушением [в] и [в'] перед глухими шумными согласными и на конце слова. Об этом свидетельствуют единичные, но весьма показательные примеры мены букв *в*, *ф* в ростово-суздальских грамотах XV в., например, *фпрок* (№ 302), *а с Ведоровы стороны* (=с Федоровы) (№ 263), и особенно данные современных говоров владими́ро-поволжского типа с последовательной меной [в] // [ф], [в'] // [ф'].

Это позволяет включить [ф] и [ф'] в число согласных фонем /ф/ — /ф'/ ростово-суздальского диалекта на рубеже XIV — XV вв. Противопоставленность /ф/ — /ф'/ по твердости-мягкости сложилась на основе противопоставленности по данному ДП фонем /в/ — /в'/. Круг слов, в пределах которого фонемы /ф/ — /ф'/ могли функционировать в диалекте, был (и остается) небольшим, чаще — это собственные имена: *Фекла* [ф'ókла], *Федор* [ф'óдор], *Фома* и другие.

Говоры ростово-суздальского типа знали позиционную мену [г] // [к].

Новгородский и псковский диалекты с фонемами /w/ и /w'/ в исходной системе к рубежу XIV — XV вв. получают позиционную мену [w], [w'] с [ɣ] или сохраняют [w], [w'] в конце слога и слова с последующим отвердением [w']. О позиционной мене [w] // [ɣ] свидетельствуют новгородские и псковские тексты XIV —

XV вв. с написаниями букв *в*, *у* в одних и тех же орфограммах, с наличием предлога *ув*.

«Прогрессивные ассимиляции по глухости-звонкости развивались в эпоху, непосредственно примыкающую к утрате редуцированных только во внутриморфемных сочетаниях, причем в тех случаях, когда единство их не нарушалось в этимологически родственных формах, в основном в сочетаниях, находящихся в начале морфем: *сторов* < *с/ъ/доров* (Синодальный список Новгородской Летописи XIII и XIV вв.), *кте* < *к/ъ/де* (Псковское продолжение Саввиной книги и галицко-волынское Евангелие Верковича XIV в.). Явление это было диалектным, ограничивалось рамками новгородского, псковского и галицко-волынского диалектов¹. Это различие рано приобрело лексико-фонетический характер и в более позднюю эпоху утратилось.

Изменения в системе согласных фонем, различающихся по месту образования, возникали в связи с частичной или полной утратой противопоставления согласных по «дентальности-альвеолярности». Древнее цоканье сохранялось в новгородском и псковском диалектах и на рубеже XIV — XV вв. Утрата противопоставления свистящих-шипящих, известная древнепсковскому диалекту, распространилась после XIV в. и по говорам древненовгородского диалекта в связи с новой колонизацией новгородцами мест, первоначально заселенных не славянами².

Варьирование согласных по способу образования, возникшее после падения редуцированных в связи с ассимилятивными и диссимилятивными процессами в новых сочетаниях согласных в слого, как правило (судя по данным деловой письменности), не имело территориального варьирования и поэтому в данной книге не рассматривается.

Территориально ограниченным было изменение группы [ч'н] в [ш'н], позже в [шн] в группе слов. С. П. Обнорский

¹ См.: Н. И. Самуйлова. Развитие соотносительной категории глухости-звонкости согласных в русском языке. Автореферат канд. диссертации, 1963.

² См.: В. В. Колесов. К фонологическому объяснению севернорусского цоканья. «Тезисы докладов на X диалектологическом совещании» М., 1965; Г. А. Турбин. Шепелявление мягких зубных согласных в уральских говорах. «Тезисы докладов на X диалектологическом совещании». М., 1965.

считал достаточно убедительными факты, которые позволяли считать это изменение органической чертой Московской обл.¹.

История противопоставления оканья аканью

В современной диалектологии двучленное противопоставление оканье-аканье входит в число различий, выделяющих северновеликорусское и южновеликорусское наречия. Аканье средневеликорусских говоров — результат распространения данного явления на запад и на север. Схема диалектного членения современного русского языка, предложенная авторами новой книги по русской диалектологии, также использует аканье как важнейшее соответствующее явление при выделении южнорусского наречия и групп среднерусских говоров².

В настоящее время изоглосса аканья начинается северо-западнее Пскова, проходит немного южнее Старой Руссы, поднимается севернее Вышнего Волочка, затем резко спускается на юг к Волоколамску, проходит немного севернее Москвы и уходит на восток. На акающей территории распространены говоры с различными типами предударного вокализма, объединенными этим определением. Под аканьем, противопоставленным оканью, понимается неразличение гласных неверхнего подъема в безударных слогах. Соответственно оканье есть различие безударных гласных неверхнего подъема, полное или частичное.

Аканье, в более узком значении термина, обозначает неразличение гласных неверхнего подъема после парных твердых согласных. В этом значении в пределах акающих говоров оно противопоставлено яканью — неразличению гласных неверхнего подъема после парных мягких согласных, а также иканью и еканью и различным типам безударного вокализма после непарных по твердости-мягкости согласных.

Тип безударного вокализма определяется по характеру неразличения гласных неверхнего подъема в первом предударном слоге.

¹ См.: С. П. Обнорский. Сочетание *чи* в русском языке. «Труды комиссии по русскому языку», 1931, т. I, стр. 94.

² См.: «Русская диалектология», под ред. Р. И. Аванесова и В. Г. Орловой. «Наука», 1964, стр. 272—295.

На территории современных акающих говоров известно несколько типов аканья и яканья. Для нашей темы важно рассмотреть лишь некоторые из них: диссимилятивное и недиссимилятивное аканье, диссимилятивное яканье в своих разновидностях: архаическое, щигровское, суджанское, жиздринское, донское, ассимилятивно-диссимилятивное яканье в кидусовской и новосёлковской разновидностях, диссимилятивно-умеренное яканье, умеренное яканье, ассимилятивно-умеренное яканье, сильное яканье, еканье, иканье. Все эти типы предударного вокализма подробно охарактеризованы и территориально описаны в работе Р. И. Аванесова «Очерки русской диалектологии» и в коллективном труде «Русская диалектология» (1964 г.).

Материалы, собранные для разных томов Атласа русских народных говоров, особенно для тома, охватывающего юго-западные области, показали, что в южновеликорусских говорах широко распространены все те типы безударного вокализма, которые были описаны уже к 20-м годам нашего столетия. В то же время детальное и равномерное обследование говоров в 40—50-е годы позволило дополнить и уточнить эти сведения. Для исторической диалектологии важно, что на юго-западной территории именно диссимилятивное яканье во всех своих разновидностях является типичной системой предударного вокализма. С другой стороны, материалы, собранные для Атласа, показывают, что территория диссимилятивного аканья значительно шире, чем это представлялось раньше. Все эти сведения позволяют включить диссимилятивное аканье, наряду с диссимилятивным яканьем, в число специфических особенностей южновеликорусских говоров ¹.

Соответствующие карты дают право сказать, что территория распространения диссимилятивного аканья в основном совпадает с территорией диссимилятивного яканья, все основные отклонения объясняются влиянием литературного языка и падают главным образом на те говоры, которые в силу различных причин испытали более сильное воздействие литературного языка.

Новые диалектные данные позволяют выявить также разновидности диссимилятивного аканья, основанные, как

¹ См. Т. Ю. Строганова. Одна из особенностей южнорусского вокализма «Вопросы языкознания», 1955, № 4, стр. 94—103.

и разные типы диссимилятивного яканья, на разном осуществлении принципа диссимиляции.

Речь идет о появлении звука [ъ] не только перед [а], но и перед [о] и [е] определенного происхождения.

В результате прослеживается связь диссимилятивного аканья не только с жиздринской, но и с обоянской разновидностью диссимилятивного яканья. Такие говоры отмечены на территории Курской, Белгородской и Воронежской обл. Здесь произносят: *пѣмѣу́ал, мѣйа́, кѣда́, снѣха́, маро́зу, дамѣй, карѣва, эѣ стѣло́м, плѣхѣй, кѣко́й, клѣд'ѣм, лѣнт'ѣй, пѣн'ѣва, мѣлѣд'ѣш, пайѣхѣла, ц'ѣлава'ѣка, пас'ѣш, крас'ѣвѣй, садѣй, пал'ѣш, какл'ѣшкѣми'и, халѣшѣ* и под.

Таким образом, при всей непоследовательности реализации семифонемного ударного вокализма и диссимилятивного аканья и яканья в этих говорах достаточно хорошо прослеживается о б щ а я з а к о н о м е р н о с т ь — зависимость предударного вокализма после твердых и мягких согласных от системы ударного вокализма по диссимилятивному принципу.

Общая изоглосса размещения типов диссимилятивного яканья проходит от города Себеж на западе через Невель, поднимается на север вдоль Западной Двины, затем спускается на юго-восток, восточнее Вязьмы, Мосальска, Белѣва, Мценска, проходит через Ефремов, резко поднимается на север к Касимову и падает на юг к Тамбову и Кирсанову.

Если фонетическая реализация типов предударного вокализма в акающих говорах в настоящее время достаточно хорошо выявлена и охарактеризована, то фонологические обобщения этих реализаций проведены недостаточно и скупо представлены в литературе. Наиболее полное фонологическое описание безударного вокализма дается в книге «Вопросы теории лингвистической географии» (М., изд-во АН СССР, 1962) во второй главе, разделе I («Звуковые диалектные различия»).

Можно сказать, что все основные типы южновеликорусского аканья и яканья при разнообразии их ф о н е т и ч е с к и х р а з н о в и д н о с т е й можно свести к частной системе предударного вокализма из трех слабых гласных фонем: /и/ — нелабиализованной верхнего подъема, /у/ — лабиализованной верхнего подъема и /а/ — нелабиализованной неверхнего подъема. Разновидностями фонемы /и/ являются звуки [и] и [ы], фонемы /у/ — звуки [у] и [ѳ], а фонемы /а/ — серия разных звуков от [л] до

[и], куда входят звуки [ы], [ь], [и^н], [е^е], [е] и под. Все конкретные разновидности аканья определяются характером и причинами позиционной мены слабых гласных фонем /и/ и /α/. Так, при всех разновидностях диссимилятивного яканья разновидности фонемы /и/ появляются в предупредительном слоге, если под ударением стоит фонема нижнего подъема /а/, а разновидности фонемы /α/ — перед ударяемыми фонемами /и/, /у/. Отдельные разновидности диссимилятивного и ассимилятивно-диссимилятивного яканья определяются меной слабых гласных фонем /и/ и /α/ в зависимости от сильных фонем верхне-среднего и среднего подъема, а именно: при обоянской, щигровской и кидусовской разновидностях — в зависимости от сильных гласных фонем среднего подъема /е/, /о/ и верхне-среднего подъема /ê/, /ô/, а при суджанской, жиздринской, донской, ново-сёлковской разновидностях — в зависимости от сильных гласных фонем среднего подъема /е/ и /о/. При умеренном яканье мена слабых фонем /и/ и /α/ определяется твердостью или мягкостью последующего согласного. Сильное яканье и еканье не знают позиционной мены слабых гласных фонем, а появление той или иной разновидности фонем /и/, /у/, /α/ зависит от твердости или мягкости предшествующих согласных. Таким образом, фонологическая сущность аканья состоит в уменьшении различительной способности гласных фонем в безударном положении, в сокращении числа ДП каждой гласной фонемы в безударном положении ¹.

Одним из центральных вопросов исторической диалектологии в связи с реконструкцией изоглоссы аканья-оканья в прошлые эпохи является вопрос о времени появления аканья и его первоначальной территории. С этими проблемами тесно связан вопрос о характере древнейшей фонетической системы, развившей аканье, о причинах появления аканья.

¹ См.: Г. А. Хабургаев. О фонологических условиях развития русского аканья, «Вопросы языкознания», 1965, № 6.

Трудно лишь согласиться с выводом автора о том, что значительная часть акающих говоров утратила по существу гласные фонемы в безударном положении, так как все их признаки — ряд, подъем, лабиализованность-нелабиализованность — перестают быть дифференциальными, используются безразлично. Полное безразличие в употреблении безударного гласного, т. е. произношение типа [мьжыкий] или [мужукий] или [мажакй] и под. встречается лишь в части говоров.

Существуют два резко отличных ответа на вопрос о времени появления аканья¹. Одни лингвисты (В. Георгиев) возрождают и стремятся подкрепить новыми доказательствами предположения ряда зарубежных исследователей о генетической связи аканья с характерным для восточной части индоевропейских языков историческим совпадением *o* и *a* в одном гласном². Критическое рассмотрение этой гипотезы было сделано П. С. Кузнецовым в 1951 году в рецензии на первый том сравнительной грамматики А. Вайана, а позже в статье «К вопросу о происхождении аканья»³, появившейся в ходе дискуссии.

П. С. Кузнецов достаточно убедительно показал несоответствие этой гипотезы данным русских говоров, материалам русских письменных памятников и теории русского безударного вокализма, сложившейся в результате обобщения большого фактического материала.

В дальнейшем мы остановимся лишь на аргументации тех ученых, которые рассматривают аканье как явление сравнительно позднее, развившееся не раньше падения редуцированных и не позже вхождения части юго-западных земель в состав Литовской Руси, т. е. определяют это время как рубеж XII — XIII вв.

Создатель одной из наиболее распространенных гипотез возникновения аканья, А. А. Шахматов не был вполне последователен в определении абсолютной и относительной хронологии возникновения этого явления. В ряде своих высказываний он относил аканье к характерным чертам племенного диалекта вятичей и, следовательно, считал аканье древнейшей чертой, развившейся задолго до падения редуцированных, в раннюю доисторическую эпоху. Но у А. А. Шахматова можно найти указание и на то, что аканье возникло лишь после падения редуцированных⁴. Правда, это указание не согласуется с представлениями ученого о связи аканья с историей количественных отноше-

¹ См. дискуссию об аканье в журнале «Вопросы языкознания» (1963, № 2, 1964, № 1, 4, 1965, № 4, 6).

² См., например. А. Мейе. Общеславянский язык. М., 1951, стр. 44; A. Vaillant. Grammaire compare des langues slaves, I. Paris, 1950, стр. 107.

³ См.: «Известия Академии наук. Отделение литературы и языка», 1951, № 4, стр. 398—399 и «Вопросы языкознания», 1964, № 1, стр. 30—41.

⁴ См.: А. А. Шахматов. Очерк древнейшего периода, стр. 334—335.

ний гласных, с характером просодической системы. Во времена А. А. Шахматова появилась работа Л. Л. Васильева, в которой автор достаточно убедительно показал, что аканье (в широком значении термина) развилось лишь после падения редуцированных ¹.

В настоящее время эта точка зрения достаточно обоснована в работах Р. И. Аванесова ², который в своих выводах опирается на данные лингвистической географии и изучение внутренней истории типов аканья, их структуры. Аканье — фонетическое явление, затрагивающее слог в целом, связанное со слоговой структурой слова. Поэтому в связи с историей аканья следует обратить внимание на своеобразный характер структурной модели фонетического слова в основной массе русских акающих говоров. Схему распределения слоговых элементов по слогам в их отношении к ударному слогу предложил А. А. Потебня, а затем она была поддержана В. А. Богородицким и другими языковедами. По этой схеме наиболее сильным является гласный ударного слога, второе место занимает гласный первого предударного слога, третье — гласные остальных безударных слогов. Отступления от этой схемы дают начальные гласные слова и гласные в конечном слоге, особенно открытом. На заударные гласные конечного слога оказывают воздействие морфологические (отношение к основе, флексии) и ритмико-интонационные факторы.

Именно поэтому применительно к безударному вокализму акающих говоров выделяются частные системы вокализма: первого предударного слога, остальных предударных слогов, заударный вокализм с учетом особого положения гласных в конечных слогах. Очевидно, такая схема слоговой структуры фонетического слова могла сложиться после того, как словесное ударение становится структурным центром слова, а интонация, как слоговое ударение, постепенно утрачивается.

Р. И. Аванесов обращает внимание на то, что безударный вокализм акающих говоров сложился на основе той слоговой

¹ См. Л. Л. Васильев. Гласные в слоге под ударением в момент возникновения аканья в обоянском говоре. «Известия отделения русского языка и словесности АН», т. IX, кн. 1, 1904, стр. 354.

² См.: «Вопросы образования русского языка в его говорах». «Вестник МГУ», 1947, № 9, стр. 138—141; «Лингвистическая география и история русского языка», «Вопросы языкознания», 1952, № 6, «Вопросы истории русского языка». В сб. «Вопросы формирования русской народности и нации». М.—Л., 1958, стр. 170—173.

структуры слова, какая возникла после падения редуцированных. Ни в одном акающем говоре не имеется никаких указаний на различия в вокализме исконно первого предупредного слога и первого предупредного слога, ставшего таковым после падения редуцированных, т. е., например, при диссимилятивном яканье произносятся: *сила, стина, рибая* (др. русск.: *села, стена, рябая*) и *цвитка, питка, лисная* (др. русск.: *цвѣтъка, пятъка, лѣсная*), *сялу, стяну, рябую* и рядом *цвятку, пятку, лясную*.

Многие лингвисты уже давно рассматривают аканье (в широком смысле термина) как результат редукции гласных в безударном положении, но именно как результат, а не как самое редукцию. Такое понимание аканья следует признать достаточно обоснованным¹. В таком случае аканье могло развиваться лишь после падения древних редуцированных фонем /ъ/ и /ь/.

Аканье развилось после появления противопоставления фонем /о/ и /ѵ/ под ударением, а такое противопоставление могло развиваться, видимо, лишь после падения редуцированных, когда утратились старые интонационно-долготные отношения и [ѵ] перестал быть определяемым интонацией нового акута. Архаические типы аканья дают закономерную мену фонетических реализаций слабой гласной фонемы /а/ в зависимости от ударных /о/ или /ѵ/, ср.: *с'алѵ*, но *с'елѵм*, *у сл'анѵй старѵхи*, но *сл'енѵй стар'ѵк*, *сталѵв*, но *стѵлѵм*.

Аканье развилось до замены в исконных южновеликорусских говорах фонемы /ѣ/ фонемой /е/ и до изменения звука [е] в [о]. Поэтому предупредные гласные при архаических типах безударного вокализма реагируют на древнейшее различие /ѣ/ и /е/ (произносят *лятела, на стяне, но веселье, деревня*) и не реагируют на наличие [е] или [о] под ударением (*в'ес'ѣлый и в'ес'ѵлый*).

Исторические сведения и анализ данных лингвистической географии также приводят к выводу об относительно позднем происхождении аканья. Очевидно, первоначальная территория акающего диалекта охватывала бассейны верхней и средней Оки и междуречье Оки и Сейма, т. е. современные Курско-Орловский, Тульский и Рязанский края. Аканье образовалось после того, как в первой поло-

¹ См. подробнее в статье П. С. Кузнецова «К вопросу о происхождении аканья» («Вопросы языкознания», 1964, № 1, стр. 33—36).

вине XII в. бассейны рек Москвы (кроме верховьев) и верхней Клязьмы окончательно вошли в состав Ростово-Суздальской земли. Это подтверждается и тем, что говоры ближайшего Подмосковья не обнаруживают своего исконного акающего происхождения. Как известно, аканье образовалось до того, как территории по верхней Оке к верхнему Сейму в середине XIV в. вошли в состав Великого княжества Литовского и оказались разобщенными с остальной частью территории акающих говоров, так как аканье как общая языковая особенность, являющаяся инновацией, должна была развиваться до обособленности отдельных частей территории акающих говоров.

Аканье возникло до присоединения Рязанской волости Коломны к Москве (в 1301 г.): безударный вокализм в коломенских говорах обнаруживает в отличие от московского свой исконный южновеликорусский характер ¹.

Материал письменных памятников также подтверждает эти выводы. Старобелорусские тексты, Смоленская грамота XIII в., рязанские документы XIII в., московские грамоты XIV в. (за исключением нескольких топонимов) в своей орфографии аканья не отражают, в то время как другие явления живого говора писца, особенно в тексте Смоленской грамоты 1229 г., нашли достаточное место.

Между тем аканье не могло не отразиться в орфографии памятников письменности, если бы оно в этот период было присуще жителям той территории, где сейчас аканье известно.

Основным принципом орфографии древнерусских текстов был морфологический. Аканье меняло фонемный состав словоформы: появлялись слабые гласные фонемы. Если ударение в парадигме было неподвижным, то слабая фонема не вступала в позиционное чередование с сильной и фонемный ряд гласных, определяющий фонемный состав морфемы, оказывался без возглавляющей сильной фонемы (ср. слова типа [саба́ка], [забо́р], [тапо́р] и под.). В этом случае для обозначения слабой гласной фонемы, реализующейся звуком [a], на письме могла выбираться как буква *о*, так и *а*, что становилось фонетической основой мены букв *о* и *а* в одних и тех же орфограммах. Кроме того, под влиянием акающего произношения написания с буквой *а* закреплялись вместо более древних написаний с буквой *о*

¹ См.: Л. Э. К а л и н ы н ь К истории коломенских говоров.

(ср. написания таких слов, как *стакан, забота*). Следовательно, такое явление как а к а н ь е, возникнув в живом диалекте, не могло не отразиться в письменной форме, так или иначе связанной с этим диалектом.

Определение диссимилятивного типа аканья и яканья как древнейшего типа позволяет остальные разновидности вывести на их основе.

Так, развитие процессов ассимиляции, которые были ведущими в фонетической истории славянских языков ¹, стали основой появления ассимилятивно-диссимилятивных разновидностей аканья, а также сильного яканья, которое могло сложиться при ассимиляции предупредного [a] ударному [a] на основе жиздринской разновидности диссимилятивного яканья.

Исследователи истории южновеликорусского наречия подчеркивают достаточную древность ассимилятивных типов аканья и яканья ². Специальное изучение безударного вокализма после шипящих позволяет С. И. Коткову высказать предположение о независимом от диссимилятивных типов развитии ассимилятивного аканья. «Наличие многочисленных проявлений ассимилятивности главным образом в положении после шипящих и аффрикат и возможность объяснения этого явления особой судьбой гласного [e] в положении после данных согласных вообще позволяет отклонить распространенное мнение об ассимилятивности как позднейшем наслоении на систему яканья, основанного на диссимилятивном принципе». ³ Дальнейшие исследования безударного вокализма покажут, насколько возможно предполагать в равной мере древность как диссимилятивных, так и ассимилятивных типов безударного вокализма.

Историю возникновения умеренного яканья специально изучал В. Н. Сидоров⁴. Он обратил внимание на то, что одно доказательство севернорусской основы и южнорусского наслоения среднерусских говоров в работах соста-

¹ См.: Г. Конечна. Ассимиляция и диссимиляция. «Вопросы языкознания», 1958, № 3.

² См.: С. И. Котков. Южновеликорусское наречие в XVII столетии, изд-во АН СССР М., 1963, стр. 55—84.

³ С. И. Котков. Южновеликорусское наречие в XVII столетии, изд-во АН СССР. М., 1963, стр. 82.

⁴ См.: В. Н. Сидоров. Из истории звуков русского языка, «Наука». М., 1966, стр. 98—158.

вителей «Опыта диалектологической карты русского языка в Европе» имеет особо важное значение, так как опирается на фонетическое явление структурного порядка. Таким фонетическим явлением называется типичное для среднерусских говоров умеренное яканье. По вопросу о происхождении умеренного яканья авторы «Опыта...», очевидно, стояли на точке зрения С. Ф. Будде, высказанной им в 1896 г. в исследовании «К истории великорусских говоров». В. Н. Сидоров, учитывая работы своих предшественников и обобщая новый большой диалектный материал, собранный для Атласа русских народных говоров, и позднейшие диалектологические описания, рисует убедительную картину истории среднерусского умеренного яканья.

Умеренное яканье образовалось на основе владимиро-поволжского ёканья, когда предударный [ʔo] произносится и на месте этимологического *ъ*.

Под влиянием акающих говоров в этих говорах на месте всякого предударного [o], т. е. и [o] после твердых согласных (*вода, возы*) и [o] после мягких согласных перед твердыми (*н'осѹ, р'окѹ*) стали произносить гласный [a] (*вадѹ, вазѹ, н'асѹ, р'акѹ*). «В результате,— пишет В. Н. Сидоров,— образовался говор, представляющий собою по существу акающий слепок, отлитый по окающей модели»¹.

Умеренное яканье, образовавшееся на основе ёканья, первоначально имело предударный [a] и после твердых, и после мягких согласных на месте этимологического [a] (*н'атѹк, н'ат'ѹ, пр'адѹт, пр'ал'ѹ*).

Такой тип предударного вокализма и в настоящее время фиксируется на территории северных рязанских говоров.

В дальнейшем между мягкими согласными обобщается гласный [и] как наиболее часто употребляющийся в этой позиции, т. е. начинают произносить *н'атѹк*, как *н'асѹ, р'акѹ*, но *н'ит'ѹ*, как *н'ис'ѹ, р'ик'ѹ*.

О северной основе умеренного яканья свидетельствуют и однотипные отступления при владимиро-поволжском ёканье и умеренном яканье. Это произношение слов типа *везли, в песке, в ведре, к сестре*, где предударный гласный находится перед сочетанием твердого и мягкого согласного. В этих словах вопреки ожидаемым фонетическим результатам в ёкающих говорах при произношении перед твердым

¹ В. Н. Сидоров. Из истории звуков русского языка, «Наука». М., 1966, стр. 105.

гласным [ʼo] (*н'осѹ, р'окá*) говорят *в'езлі, ф н'еск'ѣ, к с'естр'ѣ*, а в умеренно якающих говорах произношение *н'асѹ, р'акá* сочетается с произношением *в'изл'ѹ, ф н'иск'ѣ, к с'истр'ѣ*.

Умеренное яканье известно не только среднерусским говорам севернорусского происхождения, но и на территории южновеликорусских говоров, где аканье было исконной чертой. Здесь оно может быть объяснено как результат позднейшего воздействия средневеликорусских говоров на южновеликорусские.

Умеренно-ассимилятивный тип яканья мог развиваться на основе умеренного яканья и процесса ассимиляции предударного гласного ударному.

В позднейшую эпоху в результате перемещения населения могло возникать взаимодействие между различными первичными типами безударного вокализма. Вследствие этого появляются новые черты в системе безударного вокализма акающих говоров. Особенно большая пестрота явлений характеризует территории позднейшего заселения. На запад аканье распространялось с территории первичного аканья.

Очевидно, в смоленско-полоцких говорах и части псковских аканье возобладало к XV в.

В исторической фонетике и исторической диалектологии русского языка до сих пор нет ответа на вопрос о причине появления аканья и о первоначальной системе акающего диалекта.

До сих пор распространена гипотеза А. А. Шахматова ¹, которая уже не удовлетворяет научным требованиям и новым представлениям об общем характере фонетической системы древнерусского языка и об основных тенденциях ее развития.

В то же время стремление понять развитие безударного вокализма акающего диалекта с помощью теории фонем интересно и полезно. Действительно, поскольку фонологическая сущность развивающегося аканья состояла в уменьшении различительной способности гласных фонем в безударном положении, в сокращении числа ДП каждой безударной гласной фонемы, а в отдельных случаях даже в полной утрате безударными гласными их фонемного содержания, то

¹ См.: А. А. Шахматов. Очерки древнейшего периода истории русского языка («Энциклопедия славянской филологии», вып. 11). Пг., 1915.

возникает вопрос о том, как должна была вся фонологическая система «ответить» на это изменение. Было ли безразлично для системы в целом столь существенное изменение безударных гласных? Можно ли говорить в этом случае о слабой или даже нулевой функциональной нагрузке безударных гласных? Возмещалась ли утрата различительной способности безударных гласных и сокращение числа их ДП развитием новых фонем или новых ДП у других фонем в системе в целом? На эти вопросы еще нет ответов в исторической фонологии русского языка¹. Теоретически можно предположить, что сокращение числа гласных фонем и уменьшение числа их ДП должно было в этой же системе быть связано с развитием системы согласных фонем, с появлением у этих фонем новых ДП. Такой путь развития можно выявить при изучении судеб ростово-суздальского диалекта, в частности московского говора, принадлежащего к этому диалекту. Здесь вместе с развитием категории согласных фонем, парных по твердости-мягкости, уменьшается число гласных фонем: семифонемная система заменяется пятифонемной уже к рубежу XV — XVI вв. Диалектные данные позволяют сказать, что в дальнейшем число гласных фонем в безударном положении сокращается до четырех в связи с утратой различения /е/ и /о/ или даже до трех в связи с утратой различения /е/, /о/ и /а/. Можно думать, что основной стимул развития московского безударного вокализма определился закономерностями развития вокализма ростово-суздальского диалекта, а последующее влияние акающего диалекта послужило лишь своеобразным катализатором. Очевидно, не случайно безударный вокализм московского типа, как и другие типы вокализма, возникшие на основе ростово-суздальского вокализма, обнаруживает тесную связь с системой твердых-мягких согласных фонем. Таким образом, в подобных системах утрата различительной способности гласных возмещалась развитием противопоставления согласных фонем по твердости-мягкости. Действительно, различение таких словоформ, как [пыл'и'вѡй] — [дъл'и'вѡй], [р'исклвѡт'] — [р'ѣсклвѡт'], [в'илѡ], [д'е"лѡ] и под., держится лишь на противопоставлении согласных.

В указанных системах ясно обнаруживается в н у т

¹ См.: Г. А. Хабургаев. О фонологических условиях развития русского аканья. «Вопросы языкознания», 1965, № 6.

р е н н я я з а в и с и м о с т ь в р а з в и т и и м е ж д у с и с т е м а м и г л а с н ы х и с о г л а с н ы х .

Иное дело — развитие безударного вокализма в исконных акающих говорах. Здесь обнаруживается связь лишь между частными системами вокализма: определенная мена слабых фонем /и/, /а/ происходит при семифонемном составе сильных гласных фонем, другая — при пятифонемном (см. различие между обоянским, щигровским, кидусовским и остальными подтипами диссимилятивного и ассимилятивно-диссимилятивного яканья); мена слабых фонем /и/ и /а/ в пределах каждой разновидности также определяется лишь появлением той или иной сильной гласной фонемы верхнесреднего или среднего подъема. Связи с системой консонантизма не обнаруживается. Для этих говоров характерно отсутствие результатов фонетического изменения [e] в [o] ¹, т. е. в этих говорах продолжительное время существовали силлабемы *с'е — с о*. Следовательно, общая фонологическая система южновеликорусских акающих говоров принципиально иная, чем система акающих говоров центра. В таком направлении она могла развиваться или при слабой функциональной нагрузке гласных фонем в безударном положении, и поэтому утрата ими ряда своих ДП и уменьшение их различительной способности оказалось безразличным для фонологической системы, или же в развитии аканья определенную роль сыграло взаимодействие с другой языковой системой, и, следовательно, все развитие обязано не только внутренним закономерностям восточнославянской фонологической системы ².

В настоящее время вопрос о спонтанном, или субстратном, возникновении аканья в южновеликорусских говорах нельзя считать решенным. П. С. Кузнецов отмечает, что «из ныне сохранившихся языков, соседивших в прошлом и соседящих ныне с русскими говорами, наиболее близкую к аканью структуру безударного вокализма... представляет мордовский язык. В первую очередь речь идет, по-видимому, о мокшанском» ³.

¹ См.: Р. И. А в а н е с о в. Очерки русской диалектологии, т. I. М., Учпедгиз, 1945; е г о ж е, Лингвистическая география и вопросы истории русского языка. «Вопросы языкознания», 1956, № 6.

² См.: Л ы т к и н. Еще к вопросу о происхождении аканья. «Вопросы языкознания», 1965, № 4.

³ П. С. К у з н е ц о в. К вопросу о происхождении аканья. «Вопросы языкознания», 1964, № 1, стр. 39.

Очень сложный вопрос, отчасти связанный и с проблемой иноязычного возникновения аканья: происхождение архаического типа вокализма первого предударного слога. Прежде всего необходимо выяснить, возникает ли система архаического типа диссимилятивного аканья и яканья именно как система диссимилятивная или отношения диссимиляции между гласными ударного и первого предударного слога являются лишь случайным следствием некоторого другого фонетического процесса, как это предполагал А. А. Шахматов и как думают современные интерпретаторы его гипотезы.

П. С. Кузнецов, хотя и подчеркивает, что диссимиляция является редким явлением и менее регулярным, чем ассимиляция, все же считает возможным понять отношения между гласными ударного и первого предударного слога в архаических акающих говорах как результат диссимиляции. «Сложнее ответить на вопрос о причинах образования диссимилятивной модели. Здесь мы опять возвращаемся к возможности субстратного происхождения системы безударного вокализма в зоне первоначального возникновения аканья. Влияние субстрата может сказаться не только прямым, но и обратным воздействием. Такая мысль была некогда высказана В. Н. Сидоровым... Говорящие, переходящие с одной системы на другую, могут не только усваивать особенности новой системы и сохранять некоторые особенности старой, но могут и отталкиваться от особенностей старой, усиливая те отличия, которые существуют между старой и новой системой. Так, при переходе от сингармонической системы вокализма, которая основана на ассимиляции гласных в пределах слова, к системе несингармонической говорящие могут не только усваивать модель, не имеющую отношения к сингармонизму, но и создавать модель антисингармонистическую, основанную на диссимиляции (т. е. создавать своего рода «гиперкорректные» с точки зрения усваиваемого языка формы). Сингармонистические отношения в некоторых языках, с которыми приходилось издавна сталкиваться именно тем восточнославянским говорам, в которых начинается аканье, представлены. Таковы различные тюркские языки, некоторые финно-угорские (например, эрзя-мордовский). Но сложность состоит в том, что диссимилятивная система, представленная в нашем архаическом типе, не является прямо противоположной никакой из систем, представленных в сингармони-

стических языках, где известен сингармонизм или по ряду..., или по лабиализации, но не по подъему. Вопрос пока остается открытым»¹.

Структура диалектных различий великорусского языка эпохи XII — XIV вв.

Диалектные различия, появившиеся в результате падения редуцированных в фонологической системе великорусского диалектного языка, занимали неодинаковое место в этой системе, имели разную структурную значимость.

Одни из них лишь расширили или сузили употребление уже известных системе фонем. Так, изменение [ы] в [о] или в [ы] соответственно расширяло или круг лексики с фонемой /о/, или круг лексики с фонемой /и/.

Другие различия затронули отдельные звенья системы, оставаясь на ее периферии. Примером может быть изменение групп [бм], [дн] в [м:], [н:] в говорах новгородского типа или сохранение этих групп согласных в других говорах.

Были различия, которые не имели фонологического содержания, а касались лишь фонетической реализации фонем. Так, если в одних говорах уже произносили узкие дифтонги [иѐ], [уѐ], а в других гласные фонемы верхне-среднего подъема реализовались напряженными монофтонгами [ê], [ô], то это соотносительное явление оставалось на фонетическом уровне.

Следует, однако, отметить, что возникли и такие диалектные различия, которые пронизывали всю фонологическую систему, затрагивая ее важнейшие, определяющие звенья, взаимно обуславливающие состояние консонантизма и вокализма.

Главное различие было связано с тем, что в ростово-суздальском диалекте последовательно оформилась корреляция согласных фонем, парных по твердости-мягкости. Оформление в этой же системе соотносительного ряда согласных фонем, парных по глухости-звонкости, образовало в системе пучок корреляций, который и составил централь-

¹ П. С. Кузнецов. К вопросу о происхождении аканья «Вопросы языкознания», 1964, № 1, стр. 41.

ное звено фонологической системы ростово-суздальского типа.

Развитие фонологической категории твердых-мягких согласных фонем придало ростово-суздальской системе к о н с о н а н т н ы й характер. Возможности этой оппозиции не были исчерпаны к рубежу XIV — XV вв. Можно сказать, что все последующее развитие фонологической системы ростово-суздальского типа (следовательно, и московского типа, включая как московское просторечие, так и русский литературный язык, сложившийся в своей фонетической системе на основе московского просторечия) определялось возможностями дальнейшего развития противопоставления твердых-мягких согласных фонем. Становление коррелятивных согласных фонем, парных по твердости-мягкости и по звонкости-глухости, было закономерно связано с направлением в развитии гласных среднего и верхне-среднего подъема.

Оформление противопоставления гласных среднего подъема по лабиализованности-нелабиализованности способствовало утрате гласных фонем верхне-среднего подъема, приводило к формированию пятифонемной системы вокализма вместо семифонемной.

Именно эти звенья системы имели другой вид в новгородском диалекте. Здесь категория согласных фонем, парных по твердости-мягкости, оказалась не такой продуктивной, что проявилось не только в меньшем числе парных твердых-мягких согласных, а главным образом в условиях их функционирования — в гораздо меньшем числе сильных позиций для этих парных согласных.

Не случайно, что именно в говорах новгородского типа отсутствует до сих пор полная соотносительность у согласных фонем, парных по глухости-звонкости ¹.

Отсутствие последовательного противопоставления гласных среднего ряда по лабиализованности-нелабиализованности, сохранение семифонемной системы вокализма, включающей и гласные верхне-среднего подъема, находилось во взаимообусловленной связи с указанным направлением в развитии консонантизма. Таким образом, центральные

¹ См.: Р. Ф. Пауфошима. Экспериментально-фонетическое исследование вокализма одного северновеликорусского говора. Автореферат канд. диссертации, 1965 В автореферате Р. Ф. Пауфошима отмечает, что «говору свойственно сохранение звонкости согласных в позиции конца слова» (стр. 11).

фонологические различия между ростово-суздальским и новгородским диалектами лежали в области системы твердых-мягких согласных фонем и гласных фонем среднего и верхне-среднего подъема. Фонологическая система окающих псковских говоров в своих главных чертах совпадала с новгородской.

Псковские диалекты южной части имели черты, объединяющие их с диалектом Смоленско-Полоцкой земли.

Смоленско-полоцкая система включала пятифонемный вокализм (причем, как уже было сказано, семифонемный вокализм здесь не сложился, а фонема, обозначаемая буквой *ль*, утратилась в эпоху падения редуцированных).

Категория твердости-мягкости согласных в этой системе имела черты, общие с северо-западной.

Резко отличался указанными фактами системы акающий диалект. Здесь частная система ударного вокализма из семи сильных гласных фонем сочеталась с трехчленной системой слабых гласных фонем безударных слогов. Гласные первого предударного слога были связаны диссимилятивными отношениями по подъему с ударными гласными. Эта система вокализма совмещалась с такой системой согласных, в которой была ослаблена категория парных твердых-мягких согласных.

Таким образом, к концу древнерусского периода и в начальный период формирования великорусского языка, уже отличного от других восточнославянских языков, украинского и белорусского, на территории его распространения, по сути дела, первоначально складывается в результате изменений, вызванных падением редуцированных, не единая фонологическая система консонантного типа с противопоставленными соответственными диалектными явлениями, а три фонологические системы: ростово-суздальского типа на северо-востоке; новгородско-псковского типа на северо-западе; система акающего диалекта на юге и юго-востоке.

В этот период дифференцирующие тенденции развития фонетического строя преобладают, что и создает довольно резко противопоставленные фонологические системы в пределах великорусского языка до конца XV в., когда возникают новые процессы объединительного характера.

Диалектное членение
великорусского языка

Группировка диалектных различий
великорусского языка в период XIII — XIV вв.

Таблица 6

I. Фонологические различия

	Северо-восточная группа говоров	Северо-западная группа говоров		Западная группа говоров	Южная группа говоров
	Ростово-суздальский диалект	Новгородский диалект	Псковский диалект	Смоленско-полоцкий диалект	Южный акающий диалект
1.	Последовательное развитие системы согласных фонем, парных по твердости-мягкости	Сравнительно слабое развитие системы согласных фонем, парных по твердости-мягкости	Еще более ослабленная категория твердых-мягких согласных фонем		
2.	Фонема /г/	По говорам фонемы /г/ и /γ/			/γ/
3.	Фонемы /в/, /в' /	Фонемы /w/, /w' /			
4	Аффрикаты /ц' / /ч' /, по говорам /ц/, /ч' /	Аффриката /ц'' /			Аффрикаты /ц' / и /ч' /
5.	Отсутствие нейтрализации по назальности-иназальности	Возможность нейтрализации по назальности-иназальности		Отсутствие нейтрализации по назальности-иназальности	

	Ростово-суздальский диалект	Новгородский диалект	Псковский диалект	Смоленско-полоцкий диалект	Южный акающий диалект
6.	Фонологизация отношения /e/ — /o/ с ДП нелабиализованность-лабиализованность	Отсутствие фонологизаций отношения /e/ — /o/ с ДП нелабиализованность-лабиализованность или ее большая ограниченность			
7.	Переходное состояние системы вокализма от семифонемной к пятифонемной	Устойчивое состояние семифонемной системы вокализма В акающих псковских говорах — пятифонемная система	Пятифонемный вокализм	Семифонемный вокализм	
8.	Противопоставление фонем /с' / — /ш' /, /з' / — /ж' / (по ростово-суздальским говорам /ш /, /ж /)	Фонемы /с' /, /з' /		Различение /с' / — /ш' /, /з' / — /ж' /	
9.	Различение безударных гласных		Распространение аканья с XV в		Аканье

II. Лексико-фонологические различия

1.	Фонема /л/ в соответствии с праславянскими <i>*tl</i> , <i>*dl</i> в группе слов	Сочетания /кл/, /гл/ в соответствии с праславянскими <i>*tl</i> , <i>*dl</i> в группе слов	Фонема /л/ на месте праславянских <i>*tl</i> , <i>*dl</i> в группе слов
2.	Сочетание /ш'и/ в группе слов	Сочетание /ч'н/ в этой же группе слов	
3.	Отсутствие слов со «вторым полногласием» или изолированные слова с таким сочетанием	Развитие явления «второго полногласия», оформление слов типа: <i>верех</i> , <i>столоб</i> , <i>гороб</i> и под.	Отсутствие слов со «вторым полногласием» или изолированные слова с таким сочетанием

III. Морфолого-фонологические различия

	Ростово-суздальский диалект	Новгородский диалект	Псковский диалект	Смоленско-полоцкий диалект	Южный акающий диалект
1.	Появление флексии /'оу/ в творительном падеже единственного числа женского рода	Сохранение флексии /'еју/			
2	Сохранение флексии /ê/ или замена ее флексией /е/ в связи с общим процессом замены /ê/ — /е/	Широкое распространение флексии /и/ на месте древней флексии /ê/	Флексия /е/	Флексия /ê/	
3.	Окончание -ово в форме родительного падежа единственного числа прилагательных и местоимений мужского и среднего родов	Окончание -ого или -оуо в этой же форме			

Синхронная интерпретация группировки диалектных различий в период XIII — XVI вв. позволяет выделить следующие диалекты великорусского языка как структурно-территориальные единицы: новгородский, псковский, смоленский, ростово-суздальский и акающий диалекты по течению верхней и средней Оки и в междуречье Оки и Сейма (см. карты «Северо-западная Русь в начале XIII в. (к 1237 г.)» и «Северо-восточная Русь с конца XII в. до начала XIV в.»).

В это время ростово-суздальский диалект еще не приобретает ведущей роли. Можно сказать, что в это время диалекты как бы равноправны. По своей коммуникативной функции эти диалекты близки к языку. В то время диалектизмы легко проникают в язык письменный, окрашивая даже тексты церковнославянских книг. Очевидно, в это время носители диалектов не воспринимали диалек-

тизмы, даже такие яркие, как цоканье, как нечто «отрицательное» в языковой практике, как отступление от нормы. С понятием диалекта как структурно-территориальной единицы в это время тесно переплетается внелингвистический комплекс социально-культурных черт носителей диалекта: этнографических, экономических, культурных.

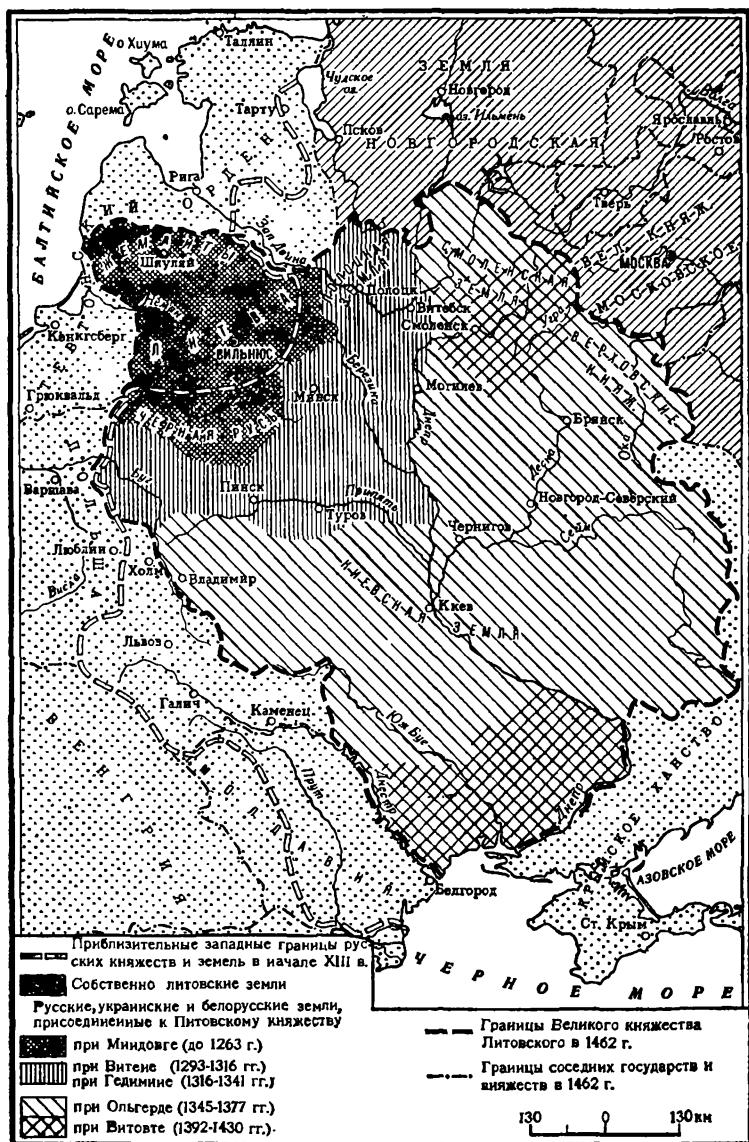
Образование иной диалектной структуры великорусского языка, которая легко прослеживается вплоть до настоящего времени, начинается в следующую эпоху, очевидно с конца XV в. Языковые процессы были тесно связаны с общими историческими процессами образования великорусской народности.

Важнейшими из этих процессов было образование Московского, а затем и Русского государства, сопровождавшееся возвышением города Москвы. Московское княжество уже в конце XIII — начале XIV в. было населенной территорией. «Сюда сбиралось население разоренных татарами русских княжеств»¹. С начала XIV в. начинается территориальное увеличение Московского княжества, сюда был перенесен великокняжеский престол и митрополия. Московское княжество постепенно становилось основным государственным центром на востоке, который все более противопоставлялся другому политическому образованию на западе — Литовско-русскому государству (см. карту на стр. 140).

В 1301 г. к Москве были присоединены Коломна, Лопасня и некоторые другие рязанские земли. Новые территориальные приобретения шли в разных направлениях. В 1303 г. был присоединен Можайский уезд, в 1302 г. — Переяславское княжество, в середине XIV в. — Владимирское и Костромское княжества, во второй половине XIV в. — Белозерское княжество, а в конце XIV в. — Муромское княжество и мещерские земли (см. карту на стр. 141).

Для истории формирования русского языка особенно важны были южные и юго-западные приобретения. В этом направлении были присоединены территории по реке Протве и ее притоку Луже: Новый городок, Боровск, Лужа и Верея, а несколько позднее — Медынь, Калуга, Роща. На юге территориальные приобретения XVI в. включили Северскую землю с древними городами: Путивлем, Рыльском, Курском и др.

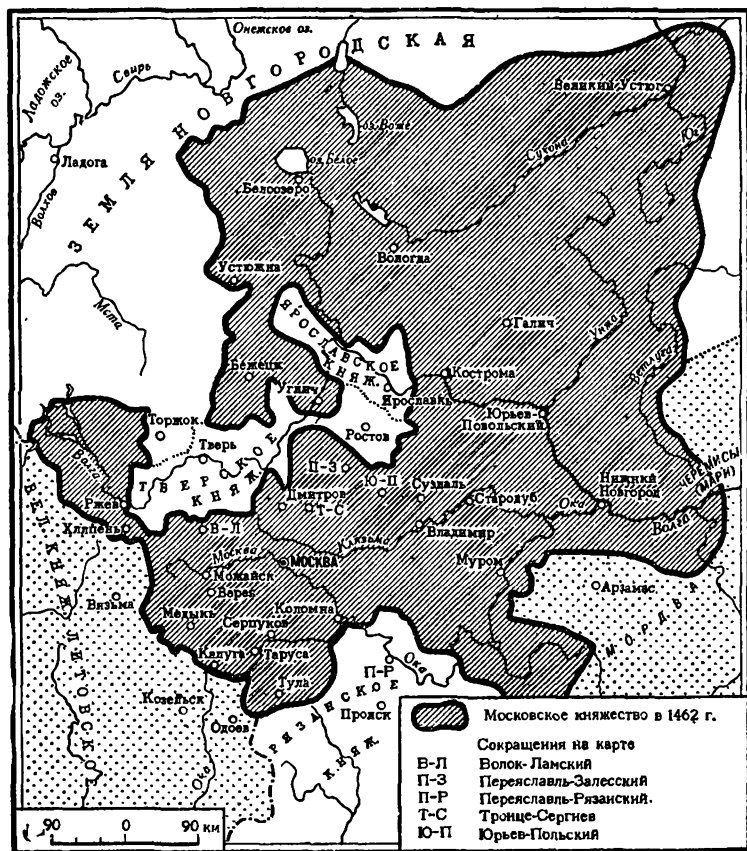
¹ М. К. Любавский. Образование основной территории великорусской народности. Заселение и объединение центра. М., 1859.

Возвышение Москвы и Московского княжества связано и с их главной ролью в борьбе с татарами. В процессе этой борьбы объединились те разнородные элементы, из которых сформировался русский (великорусский) народ.

Образование единого великорусского языка как важнейшего признака великорусской народности имело и свое историко-лингвистическое выражение.

Таким одним из важнейших объективных признаков образования русского (великорусского) языка, противопоставленного украинскому и белорусскому, было возникновение средневеликорусских, переходных говоров, которые, совмещая в себе

черты исконно северных и исконно южных диалектов, свидетельствовали о взаимопроникающих диалектных процессах.

Кроме образования средневеликорусских говоров, был еще один важный процесс, определивший в дальнейшем сложную группировку русских говоров, это — формирование диалектной зоны центра, противопоставленной диалектным зонам периферийных говоров.

Образование диалектной зоны центра

Развитие языка в историко-диалектном отношении — диалектное членение языка, взаимоотношение диалектов, связь истории языка с историей народа, как и развитие языка в историко-структурном отношении, — имеет свои ведущие, главные элементы для каждой исторической эпохи. На рубеже XIV в. два исторических центра: Новгородская и Ростово-Суздальская земли — прежде всего определяли характер Руси и тенденции ее развития. Основная территория складывающейся великорусской народности в это время находилась в Ростово-Суздальском княжестве.

Значительная часть южной, юго-западной и западной, в будущем великорусской, территории отходила к владениям Великого княжества Литовского. В течение XIV в. в зависимость от Литвы попадает и Псков (см карту на стр. 140).

Главные экономические, политические и культурные связи были между Опольщиной (Ростово-Суздальской землей) и Новгородом, крупнейшим торгово-ремесленным городом и центром феодальной республики. Рязанская и Смоленская земли, которые стали также территорией великорусской народности, в XIII в. занимают промежуточное положение: первая — между Ростово-Суздальской землей и Черниговским княжеством, вторая — между Полоцком и северо-восточной Русью ¹.

Самостоятельность и обособленность диалектов северной Руси в XIII — XIV вв. соответствует значительной самостоятельности и своеобразию в других сферах жизни: политической и культурной. Позже, с рубежа XIV — XV вв.

¹ См.: Л. В. Черепнин. Условия формирования русской народности до конца XV века. В кн.: «Вопросы формирования русской народности и вации». М., Изд-во АН СССР, 1958, стр. 7—105.

и в течение XV в., происходит выдвижение ростово-суздальского диалекта на роль ведущего диалекта формирующегося языка великорусской народности. Можно сказать, что отношения «равноправности» между диалектом ростово-суздальским и новгородским (о чем можно было говорить для XIII — XIV вв.), с возможностью развития их в самостоятельные языки, резко меняются в следующую историческую эпоху, с конца XV в., когда в связи с развитием Русского централизованного государства, возвышением Москвы как центра, покорением Новгорода и Пскова, ростово-суздальский диалект становится ведущим диалектом языка великорусской народности.

Перечень черт, по которым современные говоры диалектной зоны центра могут быть противопоставлены периферийным, дает возможность связать их генетически с древним ростово-суздальским диалектом, а современная территория их распространения свидетельствует об историческом распространении черт данного главного диалекта.

Перечислим черты, относящиеся к фонологической системе¹

	Центральные говоры	Периферийные говоры
1.	Результаты последовательного перехода <i>е</i> в <i>о</i> перед следующими твердыми согласными	Единичные случаи неперехода <i>е</i> в <i>о</i> перед следующими твердыми согласными или следы неперехода <i>е</i> в <i>о</i> , проявляющиеся в отдельных словах или морфологических категориях
2.	Последовательное различие аффрикат <i>ц</i> и <i>ч</i>	Разные случаи неразличения аффрикат или их отсутствие
3.	Наличие долгих мягких шипящих <i>ш:</i> и <i>ж:</i>	Наличие долгих твердых шипящих <i>ж:</i> , <i>ш:</i> или разных звуковых комплексов в соответствии долгим мягким шипящим <i>ж:</i> ?, <i>ш:</i> ?
4.	Наличие <i>в</i> , чередующегося с <i>ѡ</i> , в конце слова и слога	Наличие <i>в</i> , чередующегося с <i>ѡ</i> в конце слова и слога
5.	Различение <i>л</i> — <i>л'</i> : /л/ампа, /л/ошадь, /л'/амка, /л'/од, па/л/ка, по/л'/ка, уго/л/, уго/л'/	Различение <i>л</i> — <i>л'</i> : /л/ампа, /л/ошадь, /л'/амка, /л'/од при чередовании <i>л</i> с <i>ѡ</i> в конце слова и слога па/ѡ/ка, уна/ѡ/ и т. п. Возможность чередования с <i>ѡ</i> при различении <i>л</i> — <i>л'</i>

¹ Перечень дается по книге «Русская диалектология», под ред. Р. И. Аванесова и В. Г. Орловой. М., «Наука», 1964, стр. 230.

Группа периферийных говоров северновеликорусского наречия складывается прежде всего на основе древненовгородского диалекта — это новгородская, поморская (архангельская), олонечкая и вологодско-вятская группы. Р. И. Аванесов отмечает, что и в настоящее время говоры севера Европейской части СССР весьма близки друг к другу. Однако, распространившись на огромной территории, отдельные части которой имели своеобразную судьбу, новгородский диалект в разных местах развивался неодинаково¹. История формирования этих групп и диалектных различий между ними относится к эпохе после XV в., т. е. главным образом к XVI—XVIII вв., и в нашей науке совершенно не изучена. Зная состояние древненовгородского диалекта к рубежу XIV — XV вв. и сопоставляя его с современными данными, можно лишь в самом общем виде предположить, что эти различия сложились, во-первых, в результате неодинаковой исторической судьбы основных закономерностей, свойственных фонологической системе древненовгородского диалекта XIV в., и, во-вторых, в результате взаимодействия с системами диалектов других языков, прежде всего финской группы, с носителями которых столкнулись новгородцы при освоении восточных и северо-восточных земель. К числу первых отличий, сложившихся на протяжении XVI — XVIII вв., можно отнести дальнейшее изменение в системе твердых-мягких согласных:

а) отличия в группе не противопоставленных уже в древненовгородском диалекте губных спирантов;

б) различные замены звуков [ф] и [ф'], не вошедших в фонологическую систему новгородского диалекта;

в) разные виды утраты противопоставления /л/ — /л'/, взаимодействие этой группы с губными спирантами в связи с изменением /л/ в /w/ в определенных позициях;

г) утрата по говорам противопоставления по твердости-мягкости у зубных согласных на конце слова и перед гласной фонемой /и/.

Таким образом, та общая черта, которая отличала древненовгородский диалект от ростово-суздальского и проявлялась в недостаточном развитии категории парных соглас-

¹ См.: Р. И. Аванесов. Вопросы истории русского языка. В кн.: «Вопросы формирования русской народности и нации». М., Изд-во АН СССР, 1958, стр. 181.

ных фонем, противопоставленных по твердости-мягкости, в дальнейшем, после XV в., продолжала свое развитие в тех периферийных северновеликорусских говорах, которые не были затронуты влиянием центральных говоров. К числу этих отличий можно отнести и различное изменение или сохранение гласных фонем верхне-среднего подъема /*ĕ*/ и /*ô*/. Если согласиться, что в древненовгородском диалекте на рубеже XIV — XV вв. эти гласные фонемы имели дифтонгический характер, т. е. звучали как [i[̃]e] и [y[̃]ô], то можно сказать, что одни северные говоры сохранили эти фонемы в этом же звучании, другие их изменили и в зависимости от усиления первой или второй части дифтонга [i[̃]e] в современных северных говорах есть звук [и], совпавший с фонемой /и/, или звук [e], совпавший с фонемой /e/, или звук [ê], реализующий особую фонему /ê/. Фонема /ô/ в этих говорах утратилась. С наличием исходной семифонемной системы вокализма, где различалось четыре степени подъема и ДП фонем /*ĕ*/ — /e/, /*ô*/ — /o/ была именно степень подъема, связана судьба гласной фонемы нижнего подъема — /a/. Как показало фонетико-экспериментальное изучение групп северновеликорусских говоров, проведенное С. С. Высотским и его учениками, при семифонемной системе вокализма, при различении /i[̃]e/ — /e/ и /y[̃]ô/ — /o/, гласный нижнего подъема должен быть и в положении после твердого согласного более переднего образования. Естественно, что между мягкими согласными такой гласный подвергся дальнейшим изменениям по ряду. Результаты этих изменений и фиксируются в современных говорах, генетически связанных с новгородским диалектом. Лексический и формообразовательный материал, реализующий это изменение [â] по ряду, по говорам может различаться¹.

Дают фонетическое материальное различие по говорам непарные фонемы /ш:'/ и /ж:'/.

В результате столкновения новгородцев с носителями других языков (при освоении новых земель) мог продолжиться процесс, начавшийся еще в древнюю эпоху и приведший сначала к появлению цоканья, процесс полной утраты противопоставления зубных и нёбных согласных, т. е.

¹ См.: Р. Ф. Пауфшима. Экспериментально-фонетическое исследование вокализма одного северновеликорусского говора. Канд. диссертация (рукопись), 1965.

полной утраты ДП — «дентальность-альвеолярность», когда утрачивается не только противопоставление аффрикат /ц/ и /ч'/, но и фрикативных свистящих и шипящих /с/ — /ш/, /з/ — /ж/ ¹.

Нельзя не отметить, что именно периферийные северные говоры, в наибольшей мере говоры вологодской группы, лучше сохранили черты древненовгородского диалекта и тенденции его развития, чем говоры в области Новгорода, что связано со сложной судьбой населения Великого Новгорода после покорения его Москвой. Судя по данным современной диалектологии, вокруг Новгорода в настоящее время расположены переходные говоры, имеющие черты, общие с переходными говорами владимирско-поволжского типа, а это позволяет сказать, что древнее население Новгорода и его области не сохранилось ². Оно, очевидно, покинуло эти места, и в дальнейшем сюда перешли группы населения из Ростово-Суздальской земли.

К периферийным акающим южновеликорусским говорам относятся говоры исконно заселенных акающим диалектом земель с древними городами Путивлем, Рыльском, Курском и говоры, которые сложились на землях новой колонизации: на юг по Дону и далеко на юго-восток от Рязанского княжества. На этой территории мы находим сейчас по преимуществу говоры с разными разновидностями диссимильативного яканья, т. е. южновеликорусские говоры, наиболее архаические по типу.

Чем можно объяснить, что на местах новой колонизации, куда обычно сходится население с разных мест, мы находим не сбитый смешанный говор новейшей формации, а довольно архаический тип говора? Р. И. Аванесов так излагает ответ на этот вопрос: «Как известно, интенсивная колонизация юга началась со второй половины XVI в. и продолжалась в течение всего XVII в. ... Колонизация эта носила неодинаковый характер и была различной по своему социальному составу: вольные выходцы, беглые холопы, далее и правительственная колонизация, привед-

¹ См.: В. В. Колесов. К фонологическому объяснению северновеликорусского цоканья. «Тезисы докладов на X диалектологическом совещании». М., 1965; Г. А. Турбин. Шепелявенье мягких зубных согласных в уральских говорах. «Тезисы докладов на X диалектологическом совещании». М., 1965.

² См.: «Русская диалектология», под ред. Р. И. Аванесова и В. Г. Орловой. М., «Наука», 1964.

шая сюда детей боярских, казаков, солдат, вообще низшего разряда служилых людей, частично посадский элемент из городов; наконец, по мере усиления власти помещиков над крестьянами усиливалась частновладельческая колонизация.

Но колонизация эта обладала постоянством в одном — в своем направлении с севера на юг. При этом это не было движением с крайнего севера на крайний юг, а обычно было перемещением с соседних территорий, ...«сползанием» населения на юг, по мере того, как ближайшие районы к югу оказывались доступными для колонизации... Указанный выше характер колонизации нашего юга путем постепенного «сползания» населения на соседние территории в южном направлении ... хорошо объясняет более архаический характер южновеликорусских говоров на юго-востоке территории их распространения» ¹.

Более поздняя колонизация юга, помещичья, а также монастырская, продолжавшаяся и в XVIII, и в XIX вв., шла из разных мест и приводила к «пестроте говоров разных по происхождению социальных групп на нашем юге» ².

Очевидно, в эту же эпоху, когда возникает диалектная зона центра, образуется и северновеликорусское наречие на основе прежде всего древненовгородского и ростово-суздальского диалектов. Это объединение также связано с приобретением ростово-суздальским диалектом ведущей роли. Именно этот фактор способствовал распространению языковых черт с востока на запад, к оттеснению ряда типичных новгородских черт на запад, где до сих пор идет узкой полосой северная часть западной диалектной зоны ³. (См. карту «Диалектологическая карта русского языка».)

¹ Р. И. А в а н е с о в. Вопросы образования русского языка в его говорах. «Вестник МГУ», 1947, № 9, стр. 141—143.

² Т а м ж е.

³ Проблема образования севернорусского наречия на основе исторической интерпретации современных изоглосс подробно рассматривается в книге «Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров», под ред. В. Г. Орловой. М., «Наука», 1970.

Образование средневеликорусских (переходных) говоров

Учение о средневеликорусских, переходных говорах начало складываться уже в работах по исторической диалектологии А. А. Шахматова, но получило последовательное развитие в трудах Московской диалектологической комиссии, особенно в исследованиях Н. Н. Дурново. Основные положения этого учения следующие:

1. Как выражение образования языка, общего для великорусской народности, было возникновение средневеликорусских, переходных говоров, совместивших в своем составе черты обоих основных наречий великорусского языка, северновеликорусского и южновеликорусского.

2. К северновеликорусским в таких говорах чертам относят звук [г] взрывного образования, цоканье, особый гласный звук типа [ê] или [иѐ] на месте древнего «ять», а к южновеликорусским — неразличение гласных неверхнего подъема в безударных слогах.

3. Переходные, средневеликорусские говоры территориально занимают промежуточное положение между северновеликорусским и южновеликорусским наречием.

4. Образование средневеликорусских говоров протекало как влияние южновеликорусских говоров на северновеликорусские. Поэтому средневеликорусские говоры — это говоры в своей основе северновеликорусские с южновеликорусским (или белорусским) наслоением. Положение о северновеликорусской основе и южновеликорусском (или белорусском) наслоении каждого средневеликорусского говора составляет основной и определяющий вывод всего данного учения.

5. После образования средневеликорусских говоров возникновение новых диалектных различий в пределах великорусского языка прекратилось, новые изменения теперь охватывают язык в целом.

Основные положения учения о средневеликорусских говорах в русской описательной и исторической диалектологии не подвергались серьезному критическому рассмотрению до конца сороковых годов.

Подробный критический анализ этих положений был дан в работах Р. И. Аванесова, первое изложение результа-

тов этого анализа дано в статье «Вопросы образования русского языка в его говорах».

Р. И. Аванесов не только анализирует работы своих предшественников, но и предлагает свое положительное решение возникших вопросов, причем указывает, что Н. Н. Дурново в отдельных работах близко подходил к новому решению вопросов, связанных с проблемой средневеликорусских говоров, но догматизм учения Московской диалектологической комиссии помешал ему утвердиться в этих новых выводах.

Р. И. Аванесов привлекает все известные в 40-е годы диалектологические данные и сочетает их с историко-социальными, историко-культурными сведениями. Именно опираясь на общие исторические данные, Р. И. Аванесов отвергает утверждение, что все средневеликорусские говоры — результат влияния языка южновеликорусов на язык северновеликорусов, как антиисторическое. В период образования первичных средневеликорусских говоров южновеликорусы не занимали преобладающего положения в культурном отношении, а влияние — предполагает различие в культурном уровне. Напротив, северновеликорусы в то время в культурном отношении были выше южновеликорусов.

Суммируя диалектные факты, Р. И. Аванесов убедительно показывает, что такие явления, как цоканье, произношение [ê] или [iê] на месте ъ нельзя отнести к числу северновеликорусских, так как они могли независимо развиваться как в северновеликорусских, так и южновеликорусских говорах. В результате рассмотрения всех относящихся к данной проблеме материалов Р. И. Аванесов формулирует основные положения диалектологии об образовании средневеликорусских говоров.

1. Следует различать первичные и вторичные средневеликорусские говоры. Первичные говоры возникли в результате этнического смешения носителей первоначально различных диалектов. Поэтому в отношении этих говоров нельзя говорить об основе и наслоении. К числу таких первичных говоров, очевидно, следует отнести московский диалект. Причем здесь имеется в виду именно диалект, а не московское просторечие как живая основа русского литературного языка с его северновеликорусской основой.

Вторичные средневеликорусские говоры имеют как

северновеликорусскую, так и южно-великорусскую основу. Так, тульская группа говоров территориально рано (уже в XIV в.) вошла в состав Московского государства и испытала влияние одного из средневеликорусских говоров — московского, через который она и получила северновеликорусские черты. В результате говоры тульского типа можно отнести к средне-великорусским, которые имеют южновеликорусскую основу.

2. Вопрос о генетически северновеликорусских и исконных южновеликорусских чертах еще ждет своего решения. В настоящее время лишь отдельные черты могут получить более или менее точную генетическую оценку. Так, звук [ɾ] взрывного образования — черта северновеликорусская, так как различие между [ɾ] и [ɹ] сложилось еще в эпоху племенных диалектов, и, следовательно, ко времени образования территориальных диалектов это противопоставление [ɾ] — [ɹ] как северной черты южной было сложившимся. К южно-великорусским по происхождению следует отнести все типы аканья, включающие в той или иной степени принцип диссимилятивности.

3. Образование средневеликорусских говоров не прекратило диалектных процессов в языке великорусской народности, появление новых диалектных различий.

Новая книга по русской диалектологии¹ предлагает свое решение данной проблемы. В ней не формулируются основные определения средневеликорусских говоров, но их можно вывести, обратившись к предлагаемой авторами диалектологической карте современного русского языка и к данной ими группировке русских говоров.

1. Авторы выделяют группы среднерусских говоров, как и группы севернорусских и южнорусских, в результате чисто синхронной интерпретации изоглосс. Поскольку группировка говоров языка каждой данной исторической эпохи принадлежит именно данной эпохе, данному историческому языку, то, очевидно, определить группы говоров следует именно путем синхронной интерпретации полученных изоглосс, как бы исторически эти группы ни сложились.

2. Среднерусские говоры занимают значительную территорию между северным и южным наречиями. Территория

¹ «Русская диалектология», под ред. Р. И. Аванесова и В. Г. Орловой. «Наука». М., 1967.

среднерусских говоров, как она дана в «Русской диалектологии», значительно шире той, которая выделялась членами Московской диалектологической комиссии, и отличается от территории, выделенной Р. И. Аванесовым (см.: «Очерки диалектологии русского языка». М., 1947).

3. В число среднерусских говоров включены те, которые совмещают черты северного и южного наречия. Если иметь в виду только фонетические черты, то группы среднерусских говоров составляют те говоры, которые совмещают согласный [г] взрывного образования и редукцию гласных неверхнего подъема во втором (и далее от ударения) предударном слоге и в заударных слогах, кроме конечного открытого.

4. Кроме совмещения этих черт, которые определяют фонетическую структуру всех среднерусских говоров, каждая группа имеет свой набор северных и южных звуковых черт. При всем общем, что позволило все среднерусские говоры выделить и противопоставить как говорам северного, так и южного наречия, эти говоры весьма различаются между собой. «На любой части территории, занимаемой этими говорами, мы наблюдаем сосуществование сложившихся в своеобразные системы черт, порознь известных как наречиям, так и тем диалектным зонам, характерные явления которых распространены в полосе этих говоров. При этом, поскольку ареалы разных явлений по-разному расположены на разных частях территории среднерусских говоров, возможные сочетания языковых черт являются весьма разнообразными в их пределах.

Неоднородность среднерусских говоров находит свое выражение также и в разной степени оформленности, организованности систем отдельных групп таких говоров. Это зависит от моментов исторического характера: от времени сложения этих групп, от того, в какой мере разнодиалектные по происхождению черты подверглись в них трансформации, а также от того, имеются ли на территории данной части среднерусских говоров только ей присущие черты и каков круг этих черт.

На основе этого рода предпосылок в пределах среднерусских говоров выделяется несколько достаточно определенных по наличию характерного для них языкового комплекса групп говоров» ¹.

¹ «Русская диалектология», под ред. Р. И. Аванесова и В. Г. Орловой. М., «Наука», 1967, стр. 241.

Итак, неоднородность среднерусских говоров может быть объяснена сведениями исторической диалектологии. Действительно, сочетание тех фонетических изоглосс, которые оказались решающими при выделении полосы среднерусских говоров, исторически сложилось весьма различно. Во владимирско-поволжской группе восточных среднерусских говоров¹, а также в ее подгруппах (калининской и горьковской) появление данных изоглосс связано с внутренним развитием фонологической системы ростово-суздальского типа (эти говоры генетически связаны с ростово-суздальским диалектом).

Как было показано выше, важнейшей особенностью формирующейся после падения редуцированных фонологической системы ростово-суздальского диалекта было последовательное развитие категории согласных фонем, парных по твердости-мягкости. В такой системе закономерно ослабляется роль гласных фонем, происходит сокращение их числа и уменьшение объема дифференциальных признаков гласных фонем. Утрата фонем /ê/ и /ô/, неразличение безударных [e] и [o], а позже и появление редукции в безударных слогах (кроме первого предударного) явились фонетическим выражением определенных фонологических изменений: дальнейшим уменьшением дифференцирующей роли гласных.

Таким образом, данное развитие систем указанных говоров могло идти вне зависимости, вне связи с развитием акающего вокализма с его редукцией безударных гласных.

Иначе появились эти же изоглоссы в акающих восточных среднерусских говорах, их отделах А, Б, В. Можно думать, что и в пределах этих отделов исторический процесс образования изоглосс среднерусских говоров шел различно. Отдел А составляют говоры московский и подмосковные. Это как раз территория первичных (по определению Р. И. Аванесова) средневеликорусских говоров. Столкновение здесь, в центре формирования великорусской народности и ее языка, разных этнических групп с их различными диалектами привело к образованию такого нового диалекта, такой амальгамы севернорусских и южнорусских черт, которые нельзя разложить на основу и наслоение. Московское аканье не есть южновеликорусское аканье,

¹ См. Диалектологическую карту русского языка, приложенную к «Русской диалектологии» («Наука», 1967).

наслоившееся на северный, ростово-суздальский консонантизм. Изучение истории московского говора, его фонетической системы, показывает, что южновеликорусское влияние сыграло здесь лишь роль толчка, как бы «усилителя» тех процессов, которые протекали в системе самого московского говора как одного из ростово-суздальских.

Многие черты безударного вокализма московского типа — аканье в сочетании с предупредным еканьем и частичным различием [e] и [a] после мягких согласных в заударных слогах — были подготовлены развитием самой системы ростово-суздальского типа. Не случайно, что утрачивается именно ДП «лабиализованность-нелабиализованность» в частной системе безударных гласных. Ведь именно этот признак, возникший в результате взаимодействия фонетических и морфологических изменений, был слабым, с незначительной функциональной нагрузкой.

Если бы сама система московского говора не была подготовлена внутренним развитием к восприятию основных признаков акающего вокализма, трудно было бы ожидать столь быстрого преобразования московского говора. Еще в московских текстах XIV — XV вв. мы не находим отражения аканья, а к середине XVII в. аканье, несомненно, было определяющей чертой московского вокализма. А после XVII в. оно лишь незначительно продвинулось на север от Москвы. Если учесть, что южновеликорусы в XV — XVI и начале XVII вв. не имели культурного превосходства и аканье не могло иметь социальную значимость нормы, то такой результат исторического развития фонетической системы был бы необъясним.

Другие акающие восточные среднерусские говоры сложились на базе южновеликорусского акающего диалекта, его рязанской группы, и восприняли северновеликорусские черты, в том числе и [ɣ] уже под влиянием московского говора, т. е. здесь можно уже говорить об основе, южновеликорусской, и о наложении, северновеликорусском.

Что касается западных среднерусских говоров, то, очевидно, и здесь история их сложения была различной.

Новгородская группа западных среднерусских говоров не могла сложиться на основе древненовгородского диалекта. Эти говоры имеют сходство с восточной владимирско-поволжской группой, в том числе и сходство по основной черте среднерусских говоров — редукции безударных гласных. Можно предположить, что после покорения Новгоро-

да Москвой в XV в. основная часть новгородцев оставила эти места, ушла на северо-восток (не случайно именно здесь мы находим говоры, непосредственно продолжающие древне-новгородский диалект), а сюда пришли суздальцы и в дальнейшем определили ряд важнейших черт говоров этих мест.

Северная часть псковского диалекта издавна переживала языковые изменения, объединяющие ее с говорами Новгорода и его области. Поэтому гдовские окающие говоры имеют черты, общие с новгородской группой говоров.

Остальные западные акающие среднерусские говоры сложились на основе древнепсковского диалекта. Как мы знаем, аканье здесь вторичная, но довольно ранняя черта. Уже в XV в. аканье распространилось на запад и северо-запад.

Уже самый общий исторический комментарий показывает, что среднерусские современные говоры, выделенные в результате синхронной интерпретации изоглосс, приобретают совершенно новое содержание, принципиально отличное от того содержания, которое соединялось с этим понятием у создателей учения о средневеликорусских говорах, А. А. Шахматова и Н. Н. Дурново и других членов Московской диалектологической комиссии, отличается и от содержания, которое придавал этому понятию в своих работах Р. И. Аванесов. Если сохранять за понятием среднерусские (средневеликорусские) говоры их основное, генетическое содержание — говоры, сложившиеся на стыке северновеликорусского и южновеликорусского наречий и совместившие их черты, сложившиеся как внешнее выражение объединения этих наречий в едином великорусском языке, — то тогда следует к числу среднерусских говоров относить лишь акающие западные среднерусские говоры с двумя группами: псковская, селигеро-торжковская, и акающие восточные среднерусские говоры с их тремя отделами: отдел А, отдел Б, отдел В. Новгородские и гдовские говоры западной группы и владимирско-поволжские группы с их калининской и горьковской подгруппами следует отнести к говорам севернорусского наречия.

Если сохранить объем среднерусских говоров, полученный на новой диалектологической карте, то следует дать новое определение понятию «среднерусские говоры».

Как уже было сказано, образование диалектной зоны центра, как и возникновение средневеликорусских говоров,

процессы, свидетельствующие об объединительных тенденциях, об образовании единого языка великорусской народности на базе первоначально весьма самостоятельных отдельных восточнославянских диалектов, не прекратили возникновения новых диалектных черт и даже образования новых диалектных групп периферийных говоров.

Эти поздние диалектные процессы, относящиеся к эпохе XVI — XVII вв., слабо изучены и поэтому в обобщающей работе по исторической диалектологии по данным исторической фонологии еще не могут быть освещены.

Важнейшим историко-культурным результатом и выражением образования единого русского языка было формирование современного русского литературного языка с его сложной стилистической структурой, соответствующей многообразию его социально-культурных и эстетических функций.

Надтерриториальный, со своими строгими нормами, литературный язык объявляется высшей формой единого русского языка, подчиняющий все остальные формы, в том числе и территориально-диалектные. Происходит сложный процесс взаимодействия литературного языка с диалектами. Но изучение этого процесса, как и процесса формирования литературного языка, уже выходит за пределы предлагаемой книги по исторической диалектологии.

Галичское евангелие 1357 года. Рукопись ГИМ'а, из собрания Патриаршей библиотеки, № 68 (по исследованию Л. П. Ж у к о в с к о й «Из истории языка северо-восточной Руси в середине XIV века». «Труды Института языкознания АН СССР», т. 8, 1957).

Московское евангелие 1358 года. Рукопись ГИМ'а, из собрания Патриаршей библиотеки, № 69 (по исследованию О. А. К н я з е в с к о й «К истории русского языка северо-восточной Руси в середине XIV века». «Труды Института языкознания АН СССР», т. 8, 1957).

Переяславское евангелие 1354 года. Рукопись ГИМ'а, Синодальное собрание, № 67 (по исследованию П. С. К у з н е ц о в а «К исторической фонетике ростово-суздальских говоров» «Доклады и сообщения Института русского языка АН СССР», 1948, вып. 2).

Псковский пролог 1383 года. Рукопись ЦГАДА, № 172 (по исследованию Т. Н. К а н д а у р о н о й «К истории древнепсковского диалекта XIV века». «Труды Института языкознания АН СССР», т. 8, 1957).

Двинские грамоты XV века (по изданию и исследованию А. А. Ш а х м а т о в а «Исследования о двинских грамотах XV века», ч. I, II. СПб., 1903, а также по изданию М. С и б и р ц е н а и А. А. Ш а х м а т о в а «Еще несколько двинских грамот XV века», т. I, 1909).

Московские грамоты XIV—XV вв. (по изданию «Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV — XVI вв». М.—Л., Изд-во АН СССР, 1950).

Новгородские грамоты XV века (по изданию «Грамоты Великого Новгорода и Пскова» М.—Л., Изд-во АН СССР, 1947).

Смоленские грамоты XIII—XIV вв. М., Изд-во АН СССР, 1963.

Грамоты из архивов Кирилло-Белозерского, Ферапонтова и Спасо-Евфимьева монастырей (подлинные до 1505 г.) (по изданию «Акты социально-экономической истории северо-восточной Руси», т. II. М., Изд-во АН СССР, 1958).

«Материалы для изучения великорусских говоров X — XI вв». «Сборник отделения русского языка и словесности АН», 1921—1922, т. ХСІХ, № 2, 3.

«Материалы Атласа русских центральных говоров к востоку от Москвы», ч. I — П. М., Изд-во АН СССР, 1957.

Новгородские берестяные грамоты (по исследованию «Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот». М., Изд-во АН СССР, 1955).

¹ В работе обобщен материал указанных источников, проанализированных автором или извлеченных из исследований других лингвистов.

Аванесов Р. И., Сидоров В. Н. Очерк грамматики русского литературного языка, ч. 1. М., Учпедгиз, 1945.

Ананесов Р. И. Вопросы образования русского языка в его говорах. «Вестник МГУ», 1947, № 9.

Аванесов Р. И. Из истории русского вокализма. Звуки *і* и *у*. «Вестник МГУ», 1947, № 1.

Аванесов Р. И. Очерки русской диалектологии, ч. 1. М., Учпедгиз, 1949.

Аванесов Р. И. Лингвистическая география и история русского языка. «Вопросы языкознания», 1952, № 6.

Аванесов Р. И. Фонетика современного русского литературного языка. Изд-во МГУ, 1956.

Аванесов Р. И. Вопросы истории русского языка в эпоху формирования и дальнейшего развития русской (великорусской) народности. В сб.: «Вопросы формирования русской народности и нации». М — Л., Изд-во АН СССР, 1958.

Бернштейн С. Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., Изд-во АН СССР, 1961.

Борковский В. И., Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка. М., Изд-во АН СССР, 1963.

Васильев Л. Л. К истории звука *ль* в московском говоре в XIV — XVII вв. «Известия отделения русского языка и словесности», 1905, т. 10, кн. 2.

Васильев Л. Л. О значении *каморы* и некоторых древнерусских памятниках XVI — XVII вв. «Сборник по русскому языку и словесности», т. 1, вып. 2. Л., Изд-во АН СССР, 1929.

Виноградов В. В. Исследования в области фонетики северо-великорусского наречия, вып. 1. Пг., 1923.

«Вопросы теории лингвистической географии», под ред. Р. И. Аванесова. М., Изд-во АН СССР, 1962.

Горшкова К. В. Очерк исторической диалектологии северной Руси. Изд-во МГУ, 1968.

Захарова К. Ф. Архаические типы диссимилятивного яканья в говорах Белгородской и Воронежской областей. «Материалы и исследования по русской диалектологии», т. 1. М., Изд-во АН СССР, 1959.

Захарова К. Ф., Орлова В. Г. Диалектное членение русского языка. М., «Просвещение», 1970.

Зеленин Д. К. О происхождении северо-великорусов Великого Новгорода. «Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР», 1954, вып. VI.

Иванов В. В. Из истории волоколамских говоров XV—XVIII в. «Ученые записки Института славяноведения АН СССР», 1960, т. XIX.

Иванов В. В. Историческая фонология русского языка. М., «Просвещение», 1967.

Калнынь Л. Э. К истории коломенских говоров. «Труды Института языкознания АН СССР», 1957, т. VII.

Каринский Н. М. Язык Пскова и его области в XV в. СПб., 1909.

Колесов В. В. Эволюция фонемы /ô/ в русских северо-западных говорах. «Научные доклады высшей школы. Филологические науки», 1962, № 3.

Котков С. И. Южновеликорусское наречие в XVII столетии. М., Изд-во АН СССР, 1963.

Кузнецов П. С. К вопросу о происхождении аканья. «Вопросы языкознания», 1964, № 1.

Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., Изд-во АН СССР, 1951.

«Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров (По данным лингвистической географии)», под ред. Орловой В. Г. М., «Наука», 1970.

Орлова В. Г. Губные спиранты в русском языке. «Труды Института русского языка АН СССР», 1950, т. II.

Орлова В. Г. История аффрикат в русском языке в связи с образованием русских народных говоров. М., Изд-во АН СССР, 1959.

«Очерки по фонетике севернорусских говоров». М., «Наука», 1967.

Пожаричкая С. К. Типы вокализма первого предударного слога после мягких согласных в северновеликорусских говорах. Канд. диссертация (*рукопись*), 1963.

«Псковские говоры», вып. 1. Псков, 1962.

«Русская диалектология», под ред. Аванесова Р. И. и Орловой В. Г. М., «Наука», 1964.

«Русская диалектология», под ред. Кузнецова П. С. М., «Просвещение», 1971.

Селищев А. М. Критические замечания о реконструкции древнейшей судьбы русских диалектов. В кн.: Селищев А. М. Избранные труды. М., «Просвещение», 1968.

Сидоров В. Н. Из истории звуков русского языка. М., «Наука», 1966.

Соболевский А. И. Очерки из истории русского языка, ч. 1. Киев, 1884.

Филин Ф. П. Образование языка восточных славян. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1962.

Шахматов А. А. Очерк древнейшего периода истории русского языка. Пг., 1915 («Энциклопедия славянской филологии», вып. II).

Оглавление

От автора	3
Введение	5
Становление исторической диалектологии как научной дисциплины	—
Основные понятия исторической диалектологии . . .	18
Источники исторической диалектологии.	23
Письменные памятники.	—
Современные говоры	32
Данные лингвистической географии.	37
Топонимия, ономастика и диалектология.	40
Методы исторической диалектологии.	41
Синтагматика и парадигматика в истории языка . . .	46
Глава первая	56
Диалектные отличия и диалекты древнерусского языка	—
Исторические сведения	—
Диалектные отличия древнерусского языка в эпоху XI — начала XII в.	64
Диалекты древнерусского языка	69
Глава вторая	72
Образование фонологических диалектных различий в старо- русском (великорусском) языке	—
Вводные замечания	—
Диалектные различия, вызванные падением редуциро- ванных	77
О «втором полногласии» как диалектной черте	79
Развитие диалектных различий, связанных с формиро- ванием категории согласных фонем, парных по твердо- сти-мягкости.	81
Диалектные различия как результат истории зву- ков [e] и [o]	90
Диалектные различия в истории фонемы /ê/	100
О фонеме /ô/ в диалектах великорусского языка . . .	112
Диалектные явления при варьировании согласных по глухости-звонкости, способу и месту образования . .	117
История противопоставления оканья аканью	119

Структура диалектных различий великорусского языка эпохи XII—XIV вв.	133
Глава третья	136
Диалектное членение великорусского языка	—
Группировка диалектных различий великорусского языка в период XIII—XIV вв.	—
Образование диалектной зоны центра	142
Образование средневеликорусских (переходных) говоров	148
Использованные источники.	156
Основная литература	157
П р и л о ж е н и е	
Диалектологическая карта русского языка	
Карта северо-западной Руси в начале XIII в.	
Карта северо-восточной Руси с конца XII в. до начала XIV в.	

Клавдия Васильевна Горшкова

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДИАЛЕКТОЛОГИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

Редактор Г. В. Карпюк

Художественный редактор Н. А. Володина

Редактор карт Е. В. Смирнова

Технический редактор Л. К. Кухаревич

Корректоры В. А. Глебова и А. П. Родионова

* * *

Сдано в набор 1/II 1971 г. Подписано к печати 27/VI 1972 г. 84×108^{1/32}.
 Типографская № 3 Печ. л. 5+1,15 вкл. Условн. л. 8,4+1,91 вкл Уч. изд л.
 8,87+1,65 вкл. Тираж 40 тыс. экз А-07270

* * *

Издательство «Просвещение» Комитета по печати при Совете Министров
 РСФСР, Москва, 3-й проезд Марьиной рощи, 41.

Отпечатано с готовых матриц в областной типографии им. Смирнова
 Смоленского управления по печати, г. Смоленск, пр. им. Ю. Гагарина, 2.
 Заказ 6207

Цена без переплета 42 коп., переплет 10 коп.

Советские книги и учебники

SOVIETIME.RU

СКАЧАТЬ

